

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1/2009

ISSN 0131-2812

Российско-китайские отношения
в 2008 году

•

Китай и Индия в начале XXI века

•

Китай и мировой
экономический кризис

•

Инновационная Россия
на дальневосточном направлении

•

Российско-японские отношения
в начале XX века

•

Ксилография
в средневековом Вьетнаме

2-й экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2009

Январь - Февраль

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год
на русском и четыре раза в год
на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 3

ДОКУМЕНТЫ

Заявление лидеров АТЭС по глобальной экономике 4

ПОЛИТИКА

В. Портяков. Российско-китайские отношения в 2008 году 6

С. Уянаев. Китай—Индия: отношения в начале нового столетия..... 19

ЭКОНОМИКА

Я. Бергер. Китай в условиях глобального экономического кризиса 31

А. Пиковер. Интернет и развитие электронной торговли в КНР 45

Н. Коледенкова. Черная металлургия КНР 58

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

М. Николаев. Инновационная Россия на дальневосточном на-
правлении 65

С. Просвирнов. Миграционные связи Амурской области и Ки-
тайской Народной Республики на рубеже XX—XXI веков 71

© Российская академия наук, 2009 г.

© Редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” (составитель), 2009 г.

2-й этаж

А. Жук. Состояние и перспективы рыбной отрасли российского Дальнего Востока.....	81
Т. Орнацкая, М. Чепик. Деятельность спецслужб Дальневосточной Республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг.....	92

ИСТОРИЯ

Г. Романова. Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917—1920-е гг.).....	105
Н. Самойлов. Малоизвестные страницы российско-китайских отношений. Визит посольства Цинской империи в Санкт-Петербург в 1870 г.....	116
А. Сидоров. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932—1937 гг.).....	122
А. Кошкин. От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX века.....	140

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Н. Приходько, В. Черная, Чан Янь. Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды.....	156
--	-----

КУЛЬТУРА

А. Федорин. Ксилография на Дальнем Востоке: вьетнамский вариант.....	164
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Локишин. АСЕАН сегодня: взгляд из России и Вьетнама.....	172
Г. Яскина. Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке.....	177
Л. Янгутов, Д. Аюшеева. Буддизм и вызовы третьего тысячелетия.....	180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 80-летию Леонарда Сергеевича Переломова.....	186
--	-----

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушанц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

От главного редактора

Уважаемые коллеги, друзья!

2008-й год запомнился многими важными событиями в том обширном регионе, жизнь которого освещает наш журнал. Это и тяжелые стихийные бедствия в Китае, не помешавшие, однако, достойно провести летние Олимпийские игры в столице страны — Пекине, и воцарение Таро Асо на японском политическом Олимпе, и неудавшаяся попытка разыграть в Монголии сценарий очередной "цветной революции", и нападение террористов на индийский Мумбай, и новые трения и заминки в процессе нормализации ситуации на Корейском полуострове. И все же, наверное, главным событием года стал мировой финансовый кризис, все более явственно трансформирующийся в кризис экономический.

Анализу его причин, особенностей проявления и специфики антикризисной политики в различных государствах Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом в наступившем 2009 году на страницах нашего журнала будет уделено особое внимание. Еще одной ведущей темой его публикаций станут "два шестидесятилетия" — со дня провозглашения Китайской Народной Республики и со дня установления дипломатических отношений между КНР и Советским Союзом, которые будут отмечаться в начале октября. Осмыслению опыта развития КНР и двусторонних отношений между Россией и Китаем на различных этапах истории будет посвящен октябрьский номер "Проблем Дальнего Востока".

В связи со все большим тематическим разнообразием статей, предлагаемых авторами, в журнале предполагается открыть две новые рубрики: "Вопросы теории и методологии" и "Природопользование". Разумеется, как и раньше, журнал будет стремиться всесторонне освещать актуальные проблемы внешней и внутренней политики, истории, экономики, культуры, общественной жизни Китая, Монголии, Вьетнама, Японии, корейских государств. Рассчитываем усилить нашу традиционную рубрику "Российский Дальний Восток". Редакция и редколлегия журнала приложат все усилия, чтобы привести "Проблемы Дальнего Востока" в полное соответствие с новыми критериями для включения в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, которые были установлены 14 октября 2008 г. Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Рассчитываем, что в наступившем 2009 году наш журнал сумеет привлечь внимание еще более широкого круга читателей, оставаясь в то же время профессиональным научным изданием, адресованным российским и зарубежным специалистам по проблемам Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Владимир Портяков

Документы

Заявление лидеров АТЭС по глобальной экономике

Мы, лидеры экономик АТЭС, начали нашу шестнадцатую встречу в Перу 22 ноября 2008 года с обсуждения последствий глобального финансового кризиса и мер, которые члены АТЭС предпринимают на индивидуальной и коллективной основе с целью восстановления доверия в наших экономиках и поддержания долгосрочного роста в регионе.

Мы убеждены, что в ближайшие полтора года нам удастся преодолеть текущий кризис. Мы уже предприняли срочные и чрезвычайные шаги по стабилизации наших финансовых секторов, укреплению экономического роста, содействию инвестированию и потреблению. Мы продолжим предпринимать подобные шаги и проводить в тесном сотрудничестве скоординированную и полномасштабную работу по преодолению нынешнего кризиса. Мы будем также поддерживать усилия, предпринимаемые агентствами по кредитованию экспорта, международными финансовыми институтами (МФИ) и частными банками, направленные на обеспечение адекватного финансирования бизнеса, включая малые и средние предприятия, и сохранение торговых и инвестиционных потоков в регионе.

Нынешняя ситуация со всей очевидностью подтверждает важность реформы, проводимой в финансовом секторе наших экономик, и значение работы по наращиванию потенциала финансового сектора АТЭС. Мы приветствуем постоянное развитие и внедрение инноваций в финансовом секторе и уверены, что в условиях, когда финансовые системы совершенствуются и становятся более сложными, регулирующие и контрольные механизмы должны стать более эффективными. Кризис также указывает на необходимость разработки более эффективных стандартов корпоративного управления и управления рисками, а также на важность социальной ответственности в финансовом секторе.

Мы приветствуем Декларацию лидеров стран "Группы двадцати", принятую на саммите в Вашингтоне, посвященную ситуации на финансовых рынках и в мировой экономике, и решительно поддерживаем общие принципы, в соответствии с которыми будет осуществляться план действий по проведению реформы финансовых рынков. В этой связи мы всецело одобряем широкомасштабные меры политического реагирования, необходимые для возобновления мирового экономического роста и восстановления стабильности путем более тесного макроэкономического сотрудничества, устранения негативных побочных последствий, оказания поддержки странам с формирующейся и развивающейся экономикой, серьезного реформирования и укрепления МФИ с тем, чтобы учесть

усиливающийся голос и уровень представленности формирующихся и развивающихся экономик и обеспечить лучшее реагирование на будущие вызовы. Мы вновь подтверждаем нашу твердую убежденность в том, что принципы свободного рынка, открытые торговые и инвестиционные режимы будут и в дальнейшем способствовать глобальному росту, занятости и сокращению уровня бедности.

Мы признаем, что МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Межамериканский банк развития и другие многосторонние банки развития играют важную роль в оказании помощи экономикам, испытавшим воздействие финансового кризиса, и что им требуются достаточные и доступные ресурсы. МВФ, делающий упор на надзорные функции, должен укреплять сотрудничество с другими МФИ, активизируя усилия по закреплению регулирующих и надзорных мер в положениях финансовой политики, и осуществлять практическую отработку действий по раннему предупреждению кризисов. Мы поддерживаем решение министров финансов стран АТЭС об участии наших экономик, где это возможно, в совместной программе МВФ и Всемирного банка по оценке финансового сектора с учетом уровня развития и конкретных особенностей каждой экономики-участницы.

Существует риск того, что замедление мирового роста может привести к требованиям принятия протекционистских мер, которые только обострят нынешнюю экономическую ситуацию. В этой связи мы решительно поддерживаем Вашингтонскую декларацию и в предстоящие двенадцать месяцев будем воздерживаться от создания новых барьеров для инвестиций или торговли товарами и услугами, введения новых ограничений на экспорт или использования в любой области мер, несовместимых с правилами Всемирной торговой организации (ВТО), включая меры стимулирования экспорта. Мы заинтересованы в далеко идущем и сбалансированном завершении Дохийского раунда переговоров ВТО в целях создания основы для роста и процветания наших экономик. Мы преисполнены решимости достичь соглашения по модальностям в следующем месяце на основе имеющегося прогресса и поручаем нашим министрам провести встречу в Женеве в декабре с.г. для достижения этой цели. Мы и наши министры уже приступили к активизации взаимодействия с партнерами по ВТО в целях сближения позиций, необходимого для достижения данного результата.

Мы подтверждаем нашу приверженность Богорским целям свободной и открытой торговли и инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе в качестве ключевого организационного принципа и движущей силы АТЭС. Мы поручаем министрам и официальным лицам АТЭС ускорить осуществление мер, содержащихся в Повестке дня региональной экономической интеграции, включая возможность создания в долгосрочной перспективе Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и активизацию деятельности по структурной реформе. Нынешний кризис не поколеблет нашу решимость отвечать на важные вызовы, с которыми сталкивается регион, включая изменение климата, энергетическую безопасность и чистое развитие, а также борьбу с нищетой, голодом, болезнями и терроризмом. Мы будем руководствоваться нашими международными обязательствами в этих областях, включая Официальную помощь развитию и Цели развития тысячелетия.

22 ноября 2008 года,
Перу, Лима

Политика

Российско-китайские отношения в 2008 году

© 2009

В. Портяков

Рассмотрены основные особенности отношений между Россией и Китаем в международно-политической, торгово-экономической и военной сферах в 2008 г. Приведены результаты опроса общественного мнения в КНР по теме "Россия в глазах китайцев". Проанализированы реакция Пекина на события на Кавказе в августе и влияние мирового экономического кризиса на двустороннюю торговлю.

Ключевые слова: Россия, Китай, стратегическое партнерство, двусторонние отношения, встречи глав государств мировой экономической кризис, торговля, межармейское сотрудничество.

Выход на стратегическое партнерство и взаимодействие с Китаем по широкому кругу международно-политических, экономических и гуманитарных проблем явился одним из крупнейших внешнеполитических достижений Российской Федерации. Стратегия долгосрочного развития России и задачи укрепления ее позиций в качестве одного из ведущих самостоятельных центров мировой политики требуют последовательного упрочения и наращивания многовекторного сотрудничества и взаимодействия с КНР как с одной из главных восходящих стран-гигантов. От успешности действий России на китайском направлении будут во многом зависеть темпы экономического роста нашей страны, решение задач подъема Сибири и Дальнего Востока, общее обеспечение национальной безопасности РФ и отстаивание ее глобальных политических и экономических интересов, в том числе в принципиально важных регионах Центральной и Восточной Азии. Кроме того, китайское направление, являющееся в какой-то мере альтернативой евро-атлантическому вектору российской внешней политики, играет определенную компенсационную роль, позволяя России легче справляться с теми или иными осложнениями в отношениях с США и Европейским союзом.

Проведение "национальных годов" — России в Китае в 2006 г. и Китая в России в 2007 г. — заметно укрепило социальную базу двусторонних отношений, расширило и углубило взаимные представления народов Китая и России друг о друге. Как показал опрос общественного мнения, проведенный в августе-сентяб-

ре 2007 г. Институтом России, Центральной Азии и Восточной Европы Академии общественных наук Китая, около 71% граждан КНР оценили современные китайско-российские отношения как “хорошие” и “очень хорошие”¹.

В целом можно констатировать, что в российско-китайских отношениях наблюдается восходящая тенденция и положительный фон в их развитии доминирует. Симптоматично, что эксперты Института международных проблем Университета Цинхуа в Пекине дали российско-китайским отношениям по состоянию на начало 2008 г. наивысшую оценку в 8 баллов (по сравнению с 5,5 балла в 2000 г.), тогда как китайско-французским отношениям — 6,3 балла, отношениям с Индией — 5,4 балла и отношениям с США — 1,1 балла².

В то же время эти отношения и по сей день испытывают на себе остаточное негативное влияние непростых коллизий прошлого, да и реалии повседневной жизни постоянно ставят перед российско-китайским взаимодействием новые проблемы, требующие подчас непростых решений.

Весьма показательна в этом плане оценка участниками вышеупомянутого опроса причин все еще недостаточной близости двух стран³. Более 20% отдали пальму первенства конфликту между КНР и СССР, 16% — агрессии царской России против Китая. 6,5% опрошенных указали на постоянные изменения российской стороной условий торговли с Китаем, а 6% — на плохое отношение россиян к китайцам. Наконец, 9,5% опрошенных полагают, что Россия может представлять собой скрытую угрозу для Китая⁴. Нечто подобное имеет место и в России. Хотя позитивное восприятие Китая и высокие оценки отношений России с ним в российском общественном мнении в целом преобладают, порой высказываются и прямо противоположные точки зрения, например, будто бы России в двадцатилетней перспективе уготована участь “первой жертвы” “неизбежной” экспансии Китая⁵. А случаи недружелюбного отношения к российским туристам в приграничных городах Хэйхэ и Суйфэньхэ послужили основой для специального сюжета в информационно-аналитической программе “Постскриптум” на канале ТВЦ.

Так что у России и Китая есть не только значительные резервы для дальнейшего совершенствования стратегического партнерства, но и объективная необходимость его поступательного продвижения в направлении, с одной стороны, настойчивого преодоления элементов взаимного недоверия, оставшихся в наследство от истории, и, с другой — своевременной нейтрализации тех реальных или потенциальных трений и напряжений, которые могут периодически возникать в тех или иных сферах двусторонних отношений вследствие объективных различий в национально-государственных интересах двух стран и в их позиционировании в мировой политике и экономике.

Представляется, что все разнообразие нюансов, существующих в отношениях между Россией и Китаем, в полной мере проявилось в их двустороннем взаимодействии в 2008 г.

На протяжении всего года в целом сохранялось стабильно-поступательное развитие российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия в политике, экономике, гуманитарной сфере.

В Китае с большим вниманием отнеслись к выборам нового состава Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 2007 г., показавшим дальнейшее укрепление позиций партии “Единая Россия”, и к выборам нового Президента РФ в марте 2008 г.

Группа китайских наблюдателей в составе миссии наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества в период с 26 февраля по 3 марта 2008 г. отслеживала подготовку и проведение выборов в России и расценила их как “ле-

гитимные, демократические, открытые и справедливые”⁶. Уже вечером 3 марта Председатель КНР Ху Цзиньтао провел телефонный разговор с Д.А. Медведевым, поздравив его с избранием Президентом России, и выразил готовность “прилагать совместные усилия для непрерывного развития китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия”⁷. 7 мая Ху Цзиньтао направил Д.А. Медведеву поздравительную телеграмму в связи с его вступлением в должность Президента РФ.

Анализу особенностей и итогов выборов и оценке возможного влияния их результатов на российско-китайские отношения было посвящено специальное обсуждение в Академии общественных наук Китая 20—21 мая 2008 г. Открывший обсуждение вице-президент АОН Китая У Инь объяснил высокий интерес в КНР к происходящему в России тем, что Россия является самым мощным соседом Китая и занимает чрезвычайно важное место в стратегии его национальной безопасности. Обе страны, находящиеся в стадии быстрого подъема, выступают за многополярный мир. Положительно оценив восьмилетнее пребывание В.В. Путина на посту Президента РФ, участники обсуждения выразили надежду на продолжение Д.А. Медведевым как новым главой российского государства линии его предшественника, “соответствующей национальным особенностям России”⁸.

В Китае с удовлетворением восприняли тот факт, что новый президент РФ выбрал Китай для своего первого зарубежного визита вне зоны СНГ. Данное обстоятельство, по оценке Ли Хуэя, помощника главы МИД КНР, “демонстрирует серьезное внимание Д.А. Медведева и российского правительства к отношениям с Китаем, воплощает высокий уровень, прочность и стратегический характер взаимодействия и партнерства двух стран”⁹. Обе стороны стремились подчеркнуть особое значение визита: Д.А. Медведев накануне поездки дал развернутое интервью ведущим средствам массовой информации Китая, а китайская сторона ответила письменным интервью министра иностранных дел Ян Цзечи агентству ИТАР-ТАСС. Кроме того, в КНР к визиту Д.А. Медведева был издан на китайском языке сборник его статей и выступлений “Вопросы государственного развития России” с предисловием Ян Цзечи. В день начала визита на русскоязычном сайте газеты “Жэньминь жибао” была опубликована статья посла КНР в РФ Лю Гучана “Пусть будет вечная весна в китайско-российских отношениях, пусть всегда распускаются цветы дружбы”, в которой Россия и Китай были охарактеризованы как “главные стратегические партнеры друг для друга”¹⁰.

Официальный визит Президента России Д.А. Медведева в Китай состоялся 23—24 мая 2008 г. Он всецело подтвердил готовность руководителей двух стран и далее совершенствовать и углублять стратегическое взаимодействие.

На переговорах с Д.А. Медведевым Ху Цзиньтао выдвинул четыре предложения по дальнейшему развитию отношений между КНР и РФ. Это, во-первых, усиление взаимного политического доверия и взаимной поддержки, особенно “в важных вопросах, касающихся суверенитета, территориальной целостности, стабильности и развития каждой из сторон”; во-вторых, повышение “планки и уровня” практического сотрудничества, в т.ч. в двусторонней торговле, нефтегазовой сфере, науке и технике; в-третьих, продвижение гуманитарного сотрудничества; в-четвертых, интенсификация координации в международном формате с целью совместного ответа на глобальные вызовы¹¹.

В ходе визита был подписан ряд документов, расширяющих сотрудничество России и Китая в области ядерной энергетики (в т.ч. о строительстве в КНР новой очереди газоцентрифужного завода по обогащению урана), авиационных технологий (в частности, договоренность по эксплуатации в Китае вертолетов

“Камов”), банковской сфере (между ВТБ и Строительным банком Китая), лесном хозяйстве, туризме. В Совестном российско-китайском коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине была отражена готовность сторон разработать новый План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ на 2009—2012 гг., на регулярной основе проводить в дальнейшем ряд мероприятий национальных годов, расширять сотрудничество в гуманитарной сфере. Одним из крупнейших мероприятий здесь должно стать проведение Года русского языка в Китае в 2009 г. и Года китайского языка в России в 2010 г. Принципиальное значение имела договоренность о создании механизма сотрудничества России и Китая в энергетической сфере на уровне заместителей глав правительств¹².

Значимость визита Д.А. Медведева была усилена подписанием 23 мая 2008 г. Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. Она стала третьим по счету документом такого рода в постсоветский период российско-китайских отношений — вслед за Совместной декларацией о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 г. и Совместной декларацией о международном порядке в XXI веке от 1 июля 2005 г.

Подтвердив традиционную для России и Китая приверженность многополярному миру и цивилизационно-культурному разнообразию мирового сообщества, Декларация 2008 г. актуализировала общие подходы двух стран к решению ряда острых глобальных проблем современности. Так, была констатирована готовность сторон развивать диалог и сотрудничество в выполнении Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола. Дана негативная оценка попыткам создания глобальной системы противоракетной обороны и региональных систем ПРО как не способствующих “поддержанию стратегического баланса и стабильности”. Отмечена важность активизации диалога в энергетической сфере. Выражено стремление Москвы и Пекина способствовать развитию таких механизмов международного взаимодействия, как встречи и контакты в формате Россия—Индия—Китай и “четверка” БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай). Китай заявил о поддержке более активного подключения России к процессам интеграции в регионе Восточной Азии. Стороны высказались против использования вопроса прав человека для вмешательства во внутренние дела других стран¹³.

В течение года состоялись и другие встречи Ху Цзиньтао и Д.А. Медведева, в т.ч. на саммите “восьмерки” в Японии в июле и по случаю саммита ШОС в Душанбе в августе. 9 августа Ху Цзиньтао встретился также с В.В. Путиным, прибывшим в качестве главы российского правительства на открытие Олимпийских игр в Пекине. В.В. Путин подтвердил “непоколебимую приверженность России курсу на дружбу с Китаем” и готовность продвигать сотрудничество двух стран во всех областях на новый уровень¹⁴.

Еще две встречи глав России и Китая состоялись в ноябре. На встрече в Вашингтоне 15 ноября, приуроченной к антикризисному саммиту руководителей двадцати ведущих государств мира, Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев подписали “План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем” на 2009—2012 гг. На встрече на полях саммита АТЭС в Лиме (Перу) 23 ноября Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев обсудили возможности взаимодействия двух стран в преодолении негативного влияния мирового финансового кризиса и реформировании международной финансовой системы, а также проблемы выработки механизма мира и безопасности в Севе-

ро-Восточной Азии на основе продвижения процесса шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР¹⁵.

Новая концепция внешней политики России, подписанная Президентом Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г., была расценена в КНР как свидетельствующая о повышении места Азии в целом и Китая в частности в международной деятельности Российской Федерации¹⁶.

Важным событием в двусторонних политических отношениях явилось завершение работы по демаркации границы между Россией и Китаем на островах реки Амур в районе Хабаровска и подписание 21 июля 2008 г. министрами иностранных дел двух стран "Дополнительного протокола — описания линии российско-китайской государственной границы на ее Восточной части между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики". В сообщении для СМИ по итогам официального визита С.В. Лаврова в Китай было отмечено, что полное и окончательное урегулирование в сфере пограничного размежевания между Россией и Китаем благоприятно скажется на сотрудничестве и дружественных контактах приграничных регионов двух государств, создаст условия по превращению общей границы в полосу стабильности и спокойствия, открытости и дружбы, развития и процветания¹⁷. 14 октября 2008 г., т.е. ровно через четыре года после подписания сторонами Дополнительного соглашения о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части, на острове Большой Уссурийский (китайское название — Хэйсяцзыдао) была проведена "Церемония установления пограничных столбов"¹⁸. Под юрисдикцию Китая перешел остров Тарабаров и примерно половина острова Большой Уссурийский¹⁹. Губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев предложил создать на острове Большой Уссурийский совместную российско-китайскую торгово-экономическую зону²⁰.

Упрочению благоприятной атмосферы в российско-китайских отношениях в немалой степени способствовала спокойная, выдержанная реакция в России на беспорядки в Тибете в марте 2008 г., резко контрастировавшая с предпринятыми антикитайскими силами на Западе попытками осложнить под предлогом событий в Тибете подготовку Китая к Олимпийским играм и, в частности, помешать нормальному проведению в ряде стран эстафеты Олимпийского огня.

В Китае с благодарностью восприняли помощь российских медиков и спасателей жертвам разрушительного землетрясения, случившегося 12 мая 2008 г. в районе Вэньчуань провинции Сычуань, а также организацию отдыха в России большой группы школьников из пострадавшего региона.

Перед непростой дилеммой поставила Китай российская операция по принуждению к миру Грузии и последовавшее за ней признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Имея "на руках" пусть ослабшую после ухода Чэнь Шуйбяня с поста "президента", но не исчезнувшую окончательно потенциальную угрозу провозглашения Тайванем независимости, а также опасность оживления сепаратистских движений в Тибете и Синьцзяне, наглядно проявившую себя в обоих районах в 2008 г., китайское руководство не могло открыто одобрить действия России, даже несмотря на содержащееся в майском совместном коммюнике по итогам визита Д.А. Медведева в КНР обязательство сторон поддерживать друг друга по ключевым для страны-партнера вопросам. Разумеется, не мог Китай присоединиться и к западному хору обвинений России в "непропорциональном применении силы" или, хуже того, в "агрессии против Грузии". В Пекине отлично понимали, что случившееся в значительной степени стало вынужденным ответом России на постоянное жесткое давление на нее со

стороны США и НАТО и прямую угрозу с их стороны ее жизненно важным национальным интересам. С подобным давлением неоднократно сталкивался и Китай, в том числе, в 2008 г. после беспорядков в Тибете.

В этой ситуации Китаю удалось найти, как представляется, близкую к оптимальной модальность реакции на события на Кавказе. Ведущие китайские СМИ предельно осторожно и взвешенно освещали развитие событий вокруг Южной Осетии, скрупулезно фиксируя все их важнейшие моменты, но полностью воздерживались от комментариев²¹. В то же время после признания Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии (полный текст Заявления МИД РФ от 26 августа по этому вопросу был помещен на русскоязычном сайте газеты “Жэньминь жибао”) китайская сторона стала демонстрировать некоторую дистанцированность от позиции России. Комментируя Заявление МИД от 26 августа, представитель МИД КНР Цинь Ган заявил об “озабоченности китайской стороны в связи с последними изменениями ситуации в Южной Осетии и Абхазии”. Подчеркнув неизменность “принципиальной позиции китайской стороны по подобным вопросам”, Цинь Ган выразил надежду на “надлежащее решение проблемы путем диалога и консультаций между заинтересованными сторонами”²², по сути дела повторив высказывание Ху Цзиньтао на встрече с Д.А. Медведевым в Душанбе 27 августа, сделанное им после информации российского президента о событиях на Кавказе²³. Кроме того, по утверждению российских СМИ со ссылкой на источник в российской делегации, Ху Цзиньтао на встрече с Д.А. Медведевым также заявил, что действия Грузии явились отражением провокационной политики Запада по расширению НАТО и что ответ на них России был совершенно адекватным. Эта позиция Китая была озвучена и на совещании лидеров стран-членов ШОС в узком кругу. В целом, по утверждению российских СМИ, “реакция Пекина на действия России в ходе южноосетинского кризиса, пусть и не публично выраженная, полностью удовлетворила Москву”²⁴.

Однако точку в оценке китайской стороной развития событий на Кавказе ставить преждевременно. 31 августа газета “Жэньминь жибао” сообщила о разрыве Грузией дипломатических отношений с Россией и о поддержке США территориальной целостности Грузии. Обратил на себя внимание и такой необычный шаг, как размещение на русскоязычном сайте газеты “Жэньминь жибао” информации о приеме в Посольстве Китая в Грузии по случаю 59-й годовщины провозглашения КНР. Ранее такого рода рядовые события не удостоивались внимания китайских СМИ. Тем не менее, на наш взгляд, и Китай, и Россия ясно показали свою незаинтересованность в том, чтобы “кавказские дела” помешали последовательному развитию их сотрудничества в других сферах и регионах. А такое сотрудничество развивается по многим направлениям.

Дальнейшим продвижением отмечено взаимодействие России и Китая на международной арене. 12 февраля 2008 г. в Женеве две страны совместно представили на пленарном заседании Конференции по разоружению проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов²⁵.

На заседаниях Совета Безопасности ООН Россия и Китай совместно блокировали внесенные западными державами резолюции по ситуации в Мьянме (вопросы помощи населению после разрушительного циклона “Наргиз”) и в Зимбабве (по поводу президентских выборов) на том основании, что положение в этих странах не создает угрозу международной безопасности и потому не подпадает под действие мандата Совета Безопасности.

В ноябре в Москве прошли очередные консультации России и Китая по стратегическим вопросам в формате “член Госсовета КНР — секретарь Совета безопасности РФ”. В начале декабря в Китае состоялось 4-е двустороннее совещание о сотрудничестве России и Китая в борьбе с наркобизнесом.

Активизировалось российско-китайское сотрудничество в многосторонних форматах. В феврале в Москве прошли первые консультации директоров территориальных департаментов министерств иностранных дел России, Китая и Индии. В конце марта в Дели был проведен Форум по геостратегическим тенденциям с участием официальных лиц и экспертов трех стран. Очередная встреча руководителей внешнеполитических ведомств России, Китая и Индии, состоявшаяся 14—15 мая в Екатеринбурге, отметила активизацию контактов деловых кругов в трехстороннем формате, среди которых — форум по сотрудничеству в сельском хозяйстве (28 апреля, Пекин), первый трехсторонний деловой форум (Дели, декабрь 2007 г.). Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел в Екатеринбурге отразило расширение зон совпадения или близости позиций “тройки” по актуальным международным проблемам²⁶.

Там же, в Екатеринбурге, 16 мая состоялась первая вне рамок ООН встреча министров иностранных дел стран БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай). В Совместном коммюнике министры отметили как хорошие перспективы диалога по актуальным проблемам мирового развития в формате БРИК, так и приверженность данной группы стран укреплению многосторонних начал современного мироустройства при верховенстве международного права и центральной роли ООН. Была поддержана инициатива Бразилии об организации встречи министров финансов БРИК для обсуждения глобальных финансово-экономических вопросов (эта встреча была проведена 8 ноября в Сан-Паулу)²⁷. В сентябре состоялась новая встреча глав МИД четырех стран в ходе 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. А в декабре в Москве под эгидой фонда “Русский мир” прошла первая конференция ученых-политологов стран БРИК.

Продолжилось конструктивное взаимодействие России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что продемонстрировали саммит глав государств-членов ШОС в Душанбе (август) и совещание министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеторговую и внешнеэкономическую деятельность (Пекин, сентябрь). В начале октября в Российском университете дружбы народов была проведена Неделя образования ШОС.

Резкие изменения мировых товарных цен на протяжении 2008 г. и постепенное углубление мирового экономического кризиса оказали заметное воздействие на российско-китайскую торговлю. В первой половине года двусторонний товарооборот рос весьма динамично: за шесть месяцев он увеличился на 31% по сравнению с соответствующим периодом 2007 г., и это несмотря на снижение объема российского экспорта нефти в Китай: по данным Торгпредства РФ в КНР, вслед за его сокращением на 9% в 2007 г. по сравнению с 2006 г., до 14,5 млн т, в первом полугодии 2008 г. произошло новое сокращение поставок — на 19,5% по сравнению с соответствующим периодом 2007 г., до 6,27 млн т. Прирост товарооборота за девять месяцев снизился до 23%²⁸. Последние месяцы 2008 г. ознаменовались сокращением объемов двусторонней торговли. Так, в ноябре объем российско-китайской торговли составил лишь 4,23 млрд долл. — на 15,1% меньше, чем в октябре, и на 22,7% меньше, чем в сентябре²⁹. И хотя в декабре двусторонний товарооборот вырос до 4,65 млрд долл., в целом за год объем российско-китайской торговли оказался ниже 60 млрд долл., прогнозирувавшихся в середине года. Он составил 56,83 млрд долл. при объеме китайского экспорта в Рос-

сию 33 млрд долл. и объеме импорта КНР из России 23,83 млрд долл. Таким образом, в 2008 г. двусторонняя торговля выросла на 18% по сравнению с 2007 г., в т.ч. экспорт Китая в Россию — на 15,9%, а импорт Китая из России — на 21%. Доля России в объеме внешней торговли Китая (2561,6 млрд долл.) осталась на уровне 2007 г. — 2,22%. Отрицательное сальдо РФ в торговле с Китаем составило 9,17 млрд долл. против 8,79 млрд долл. в 2007 г.³⁰

Характерная для предыдущих двух лет крайне низкая — чуть более 1% — доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай сохранилась и в 2008 г. В то же время в перспективе можно рассчитывать на повышение этой доли по мере реализации серии крупных проектов сотрудничества в гражданском авиастроении и энергетическом машиностроении, о планируемом осуществлении которых было заявлено по итогам переговоров министра коммерции КНР Чэнь Дэмина и министра экономического развития РФ Э. Набиуллиной в октябре³¹.

Введение Россией высоких пошлин на экспорт круглого леса привело к снижению его вывоза в Китай по сравнению с рекордным 2007 г. (свыше 25 млн кубометров). В частности, в первом полугодии импорт Китаем леса из России упал на 24,3% при росте цены на него на 30%. В этой ситуации китайские лесопереработчики стали активнее создавать деревообрабатывающие предприятия непосредственно в России³².

Со снижением спроса в США и Европе выросло значение России как в какой-то мере альтернативного рынка сбыта китайских потребительских товаров. В России, напротив, усилилось стремление защитить свой внутренний рынок и отечественных производителей от наплыва товаров из КНР, которое нередко мотивируется не вполне легитимными способами их доставки в РФ, несоответствием российским стандартам продовольственной безопасности или экологичности, а также демпинговым уровнем цен на некоторые поставляемые в Россию китайские изделия.

Так, Россельхознадзор планирует ввести с 1 января 2009 г. ограничения на ввоз рыбы из ряда стран, включая Китай, поскольку, несмотря на многочисленные предупреждения, экспортеры рыбы в Россию не проходят аттестации российской Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному контролю. Справедливости ради надо сказать, что подавляющую часть из 500 тыс. т поставляемой Китаем в Россию рыбы составляет резэкспорт. Дальневосточные рыболовные компании продают свой улов Китаю без захода в российские порты³³, так что порядок надо наводить и на российской стороне.

В течение года в российской печати неоднократно озвучивалось недовольство отечественных производителей стальных труб быстрым ростом их импорта из КНР. Наконец, в конце года Министерство промышленности и торговли РФ официально уведомило о начале антидемпингового расследования в отношении подшипниковых труб, ввозимых из КНР в Россию (импорт таких труб вырос в 2,5 раза в 2007 г. и в 4 раза в первой половине 2008 г. по сравнению с первым полугодием 2007 г.; доля китайских труб в общем объеме их потребления в России выросла с нуля до 11,7%)³⁴.

Скандал с содержащими опасные для здоровья ингредиенты молочными смесями компании "Саньлу" усилил настороженное отношение в России ко всему спектру продовольственных товаров, поставляемых из Китая, что почти наверняка приведет к падению объема их импорта в ближайшие годы. Перспективы расширения Китаем продаж автомобилей в России серьезно ухудшились после введения в РФ с 1 июля новой системы сертификации импортных автомобилей, а их сборка в

РФ из производимых в КНР комплектующих пострадала от повышения таможенных пошлин на ввоз в Россию автомобильных узлов из-за рубежа.

Выход двусторонней торговли на качественно более высокий уровень во многом сдерживается все еще скромным размером *взаимных инвестиций*: к началу 2008 г. накопленный объем фактически использованных российских инвестиций в Китае составил 660 млн долл., а китайских в России — 1374 млн долл.³⁵

В 2008 г. на территории России продолжилось сооружение ряда крупных объектов с привлечением китайских инвестиций. В их числе жилой микрорайон “Балтийская жемчужина” (Санкт-Петербург), китайский деловой центр “Парк Хуамин” (Москва), целлюлозно-бумажные комбинаты в Хабаровском крае и Читинской области. Ряд российских экспертов полагает, что в условиях мирового экономического кризиса конкурентоспособность китайских компаний на российском рынке строительных услуг будет возрастать — помимо прочего, здесь скажется снижение процентных ставок по кредитам в Китае (где и получают заемные средства китайские строители) при их одновременном росте в России. Во всяком случае, доля участия этих компаний в сооружении крупных инфраструктурных объектов для проведения саммита АТЭС во Владивостоке и зимней Олимпиады в Сочи в 2008 г. заметно выросла³⁶. Статистические данные о росте доходов китайской стороны от предоставления трудовых услуг российским партнерам также косвенно подтверждают укрепление позиций Китая в российской строительной индустрии. Со 147,4 млн долл. в 2004 г. и 179,9 млн долл. в 2005 г. такие доходы увеличились до 242,6 млн долл. в 2006 г. и 346,0 млн долл. в 2007 г. При этом доля России в общем объеме доходов Китая от экспорта трудовых услуг составила, соответственно, 3,9, 3,75, 4,5 и 5,1%³⁷. Вместе с тем, на наш взгляд, сохранение этой повышательной тенденции в условиях экономического кризиса и обусловленного им роста безработицы в России вызывает сомнения. В конце 2008 г. российские телеканалы сообщили о случаях отказа на Дальнем Востоке от трудоустройства китайских строителей, прибывших для работы по контрактам.

В течение года Россия и Китай предпринимали усилия по активизации двустороннего сотрудничества в новых, ранее слабо или практически не задействованных сферах. Так, в начале года на китайско-российском форуме по торгово-экономическим вопросам были подписаны соглашения о заимствовании Китаем из России свыше 150 новых и высоких технологий в энергосбережении, защите окружающей среды, медицине³⁸. В июле состоялся первый официальный визит в Китай делегации корпорации “Роснанотех”, который открыл процесс выработки межгосударственного соглашения о сотрудничестве в области нанотехнологий³⁹.

Важным шагом в деле активизации сотрудничества двух стран в финансовой сфере явилось открытие филиала российского Внешторгбанка в Шанхае, ставшего первым российским банком, получившим право ведения операционной деятельности в Китае — представительства банков такого права не имеют⁴⁰.

В августе Федеральная служба РФ по финансовым рынкам и Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг КНР подписали Меморандум об обмене информацией, облегчающий инвестирование средств из Китая на российском рынке ценных бумаг. Ряд российских компаний также проявил интерес к размещению своих ценных бумаг на фондовых биржах в Китае⁴¹.

Улучшилось взаимодействие России и Китая в экологической сфере. 29 января в Пекине было подписано двустороннее соглашение о рациональном использовании и охране трансграничных вод.

Широкий круг проблем двустороннего сотрудничества был обсужден в ходе 13-й встречи глав правительств России и Китая в Москве в конце октября

2008 г. Особо следует выделить подписание новых документов об углублении взаимодействия в нефтяной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в нефтяной сфере и Соглашение о принципах строительства и эксплуатации нефтепровода “Сковородино — граница с КНР” (между Китайской национальной нефтегазовой корпорацией и российской компанией “Транснефть”). Было положено начало обсуждению условий долгосрочного контракта о поставках в Китай российской компанией “Роснефть” 50 млн т нефти в 2011—2015 гг. Судя по сообщениям российских СМИ, “Роснефть” и “Транснефть” получают крупный долгосрочный кредит от китайских партнеров — называется сумма до 25 млрд долл. с разбивкой между этими компаниями в соотношении 60:40⁴². Условия кредита должны быть согласованы до 1 марта 2009 г.⁴³ Примечательно, что раздел Совместного коммюнике от 28 октября 2008 г. о взаимодействии в нефтегазовой области содержит положение о поддержке Россией и Китаем сотрудничества как в нефтедобыче — в ней прежде всего заинтересована китайская сторона — так и в нефтепереработке и реализации нефтепродуктов, интерес к которым проявляют российские компании.

Если продвижение по углеводородам может быть в целом расценено как шаг России навстречу пожеланиям Китая, то Меморандум о сооружении в Китае при российском содействии двух новых блоков Тяньваньской АЭС и принципиальное согласие китайской стороны на возобновление продажи электроэнергии из России в приграничные районы Китая следует интерпретировать как практическую готовность Пекина учитывать интересы российской стороны.

Также заслуживают упоминания Соглашение между Министерством науки и техники КНР и Государственной корпорацией “Роснотех” о создании союза стратегического сотрудничества по нанотехнологиям и зафиксированное в Совместном коммюнике намерение сторон предпринять меры “для скорейшего принятия Плана инвестиционного сотрудничества” России и Китая.

В то же время в Пекине прохладно встретили предложение Москвы об активизации использования национальных валют во взаимных расчетах. В частности, этот вопрос обсуждался в начале декабря на совещании по приграничной торговле между Россией и Китаем⁴⁴. Формально китайская сторона объясняет свою сдержанность в этом вопросе тем дисбалансом, который сложился в расчетах в национальных валютах по сделкам в рамках приграничной торговли между Россией и Китаем: из 1,6 млрд долл., составивших в эквиваленте объем операций с расчетами в рублях и юанях за период с марта 2003 г. по август 2008 г., 97% пришлось на рубли. В связи с этим Пекин довольно жестко требует от России “принять реальные меры для преодоления такого серьезного дисбаланса”, по сути дела, рассматривая это как предварительное условие для более широкого применения национальных валют во взаимных расчетах в перспективе. Вместе с тем здесь играют роль и более общие соображения. КНР, обладающая огромными валютными резервами — порядка 1,9 трлн долл. — и имеющая тесные связи с экономиками США, Европы, Японии, не заинтересована в радикальном подрыве позиций доллара. В этом смысле идея создания в Москве нового финансового центра с опорой на рубль довольно сдержанно воспринимается в Пекине, который к тому же в настоящее время “на всякий случай” всерьез изучает плюсы и минусы возможной “интернационализации” юаня⁴⁵.

Конец 2008 г. был отмечен активизацией межармейского сотрудничества двух стран. 29 декабря начальники генеральных штабов вооруженных сил России и Китая впервые провели разговор по прямой телефонной линии. После трехлетнего перерыва в Пекине состоялось заседание двусторонней комиссии по

военно-техническому сотрудничеству. По инициативе российской стороны было одобрено соглашение об охране интеллектуальной собственности в военно-технической сфере. 11 декабря министр обороны РФ А. Сердюков был принят Председателем КНР и Центрального военного совета Ху Цзиньтао. Министр обороны КНР Лян Гуанле во время встречи с министром обороны РФ предложил провести в 2009 г. совместные военные антитеррористические маневры. Он также акцентировал необходимость “надлежаще реализовать существующие проекты сотрудничества в военной сфере”⁴⁶. Между тем перспективы выполнения Россией контракта на поставку Китаю 34 военно-транспортных самолетов ИЛ-76 и 4 самолетов-заправщиков ИЛ-78, заключенного еще в 2005 г., остаются неясными. Летом российская печать сообщала об обнадеживающем возобновлении переговоров по этому вопросу⁴⁷, однако, как стало известно позже, Китай теперь предлагает купить лишь несколько самолетов ИЛ-76, да к тому же оснащенных двигателями Д-30, производство которых в России уже остановлено⁴⁸.

Определенная неудовлетворенность Китая ситуацией, сложившейся в 2007—2008 гг. в сфере военно-технического сотрудничества с Россией, была продемонстрирована такой необычной, но вполне символической акцией, как размещение на китайязычном сайте (т.е. адресованном китайскому читателю) газеты “Жэньминь жибао” перевода статьи из российской газеты “Военно-промышленный комплекс” с детальным перечислением основных видов заказанной и фактически поставленной из России в КНР военной техники. Резкое сокращение ее поставок с 2007 г. объясняется такими факторами, как срыв российской стороной сроков выполнения контрактов, якобы не всегда надлежащее качество поставляемой техники, развитие Китаем собственного производства военной техники. Фигурирует в публикации и традиционное для китайских СМИ (впрочем, и для российских СМИ тоже) утверждение, будто Россия выражает больше готовности поставлять самые современные виды военной техники Индии, нежели Китаю. В заключение выражается сомнение в том, что России удастся в полной мере компенсировать сокращение поставок военной техники на китайский рынок наращиванием ее экспорта в другие страны⁴⁹.

На наш взгляд, Россия в нынешней кризисной ситуации могла бы за счет поставок новых видов военной техники в Китай хотя бы отчасти компенсировать спад в отечественном машиностроении, как это было сделано в начале 1990-х годов.

* * *

Таким образом, события 2008 г. наглядно показали растущее значение Китая для успешной международной деятельности и поступательного социально-экономического развития России. Китай, выразивший понимание мотивов действий Москвы, оказался одной из немногих стран мира, воздержавшихся от каких-либо недружественных жестов в отношении России в связи с событиями вокруг Южной Осетии. Мировой кризис и угроза рецессии в США и зоне Европейского Союза сделали торгово-экономические связи с Китаем, способным, судя по всему, сохранить на ближайшую перспективу темпы экономического роста порядка 7—8% в год, особенно значимыми для России.

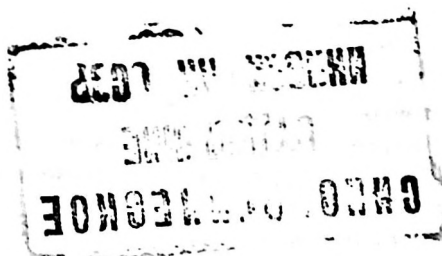
Конечно, мировой экономический кризис привнес дополнительные сложности во взаимодействие Китая и России в торгово-экономической сфере. Адаптация к изменившейся ситуации требует от Москвы и Пекина решения возникающих проблем за счет разумных компромиссов. В этом плане весьма конструктивным представляется предложение лидера КНР Ху Цзиньтао, оглашенное им на встрече с Президентом РФ Д.А. Медведевым в Лиме: “содействовать еще

лучшему развитию практического сотрудничества во всех сферах на путях сочетания китайско-российского стратегического взаимодействия и партнерства с принципами рыночной экономики”⁵⁰.

Кроме того, в условиях кризиса позитивную для обеих стран роль могли бы сыграть активизация российско-китайского инвестиционного сотрудничества и более интенсивное взаимодействие двух стран в таких форматах, как ШОС, БРИК, Россия—Китай—Индия.

Ключевое значение для дальнейшего углубления и совершенствования российско-китайского стратегического партнерства имеет углубление взаимного доверия между странами, причем на всех уровнях — на уровне руководства, в корпоративном и экспертном сообществах и на уровне широкой общественности. Только последовательными целенаправленными усилиями можно преодолеть предвзятость или неверные представления о стране-партнере и о ее народе, все еще достаточно глубоко укорененные и в России, и в Китае. В данном контексте весьма показательно, что завершение демаркации российско-китайской границы на островах у Хабаровска сопровождалось всплеском сетований в обеих странах по поводу будто бы утраченных ими территорий. В то же время быстрая и масштабная помощь жертвам землетрясения в провинции Сычуань и активная поддержка пекинской Олимпиады заметно улучшили отношение к России в Китае.

1. Опрос был проведен среди жителей 20 с лишним регионов Китая. Организаторы опроса получили ответы от 2293 чел. (всего было распространено 2500 опросных листов) — *Пан Дэли, У Вэй*. Чжун Э ляngo лянхао гуаньси дэ инчжэн — “Чжунго жэнь янь чжун дэ Элосы” шэхуй юйлунь дяоча [Свидетельство хороших отношений Китая и России. — Обследование общественного мнения “Россия в глазах китайцев”] // Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю [Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы]. Пекин. 2008. № 5. С. 79–85. На кит. яз.
2. Сяндай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. Пекин. 2008. № 4. С. 61—62.
3. На вопрос о степени близости Китая и России 6,2% опрошенных ответили “очень близки”, 36,5% — “близки”. Около 47% опрошенных оценили степень близости как “обычную”; 4,1% граждан охарактеризовали двусторонние отношения как “не близкие”, а 1,75% — как “весьма не близкие”. В целом степень близости двух стран оценена более скромно, чем сложившийся уровень их отношений, которые были охарактеризованы как “плохие” и “очень плохие” лишь в 2,7% ответов, а как “так себе” — в 21,4% ответов // Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю. 2008. № 5. С. 80—81.
4. Там же. С. 80—81.
5. См.: *Владимиров А.И.* Концептуальные основы национальной стратегии России: политологический аспект. М. 2007. С. 203—205.
6. <http://russian1.people.com.cn/31519/6366301.html>
7. <http://russian1.people.com.cn/31521/6365313.html>
8. Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю, 2008, № 4. С. 81—82.
9. <http://russian1.people.com.cn/31521/6414936.html>
10. <http://russian1.people.com.cn/31521/6417240.html>
11. Агентство Синьхуа, 24.05.2008
12. Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 4. С. 6—9.
13. Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 4. С. 9—13.
14. Жэньминь жибао. 2008. 10 авг.
15. Жэньминь жибао. 2008. 24 нояб.
16. Шицзе чжиши. 2008, № 15. С. 65.
17. <http://www.mid.ru>
18. Синьхуа, 14.10.2008

19. По информации из китайских источников, территория острова Большой Уссурийский составляет 335 кв. км. 171 кв. км отошел Китаю, 164 кв. км остались за Россией. Остров Большой на р. Аргунь (китайское название — Абагайту) площадью 62 кв. км поделен так: 38 кв. км — китайской стороне и 24 кв. км — российской (Шицзе чжиши. 2008. № 21. С. 51).
20. Коммерсантъ. 2008. 22 июля; Новые известия. 2008. 14 окт.
21. Жэньминь жибао. 2008. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 21, 26, 27 авг.
22. <http://russian1.people.com.cn/31521/6488173.html>
23. См.: Жэньминь жибао. 2008. 28 авг.
24. Время новостей. 2008. 29 авг.
25. <http://russian1.people.com.cn/31520/6353266.html>
26. Сайт mid.ru. документ 677-15-05-2008
27. Сайт mid.ru. документ 684-16-05-2008
28. Синьхуа. 14.10.2008
29. Россия отказывается от китайских вещей — <http://www.infox.ru/business/finances/2008/12/16/document5614.phtml>
30. <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab1/info/155558.htm> и расчеты автора.
31. Синьхуа. 14.10.2008
32. Синьхуа. 31.07.2008
33. Шарипова А. Россельхознадзор режет рыбу пополам. С января ее импорт может сократиться в два раза. // Коммерсантъ. 2008. 26 нояб.
34. Российская газета. 2008. 23 дек.
35. Данные веб-сайта Торгпредства РФ в КНР (www.russchina-trade.ru)
36. Россия отказывается от китайских вещей — <http://www.infox.ru/business/finances/2008/12/16/document5614.phtml>
37. Данные статистических ежегодников Китая за 2006 и 2008 гг. (Чжунго тунцзи няньцзянь 2006. Пекин, 2006. С. 765; Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Пекин, 2008. С. 742) и расчет по ним. По нашему мнению, китайская статистика отражает официальные контракты, заключенные китайскими компаниями по осуществлению подрядного строительства и трудовых услуг за рубежом с российскими предпринимателями. Эти данные охватывают такие сферы, как строительство, сельское хозяйство и лесозаготовки, и не учитывают доходы лиц, занимавшихся розничной торговлей. Как известно, занятие ею в России было запрещено для иностранцев с 1 апреля 2007 г.
38. <http://russian1.people.com.cn/31518/6367528.html>
39. <http://russian1.people.com.cn/31521/6440991.html>
40. <http://russian1.people.com.cn/31518/6365765.html>
41. Коммерсантъ. 2008. 11 авг.
42. См., например: Товкайло М., Бирюков А. Поднебесные деньги упали на Москву. Китай в условиях мирового финансового кризиса выделит России многомиллиардные кредиты // Газета. 2008. 29 окт.
43. Мартынов К. Восточная тайна // Коммерсантъ. Business guide. 2008. 18 нояб. С. 32.
44. Сапожников О. В Китай со своим рублем // Коммерсантъ. 2008. 6 дек.
45. Вопросы “упрочения международных позиций жэньминьби” и “интернационализации жэньминьби” детально рассматривались в ноябре 2008 г. на страницах популярных китайских журналов “Ляован” (2008. № 46. С. 32) и “Шицзе чжиши” (2008. № 21. С. 62—63).
46. Синьхуа, 11.12.2008
47. Время новостей. 2008. 25 авг.
48. Габуев А. Российское оружие заняло оборону в Китае // Коммерсантъ. 2008. 12 дек.
49. См.: Э мэйти каньвэнь сянци 1992-2007 нянь дуй Хуа цзюнь шоу [Российские СМИ детально обрисовали поставки военной техники в Китай в период 1992-2007 гг.] — <http://military.people.com.cn/GB/1077/52986/8525369.html>
50. Жэньминь жибао. 2008. 24 нояб.

Китай-Индия: отношения в начале нового столетия

© 2009

С. Уянаев

На широком историческом фоне рассматривается современный этап китайско-индийских отношений. Анализируются двусторонние политические и торгово-экономические связи, ход переговоров по урегулированию пограничной проблемы. Автор показывает, что, несмотря на определенные трения и наличие элементов конкуренции, в целом отношения между Китаем и Индией в последние годы развиваются по восходящей.

Ключевые слова: Китай, Индия, двусторонние политические и торгово-экономические отношения, пограничное урегулирование.

“Китай высоко оценивает тенденцию всестороннего развития китайско-индийских отношений... они находятся в самом лучшем периоде своего развития”¹.

“В 2007 г. Индия отметила 140 китайских вторжений на спорных пограничных участках... Это их стиль... это способ давления на Индию”².

Две цитаты разделяют по времени две недели. Первая — из заявления министра иностранных дел КНР 5 июня 2008 г. Вторая — из прозвучавшего чуть позже выступления министра обороны Индии.

Синхронность таких, казалось бы, полярных высказываний Пекина и Дели, когда в обеих столицах, с одной стороны, оправданно дают позитивную оценку нынешнему этапу двусторонних связей, с другой — продолжают следовать порой весьма жесткой риторике, сегодня не редкость. Однако парадокс здесь только внешний, ибо, пожалуй, в нем — квинтэссенция нынешнего этапа китайско-индийских отношений, где несомненный прогресс соседствует с трудностями и сложными нерешенными вопросами.

Растущие гиганты

В последние годы без упоминания Китая и Индии — двух крупнейших азиатских стран — редко обходится обсуждение мировых политических процессов. Это вполне объяснимо. Обе страны представляют древнейшие самобытные цивилизации, внесшие уникальный вклад в развитие человечества. Сегодня в них проживает треть населения планеты. Но особенно примечательно, что уже не один год и Китай, и Индия, следуя курсу масштабных реформ, демонстрируют устойчивые темпы внутреннего развития. Применительно к ВВП ежегодный рост выражается цифрами 10% и более для КНР и лишь немногим меньше (8%) — для Индии. В результате на эти две страны в последнее время приходится значительная доля при-

роста мировой экономики. КНР ныне по ВВП практически сравнялась с ФРГ, и к первой десятке ведущих стран по этому показателю подошла Индия³. Согласно множеству прогнозов, данный поступательный алгоритм, в силу которого обе страны часто называют локомотивами глобального развития, способен обеспечить Китаю выдвигание на лидирующие позиции в мире еще до середины столетия, ощутимый прорыв на передовые позиции прогнозируется и для Индии.

Параллельно растут значение и роль двух стран в международных делах. Они все более демонстрируют не только субрегиональные и региональные, но и глобальные интересы, предпринимают конкретные действия для их реализации в настоящем и в обозримой перспективе.

В этой связи понятно, что отношения между этими азиатскими гигантами представляют интерес не только с точки зрения состояния собственно двусторонних отношений, но и их воздействия на мировые политические процессы, на интересы других стран, включая (заметим, далеко не в последнюю очередь) и Россию.

Исторические корни

История связей народов, издревле населявших Китай и Индию, насчитывает не одно тысячелетие. Безусловное влияние на характер этих связей традиционно оказывали географические особенности — труднопроходимые Тибетское плато и Гималайская горная система. Тем не менее, в древнейших как китайских, так и индийских источниках с середины еще первого тысячелетия до нашей эры содержатся взаимные упоминания о живущих “за горами” соседях.

Непосредственные культурные и экономические контакты получили развитие с первого столетия новой эры — с распространением на территории Китая буддизма и началом движения торговых караванов по различным маршрутам Шелкового пути.

В более поздней истории были и оживление контактов в ходе знаменитых морских экспедиций адмирала Чжэн Хэ (первая половина XV в.), и нередкие территориальные конфликты пограничных княжеств — от столкновений еще в эпоху Танской династии (VII—VIII вв.) в районах, составляющих северные области сегодняшней Индии, до противоборства в конце XVIII в. в южном Тибете и на территориях, входящих ныне в Непал, до вооруженных действий между войсками “Поднебесной” и сикхами в XIX в. в регионе, который сегодня прилегает к западному участку китайско-индийской границы.

От эйфории к конфликту

В новое и новейшее время обе страны испытали на себе бремя колониальной политики империалистических держав, и политическая история взаимоотношений между Китаем и Индией по существу начинается с середины прошлого столетия, с провозглашения индийской независимости и образования КНР. Причем именно в первые годы существования молодых государств отношения между ними отличались наиболее высоким уровнем. Представляется, что тогда, в начале и в середине 1950-х гг. созидательный энтузиазм, охвативший народы и пришедшие к власти элиты, а также импульс антиимпериализма и национально-освободительной борьбы стали теми факторами, которые предопределили весьма тесное сближение.

Высшей точкой позитивного развития отношений стало совместное провозглашение пяти принципов мирного сосуществования, известных как принципы Панча шила. Они были впервые закреплены в принятом в 1954 г. индийско-китайском Соглашении о торговых отношениях между Индией и Тибетским

районом Китая⁴, а через год нашли отражение в документах знаменитой Бандунгской конференции. А лозунг “Хинди-Чини бхай-пай” — “индиец и китаец — братья навек” стал эмоциональной квинтэссенцией атмосферы того периода.

Но он оказался недолгим. Эйфория первых внутренних побед в обеих странах сменилась необходимостью решения конкретных задач государственно-го обустройства, и именно в этом контексте стали быстро накапливаться двусторонние проблемы. Причем на сложном историческом фоне не было случайностью, что центральными из них явились территориальные споры, а также возникновение так называемой тибетской проблемы, последовавшей за перемещением в Индию далай-ламы и тысяч его сторонников.

Кульминацией противостояния явился, как известно, вооруженный пограничный конфликт осени 1962 г. Важной его особенностью стало то обстоятельство, что Индия вышла из него с комплексом подвергшейся нападению и “несправедливо пострадавшей” стороны, в то время как Китай отверг всяческие обвинения в “агрессии”. Причем такая оценка сохраняется и сегодня.

Вместе с тем крайне важно, что, понизив после этих событий уровень двусторонних дипломатических контактов, стороны даже в период нового обострения отношений в ходе индо-пакистанских конфликтов 1965 и 1971 гг. не перешли грань их полного разрыва. В 1976 г. по инициативе Индии дипломатические отношения были восстановлены полностью. Тем не менее, этот (важный сам по себе) формальный акт не привел автоматически к позитивным результатам, ибо, по меткому определению авторитетных экспертов, за ним последовал период “патовой ситуации и даже стагнации”⁵. Прошло еще 12 лет, прежде чем стало возможным говорить о том, что период свертывания двусторонних связей фактически подошел к концу, и наметились условия для их постепенной нормализации.

Безусловно, что в качестве причинно-следственных факторов этого процесса свою роль сыграли не только постепенное накопление двустороннего позитивного потенциала, в частности — конструктивных элементов во внешней политике КНР после XII съезда КПК, но и внешние обстоятельства — улучшение советско-китайских отношений, а несколько позже — и те драматические перемены на мировой арене, которые выразились в распаде прежнего биполярного мироустройства.

От нормализации к стратегическому партнерству

В общепринятом смысле, подразумевающим планомерное и поступательное развитие двусторонних контактов, в том числе на высоком уровне, китайско-индийская нормализация обрела зримые очертания в декабре 1988 г. в ходе первого за предшествующие 34 года визита в Пекин премьер-министра Индии. Раджив Ганди подписал с китайским руководством совместное коммюнике, в котором стороны выразили общее стремление “восстановить, улучшать и развивать добрососедские и дружеские китайско-индийские отношения”, строить их в духе пяти принципов мирного сосуществования. Была достигнута договоренность о проведении ежегодных консультаций между министрами иностранных дел, о создании совместной рабочей группы для решения территориального спора и установления мира на границе, подписан ряд соглашений — о сотрудничестве в сфере гражданской авиации, в научно-технической и культурной областях⁶.

Ключевое значение китайско-индийского саммита 1988 г. несомненно. Вместе с тем, с учетом серьезности и объема нерешенных проблем это событие, как представляется, следует рассматривать в качестве важнейшего, но лишь стартового звена последующей поэтапной нормализации. Заметим, что часть ин-

дийского экспертного сообщества склонна придавать не меньшее значение более поздним достижениям на китайском направлении, имевшим место в первые годы нового столетия, когда у власти находились политические оппоненты Индийского национального конгресса и, соответственно, клана Ганди⁷. Более того, ряд аналитиков полагает, что “полная и окончательная нормализация” не наступила и сегодня и будет возможна лишь после урегулирования территориального спора⁸.

После переговоров Р. Ганди в Пекине взаимные визиты руководителей стали носить достаточно регулярный характер. Наиболее значимыми из них были визит Премьер-министра Индии Н. Рао в Пекин в сентябре 1993 г. и визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Дели в декабре 1996 г. В ходе визитов были подписаны важные документы: о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля и о мерах доверия в военной области в районе границы⁹, последующее выполнение которых сыграло ключевую роль в резком ослаблении напряженности в пограничных районах. При этом ныне нечасто вспоминают, что в ходе визита Цзян Цзэминя было сделано в известном смысле этапное заявление о том, что стороны выразили намерение “развивать отношения конструктивного сотрудничества, обращенного в XXI век”¹⁰.

Однако вскоре отношения претерпели заметный спад, связанный с ядерными испытаниями в Индии 1999 г. и высказываниями официального Дели, включая премьер-министра и министра обороны, о том, что основным мотивом индийских военных усилий является “китайская угроза”. Примечательно тем не менее, что связанная с этим напряженность царила недолго. Летом 1999 г. главы внешнеполитических ведомств двух стран провели конструктивные переговоры, а в последующие три года стороны предприняли новые шаги к развитию сотрудничества, в частности, в ходе визита в КНР Президента Индии К.Р. Нараянана (2000 г.), а также переговоров в Дели с участием главы китайского парламента Ли Пэна (2001 г.) и Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи (2002 г.).

Иными словами, за полтора десятилетия после визита Р. Ганди в Пекин сторонам удалось, по меньшей мере, формальным образом наладить конструктивный диалог, создать основы его механизма, продвинуть отношения в целом ряде важных областей, включая военно-политическую. Подтверждением этого стал и объем торговли, увеличившийся с мизерных 200 млн долл. в конце 1980-х гг. до 3,6 млрд долл. в 2001 г.

Данные обстоятельства в комплексе позволяют считать, что декларированное в 1988 г. взаимное намерение “восстанавливать и развивать” двусторонние отношения поэтапно наполнялось практическим содержанием, а сам процесс китайско-индийской нормализации в первые годы нового столетия в общепринятом смысле подошел к завершению. Не случайно 2003 г. многие аналитики, в частности в Индии, называют началом своего рода нового этапа двусторонних отношений, когда “нормализация” по существу уступила место “многоплановому развитию китайско-индийского сотрудничества”, причем связи в самых разных сферах были заметно активизированы. Именно летом этого года состоялся визит в Пекин Премьер-министра А.Б. Ваджпай, итоги которого были названы в Индии “редкими и значительными”, а подписанный основной документ — *Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве* в Китае был назван “краеугольным камнем” будущего сотрудничества¹¹. Стороны подтвердили решительное намерение строить отношения и осуществлять взаимодействие на основе доверия и взаимной выгоды, а также придать качественное ускорение поиску решений территориальной проблемы путем создания переговорного механизма с участием спецпредставителей двух правительств. При этом в контексте

сохраняющихся проблем, прежде всего территориальных, принципиально важным стало подтверждение сторонами базового общего подхода, согласно которому "сохраняющиеся разногласия по пограничным вопросам не должны отражаться на общем процессе развития двусторонних отношений"¹². Кроме того, в ходе переговоров был подписан впечатляющий пакет соглашений в практических областях, в том числе об упрощении визового режима для предпринимателей, о сотрудничестве регионов.

Наращение импульсов к интенсивному продвижению сотрудничества и, более того, наполнение его новым качественным содержанием, отразили договоренности, достигнутые в апреле 2005 г. в ходе визита в Индию Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Важнейшим итогом переговоров стало заявление сторон о решении "вступить в стратегическое партнерство", а также подписание принципиально значимого *Соглашения о политических параметрах и руководящих принципах решения пограничного вопроса* — своего рода "дорожной карты" — в поиске взаимоприемлемых развязок. Серьезное значение имело также принятие *Пятилетнего плана всестороннего торгово-экономического сотрудничества* и объявление 2006 г. в двух странах "Годом китайско-индийской дружбы"¹³.

Столь же важными стали итоги визита в Дели Председателя КНР Ху Цзиньтао в ноябре 2006 г. и переговоры М. Сингха в Пекине в январе 2008 г. Отличительным результатом этих двух визитов, наряду с закреплением целей и направлений собственно двустороннего сотрудничества, является очевидное стремление сторон "сверить часы" по ряду международных проблем регионального и глобального порядка. Не случайно важнейшими итогами этих встреч явились делийская Совместная декларация, осветившая широкий круг вопросов международного взаимодействия, а также документ под названием *Совместный обзор Китая и Индией перспектив в XXI в.*¹⁴.

Достижения и успехи

Каковы же обобщающие итоги двух последних десятилетий китайско-индийских отношений, включая их нормализацию и последующее развитие?

К осязаемым достижениям китайско-индийской отношений в **политической сфере** относится закрепленное в двусторонних документах стремление строить долговременные и прочные отношения добрососедства и способствовать глобальному и региональному миру. В международном плане Китай и Индия демонстрируют высокую степень согласия по таким вопросам, как многополярный мир и справедливый международный порядок, многосторонняя дипломатия и недопустимость односторонних действий, центральная роль ООН в международных делах и мирный принцип разрешения проблем. В ходе последних саммитов стороны все чаще выдвигают тезис о важном международном значении китайско-индийского сотрудничества, "исторической ответственности Китая и Индии" за перспективы азиатского и мирового развития. Начиная с 2005 г. китайская сторона демонстрирует свою поддержку Индии в принятии ее в качестве постоянного члена в расширенный состав Совета Безопасности ООН. Стороны развивают сотрудничество в рамках ВТО и других экономических организаций, исходя, в частности, из принципа защиты интересов развивающихся стран.

Сходство подходов проявляется и применительно к ряду важных региональных проблем. В части, касающейся Южной Азии, в результате перехода Пекина к более сбалансированному курсу в отношении Исламабада и Дели снижена острота индийских подозрений по поводу характера китайско-пакистанских связей, тем самым улучшены условия и для индо-пакистанского диалога.

С точки зрения межгосударственных отношений ведется системная работа по созданию многоуровневого и многопрофильного механизма двусторонних отношений. В практику введены постоянный обмен визитами на высшем, а также на различных министерских уровнях. Причем встречи высших руководителей в последнее время проводятся по несколько раз в год. Так, в 2005 г. Ху Цзиньтао и М. Сингх, не совершив взаимных официальных визитов, в рамках различных международных мероприятий встретились не менее четырех раз, и такая практика становится уже привычной. С января 2005 г. на уровне первых заместителей глав внешнеполитических ведомств действует структура стратегического договора, в рамках которой рассматриваются как двусторонние проблемы, так и крупные мировые и региональные вопросы. На регулярной основе собирается и своего рода "совет мудрецов" — китайско-индийский форум наиболее авторитетных экспертов. Продвигается взаимодействие парламентариев, сотрудничество по партийной линии.

Своеобразным индикатором общего состояния комплекса двусторонних связей могут служить контакты индийских и китайских военных. Прошедшие в 2003 г. первые за много лет переговоры между высшими военными руководителями двух стран дали старт серьезному расширению связей в военной области. В 2006 г. министры обороны подписали важный *Меморандум о взаимопонимании и взаимодействии по вопросам обороны*, рассчитанный в том числе на дальнейшее продвижение мер взаимного доверия. По данному кругу вопросов создана совместная рабочая группа. В практику вошли регулярные обмены высокопоставленными военными делегациями, предприняты шаги по реализации программы совместной подготовки военнослужащих. Наконец уже не вызывают удивления казавшиеся недавно беспрецедентными совместные военные маневры. В 2003, 2005 и 2007 гг. в них приняли участие военные моряки двух стран, а в начале 2008 г. в провинции Юньнань их впервые провели сухопутные силы Китая и Индии. К этому следует добавить, что между двумя странами ширится сотрудничество специальных служб, в частности — ответственных за борьбу с терроризмом и международной преступностью.

Кропотливая и сложная работа ведется по пограничной проблеме. Обстановку на границе стороны называют "почти мирной", подчеркивая тот факт, что уже около десятилетия здесь не прозвучало ни одного выстрела. К настоящему времени в рамках запущенного в 2003 г. переговорного механизма спецпредставители двух стран (первый заместитель министра иностранных дел КНР Дай Бинго и советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Май-анкоте К. Нарайянан) провели уже 12 раундов консультаций. Судя по скудной информации, поступающей о них, переговоры идут непросто, и сближение точек зрения достигается с немалым трудом. Помимо политических и психологических факторов и барьеров, уходящих корнями в противоречивую историю и кровопролитие 1962 г., существуют и объективные технические сложности, связанные с разной интерпретацией карт и документов, которые касаются примерно 40 тыс. кв. км территории, оспариваемых, как известно, Индией в западном секторе, и 90 тыс. кв. км — Китаем, но уже на восточном участке границы. Поэтому резких прорывов на переговорах ожидать сложно, хотя стремление к ним сторонами постоянно декларируется и подкрепляется определенными шагами. Похоже, что дополнением к шагу со стороны Пекина о признании Сиккима штатом Индии и к Соглашению 2005 г. о параметрах и принципах урегулирования новым импульсом могут послужить итоги последних китайско-индийских саммитов (2007—2008 гг.). В документах этих встреч отражено намерение сторон подойти

к решению вопроса “со стратегической высоты”, ускорить достижение реальных подвижек, действуя “более целенаправленно и динамично, проявляя больше инновационных подходов”, а спецпредставителям на переговорах поставлена задача “в короткие сроки завершить выработку согласованного рамочного решения” на основе соглашения 2005 г.¹⁵ Есть основания полагать, что тем самым декларируется склонность к более интенсивному поиску компромиссных подходов. По крайней мере, согласно информации из СМИ со ссылкой на источники в индийском МИДе, в ходе китайско-индийского саммита в январе 2008 г. в Пекине Индии и Китаю удалось “впервые сформулировать свои проекты возможной структуры будущего соглашения, подразумевающего взаимные уступки с обеих сторон и открывающего путь к окончательному урегулированию индийско-китайского пограничного спора”¹⁶. Есть основания полагать, что таким образом выражается склонность к более интенсивному поиску компромиссных подходов.

Впечатляющие результаты достигнуты в **торгово-экономическом сотрудничестве**. С 1988 г. объем двусторонней торговли вырос более чем в 150 раз, в том числе в пять раз за последнее пятилетие (среднегодовой рост около 40%), составив в 2007 г. 38, 6 млрд долларов¹⁷. Заметим, что сегодняшние объемы ранее намечалось достигнуть практически только к 2010 г., поэтому перспективные планы, как следует ожидать, будут существенно пересмотрены в сторону увеличения. Китай превратился в главного внешнеторгового партнера Индии, Индия заняла 12 место в списке основных партнеров КНР, а по динамике наращивания объемов заняла в этом перечне лидирующее место. С марта 2004 г. действует **совместная торгово-экономическая исследовательская группа**, первым результатом работы которой стала разработка упомянутого пятилетнего плана развития экономического сотрудничества. Группа занимается также стимулированием инвестиций и поиском путей либерализации торгового режима. В этой связи стоит сказать, что Пекин продвигает привычную для себя схему создания зоны свободной торговли. Эта инициатива Пекина пока не нашла достаточного количества сторонников в Нью-Дели, тем не менее в стадии обсуждения находится создание некоего промежуточного режима, так называемого Регионального торгового соглашения (РТС), предусматривающего точечное снижение тарифов и ряд других мер по либерализации

Поднявшись практически с нулевого уровня, растет объем **взаимных инвестиций**. На конец 2005 г. китайские инвестиции в Индию составили около 50 млрд долл. Свыше 120 млн долл. разместили в КНР индийские бизнесмены, которые участвуют здесь примерно в 200 проектах¹⁸. Цифры носят, конечно, скромный характер, но предпринимаются шаги к сохранению высоких темпов взаимодействия. Подписано важное *Соглашение по содействию и защите инвестиций*. По данным индийской печати, Китай намеревается инвестировать в различные проекты в Индии до 500 млн долл. Наибольший интерес при этом вызывает сфера информационных технологий

Важным событием было названо возобновление после более чем 40-летнего перерыва торговых связей через высокогорный (свыше 4700 м) пограничный переход Нату-Ла между Тибетским автономным районом Китая и Индией в Сиккиме. На него в свое время приходилось до 80% оборота двусторонней пограничной торговли, и по оценкам объем торговли через Нату-Ла к 2015 г. может составить 2,8 млрд долл.¹⁹

В январе 2006 г. стороны подписали *Меморандум об укреплении сотрудничества Китая и Индии в нефтегазодобывающей области*. Цель — в пределах возможного обеспечить сочетаемость интересов на международных энерге-

тических рынках и максимально предотвратить возникновение “острых углов”. Стороны декларируют стремление укреплять кооперацию, в частности “совместно изучать возможности для разведки и эксплуатации месторождений нефти и газа в третьих странах”. Примеры такого сотрудничества имеются: в декабре 2005 г. нефтедобывающие компании двух стран впервые договорились о совместной покупке права эксплуатации нефтяных месторождений в Сирии.

Сотрудничество двух стран охватывает сегодня и целый ряд других областей — транспорт, науку и технику, здравоохранение, культуру, туризм, где взаимодействие осуществляется на основе соответствующих Меморандумов и соглашений.

Проблемы остаются

Иными словами, перечень достижений в двусторонних отношениях, особенно на фоне длительной стагнации 1960—1980-х гг., выглядит весьма убедительно. Однако это не означает, что Китай и Индия избавлены от ряда традиционных прежних проблем и гарантированы от некоторых новых вызовов. Это, несмотря на явные успехи, не позволяет дать двусторонним отношениям однозначную оценку.

Если обратиться к мнению экспертов обеих сторон, в частности китайских, для которых порядок перечисления имеет, как известно, не последнее значение, то главной из этих проблем остается **территориальная**.

Так, в 2007 г., вскоре после завершения 10-го раунда пограничных переговоров, когда еще не стихли комментарии о его “дружеской атмосфере”, Пекин отказал в выдаче въездной визы одному из ста членов делегации индийских работников административной службы, отправлявшихся на две недели в КНР²⁰. Поскольку “пострадавшим” стал представитель северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, Индия расценила инцидент как откровенный демарш Китая в контексте его “притязаний на территорию этого штата”. На этом фоне нельзя не вспомнить, что буквально в канун визита Ху Цзиньтао в Дели в ноябре 2006 г. посол КНР в Индии в весьма жесткой форме говорил о территориальных правах КНР в этом районе²¹. Наконец совсем недавно Пекин выразил официальную озабоченность по поводу (ни много, ни мало) самого факта поездки в Аруначал-Прадеш премьер-министра Индии²².

Второй проблемой в данном ряду чаще всего считают **“дефицит стратегического взаимодоверия”**, различия в подходах к ряду вопросов региональной безопасности, прежде всего в Южной Азии. Проще говоря, речь идет о “подозрительности Дели” по поводу китайско-пакистанских связей, и параллельной “обеспокоенности Пекина” наличием потенциально антикитайских компонентов в американо-индийских отношениях, взаимной озабоченности программами военного и приграничного дорожного строительства. Иллюстрациями могут служить многочисленные материалы индийских СМИ, когда в июне 2008 г. на страницах крупнейшей газеты “Таймс оф Индия” сообщалось об обеспокоенности высшего военного и политического руководства страны программой развития подводного флота КНР, включая базу на о. Хайнань, а также угрозами, которые для индийской космической программы представляют недавно испытанные китайские средства противоспутникового оружия. И этот перечень можно было бы продолжить.

Ответные сходные по смыслу сомнения и подозрительность высказываются в Пекине, в частности по **тибетской проблеме**, которая в силу своей значимости имеет самостоятельное, причем принципиальное в глазах Пекина значение. Вопрос о “сепаратистском движении с участием тибетских беженцев” в Индии, по мнению влиятельных китайских экспертов, “имеет ключевой характер

для стабильности в Тибете и безопасности в юго-западных районах КНР”²³. Временами затихая, этот болезненный вопрос дает о себе знать вновь и вновь, как это было, к примеру, во время знакового визита Вэнь Цзябао в апреле 2005 г., когда, чтобы предотвратить антикитайские демонстрации, индийские власти арестовали свыше 120 тибетских активистов²⁴.

Как известно, в связи с волнениями в Тибете в марте 2008 г. этот вопрос вновь обострился. В ситуации, когда независимые индийские телеканалы транслировали пространное интервью Далай-ламы, Дели, как известно, официально взявший на себя обязательство пресекать политические выступления тибетских беженцев на индийской территории, вновь попал в весьма сложное положение, оказавшись одновременно и под подозрительным взглядом Пекина, и под давлением собственных правозащитников. В результате министр иностранных дел Индии был вынужден сделать заявление, в котором подчеркнул, что Далай-ламе следует воздержаться от любой политической активности, любых действий, наносящих ущерб отношениям КНР и Индии²⁵.

Четвертая проблема — **трения в экономических отношениях**. Заметный рост двусторонней торговли привел в последнее время к заметному дисбалансу торгового сальдо в пользу Китая. Дели беспокоит и неудовлетворительная, с его точки зрения, структура торговли, где доля индийской машиностроительной продукции не превышает 4%²⁶, при том, что аналогичный показатель для КНР составляет свыше 34%²⁷. В этой связи Индия настаивает на снижении импортных пошлин для своих товаров и одновременно видит необходимость в шагах по защите собственного рынка. В свою очередь, Китай считает, что Индия, неоправданно затягивая признание КНР страной с рыночной экономикой, злоупотребляет антидемпинговыми расследованиями. По статистике китайских экспертов за последние 12 лет их было около 100, что составляет почти половину всех таких расследований, касающихся китайского экспорта. В Китае полагают, что индийские власти искусственно усложняют дорогу китайским инвестициям, в том числе препятствуют доступу в так называемые “чувствительные сектора” своей экономики, включая объекты транспортной инфраструктуры, область электронных коммуникаций.

Наконец, отдельным пунктом спорной повестки дня считается, в частности, в Китае **“соперничество за энергетические ресурсы”**. Двусторонние отношения действительно осложняются столкновением интересов в этой важной сфере, поскольку обе крупнейшие развивающиеся экономики испытывают острую потребность в импорте энергетического сырья и уже неоднократно сходились в конкурентной борьбе за право доступа к одним и тем же источникам, в частности, в Анголе, Казахстане и Нигерии. Непростая ситуация в этой сфере, где сочетаются элементы сотрудничества и соперничества (впрочем, достаточно управляемого), дала повод китайским экспертам употребить даже некий “синтетический” термин — “конкурентное сотрудничество”.

В обеих странах существуют в целом схожие представления о главных проблемах двусторонних отношений, которым, естественно, дается собственная интерпретация. К сказанному выше можно добавить, что Индия, компенсируя комплекс “потерпевшей” стороны, сохраняющийся со времени вооруженных конфликтов в конце 1950-х — начале 1960-х гг., жестко отстаивает свою позицию по пограничной проблеме. Неоправданно агрессивной Дели в ряде случаев считает экономическую политику Пекина, в том числе в сфере энергетики.

Есть “поля напряжения” и во внешнеполитической области. Прежде всего, речь идет о **влиянии американского фактора**, которое возросло в связи с активным развитием в последние годы отношений между Вашингтоном и Дели.

Пекин, испытывая явную озабоченность, но высказываясь достаточно осторожно, внимательно наблюдает за так называемой американо-индийской “ядерной сделкой”, результатом которой может стать заметная либерализация режима доступа Индии к гражданским ядерным технологиям.

О том, что для этого у Китая имеются основания, имея в виду цели США, достаточно точно высказался британский журнал “Экономист”: “Дабы не ввергать всех в краску смущения, подъем Китая редко упоминают в качестве фактора, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии. Однако, возможно, именно этот фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом”²⁸.

Индия, исповедующая принципы многовекторной политики, безусловно заинтересована в развитии отношений с США. Более того, в индийской политической элите бытует мнение, что “только фундаментальные изменения в отношениях с единственной мировой супердержавой помогут Индии добиться своих стратегических целей”²⁹. Такого рода взгляды, очевидно, оказывают свое влияние на расстановку акцентов в индийских подходах. Однако на уровне принятия решений в Дели, судя по всему, понимают неприемлемость перспективы быть втянутыми в американские планы “сдерживания Китая”³⁰.

К проблемным в двусторонних отношениях относятся и некоторые другие вопросы. В частности, в Индии к ним добавляют свои “озабоченности” по поводу “активности Китая” в Мьянме, Бангладеш, на Мальдивах.

Превалирование плюсов

Однако, несмотря на серьезность проблем, следует признать, что китайско-индийские отношения развиваются в последние годы устойчиво по восходящей. Превалирование центростремительных факторов может быть объяснено следующими обстоятельствами. Это схожесть либо совпадение взглядов на проблемы глобального развития, обоюдное прагматичное стремление обеспечить мирную обстановку в своем приграничье и на его периферии, взаимное желание использовать фактор взаимодополняемости для дальнейшего продвижения по пути реализации программ социально-экономического роста каждой из стран. При этом с обеих сторон просматривается понимание, что конкуренция, неизбежная в процессе параллельного возрождения двух поднимающихся гигантов, по своей сути может носить контрпродуктивный и для Китая, и для Индии характер. Это стимулирует поиск компромиссов, а заодно свидетельствует о проявлении обеими странами здорового и позитивного прагматизма. Заглядывая в перспективу, вряд ли можно говорить о полном двустороннем консенсусе, вроде выдвинутого некоторое время назад проекта “Чиндия”³¹ — идеи возникновения некой гомогенной геополитической общности двух стран. Однако объективное превалирование прагматичных и совпадающих целей способно, как представляется, сохранить в обозримом будущем нынешний алгоритм китайско-индийских отношений, обеспечивающий их в целом устойчивое развитие.

Российские интересы и формат РИК

Думается, что российским интересам объективно отвечало бы именно такое развитие событий — хотя бы по той очевидной причине, что обратный сценарий ставил бы Москву, заинтересованную в дальнейшем развитии отношений стратегического партнерства и с Пекином, и с Дели, в проигрышную позицию выбора. Конечно, некоторые элементы китайско-индийской конкуренции — за

те же российские рынки энергосырья и вооружений — потенциально создают некие точечные возможности для разумного укрепления российских позиций. Но использование таких возможностей может носить только крайне деликатный характер, не говоря уже о контрпродуктивности некой спекуляции на противоречиях партнеров. Кроме того, укрепление китайско-индийской составляющей — важнейшее условие функционирования модели трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая, инициатором которой в 1998 г. официально выступила именно Москва. Встреченный вначале со скептицизмом, этот проект, пусть и лишенный сенсационных прорывов и достижений, в течение истекших десяти лет постепенно наполнялся реальным содержанием, свою жизнеспособность он продолжает демонстрировать и сегодня, поскольку объективно способствует укреплению международных позиций каждой из трех стран, создает возможности для многосторонней экономической кооперации, а по закону обратной связи благоприятно сказывается и на двусторонних связях внутри «тройки». Не случайно и в Пекине, и в Дели среди практических достижений трехстороннего формата выделяют его благоприятное влияние как раз на китайско-индийские отношения.

Таким образом, сегодняшний в целом позитивный вектор развития отношений между Пекином и Дели вполне органично вписывается в задачи российской внешней политики, позволяет РФ поддерживать сбалансированные отношения и с Китаем, и с Индией, объективно укрепляет формат трехстороннего сотрудничества этих государств.

1. Синьхуа. 2008. 5 июня.
2. The Times of India. 2008. 19 июня. — http://timesofindia.indiatimes.com/India/File_India_to_raise_Sikkim_incursion_with_China/articleshow/3146611.cms
3. Сводная таблица показателей ВВП государств мира по данным Всемирного банка и МВФ. — [http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)](http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)).
4. Текст Соглашения см.: Принципы панча шила в современном мире: К пятидесятилетию подписания Соглашения между Индией и Китаем о торговле и связях с Тибетским районом Китая. М., 2004. С. 89—92.
5. Acharia A. Wen Jiabao South Asian Sojourn: Premier Wen Jiabao's visit to India // Institute of Chinese Studies. Occasional Studies. 2005. № 7. P. 37.
6. Sino-Indian Joint Press Communique. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15913.htm>.
7. См., напр: *Bhattacharjee M.S.* India and China at Vientian — Hastening Slouly to Arrive at a Different Feature: Premier Wen Jiabao's visit to India // Institute of Chinese Studies. Occasional Studies. 2005. № 7. P.4—5.
8. *Jing-dong Yuan.* Sino-Indian Relations: Perspectives, Prospects and Challenges Ahead. — http://www.pinr.com/report.php?ac=view_report&report_id=283&language_id=1.
9. Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on the Maintenance of Peace and Tranquility along the Line of Actual Control in the China-India Border Areas. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15915.htm>; Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on Confidence Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the China-India Border Areas <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15914.htm>.
10. Синьхуа. 2003. 26 апр.
11. ИТАР-ТАСС. 2003. 25 июня.
12. Declaration on Principles for Relations and Comprehensive Cooperation Between the People's Republic of China and the Republic of India. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2711/2712/t22852.htm>.

13. Premier Wen Jiabao Visit to India. Prospects and Reports // Institute of Chinese Studies, Occasional Studies. 2005. № 7. P. 7—83.
14. Совместная декларация Китая и Индии. — <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/yzs/gjlb/1328/1330/t281586.htm>; A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>.
15. 10-й раунд индийско-китайских переговоров по проблеме границы // ИТАР-ТАСС. 2007. 21 апр.
16. К итогам визита М. Сингха в Китай // ИТАР-ТАСС. 2008. 22 янв.
17. Сайт Министерства коммерции КНР. — <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200802/20080205371690.html>.
18. Жэньминь жибао. 2006. 6 июля.
19. On the roof of the world, India and China put aside differences to reopen trade route. World news // The Guardian. 2006. 7 июля. — <http://www.guardian.co.uk/world/2006/jul/07/china.india>.
20. ИТАР-ТАСС. 2007. 29 мая.
21. India and China: friends disunited // The Economist. 2006. 16 Nov. — www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=8173487.
22. ИТАР-ТАСС. 2008. 21 апр.
23. *Ma Jiali*. Is Competitive Partnership between China and India Viable? // Conference Paper on Making New Partnership — A Rising China and its Neighbors. (IAPS, CASS), July 26-27, 2007. Beijing. P. 254.
24. <http://www.kommentator.ru/accent/2005/a0413-2.html>.
25. India to Dalai Lama: Stop upsetting China. — <http://blog.foreignpolicy.com/node/8548>.
26. GOVERNMENT OF INDIA Ministry of Commerce & Industry DEPARTMENT OF COMMERCE. — <http://commerce.nic.in/eidb/ecomxent.asp>.
27. Там же.
28. The America-India-China strategic triangle // The Economist. 2007. 2 Aug. — http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588.
29. *C. Raja Mohan*. India and the Balance of Power // From Foreign Affairs. 2006. July/August. — <http://www.foreignaffairs.org/20060701faessay85402/c-raja-mohan/india-and-the-balance-of-power.html>
30. См. напр.: *Mehra P.B.* An embrace too ardent // The Indian Express. 2005. 20 июля.
31. Автором концепции “Чиндия” как некой общности, выходящей за пределы просто двусторонних отношений, считают индийского аналитика, члена кабинета министров Дж. Рамеша, выпустившего несколько лет назад соответствующее исследование. Сборник материалов на эту тему (Чжун Инь да тун. Лисянь юй Сяньши 2007. 473 с.) опубликован в Китае. Но большинство аналитиков воспринимают идею осторожно. Как отмечал, к примеру, в материале “Мифы Чиндии” журнал “Экономист” (2006. 22.11), идея здесь “опережает реальность” и “более тесное сближение между Китаем и Индией совсем не выглядит неизбежным. К тому же нет уверенности, что сами стороны стремятся к этому”. — http://www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=8311987.

Экономика

Китай в условиях глобального экономического кризиса

© 2009

Я. Бергер

Глобальный финансово-экономический кризис уменьшает спрос на китайские экспортные товары и тем самым замедляет экономический рост Китая и сокращает занятость. Антикризисная программа в Китае предусматривает проведение активной финансовой политики, направленной на увеличение инвестиций и внутреннего спроса. Преодоление кризиса может способствовать повышению роли Китая в мировой финансово-экономической системе.

Ключевые слова: Китай, глобальный кризис, активная финансовая политика, экспорт, инвестиции, внутренний спрос, налоги, рост ВВП, мировая финансовая система.

Растущая вовлеченность Китая в глобальную экономику и политику приносит ему немалые дивиденды. Китай получил широкий доступ к мировым рынкам сбыта товаров и услуг, к источникам сырья и энергии, к новым технологиям и современному управленческому опыту, к принятию важных для его развития решений в международных организациях. Вместе с тем неуклонно возрастает и зависимость страны от общемировых процессов, колебаний конъюнктуры и даже катаклизмов¹. Нынешний глобальный финансово-экономический кризис показал это с полной наглядностью. В связи с этим в Китае вновь и вновь возникают дискуссии о балансах позитива и негатива. О том, как наилучшим образом использовать преимущества участия в глобализации и избежать при этом наиболее разрушительных его последствий. О том, как оберечь экономический и политический суверенитет страны и ее безопасность, не отгораживаясь от внешнего мира, а, напротив, занимая позицию ответственного участника и творца мировой истории.

Кризисы в рыночной экономике, на путь развития которой твердо встал и Китай, явление неизбежное. Поэтому главная проблема состоит лишь в том, чтобы понимать, что рынок, главное преимущество которого состоит в повышении конкурентоспособности предприятий, государств и индивидов, сам по себе не в состоянии исправлять неизбежные при этом собственные огрехи. Поэтому, развивая рыночную экономику, Китай стремится сохранять в руках государства достаточно мощные рычаги макрорегулирования, помогающие ему справляться с кризисами. Как и в какой мере эти рычаги сработают в нынешней ситуации, предмет размышлений многих специалистов.

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока". E-mail yakovberger@mail.ru

Уязвимость экономики

На начальном этапе, когда нынешний мировой кризис еще проявлял себя преимущественно в финансовой сфере, он мало затрагивал Китай. Но с переходом кризиса в реальную экономику его воздействие стало ощущаться сильнее. В этом состоит главное отличие нынешнего кризиса от Азиатского кризиса конца 90-х годов прошлого века. Другое важное отличие состоит в том, что за последнее десятилетие Китай значительно глубже интегрировался в мировую экономику и стал больше зависеть от ее состояния. Наконец, третий важный фактор, усугубляющий влияние мирового кризиса на китайскую экономику, состоит в том, что он пришелся на тот момент, когда еще не полностью проявил себя эффект тех мер макрорегулирования экономики, которые были направлены на ее "сжатие". Наложившись на эти меры, кризис ускорил падение экономики.

Известный специалист по мировым финансам Дин Давэй полагает, что системный финансовый кризис в Китае по ряду причин невозможен². Одна из этих причин состоит в недостаточной развитости китайских финансов. Финансовые активы занимают пока еще скромное место в китайской экономике. В Китае почти нет инвестиционных банков, рейтинговых агентств, хеджированных фондов, секьюритизации активов, играющей столь большую роль в экономике США. Различные финансовые рынки и продукты слабо связаны между собой.

После вступления в Китай в ВТО китайские финансовые рынки стали постепенно открываться для зарубежных инвесторов. Возникли прямые деловые отношения между китайскими финансовыми институтами и зарубежными, особенно американскими финансовыми рынками. Часть ведущих китайских предприятий вышла за рубеж. Тем не менее, собственный фондовый рынок Китая пока еще мало используется не только международными, но и отечественными негосударственными компаниями. Соответственно он слабо связан с мировой финансовой системой и сохраняет свою относительную самостоятельность. Кроме того, контрольные органы Китая проявляют довольно большую бдительность.

Развитием финансовых рынков в Китае в основном управляет государство. Это обстоятельство чрезвычайно важно для сохранения доверия населения к финансовой системе. Незадолго до того, как стал разворачиваться финансовый кризис в США, министр финансов США Генри Полсон (в прошлом возглавлявший компанию Голдман Сакс) во время своего визита на Шанхайскую фьючерсную биржу убеждал аудиторию, что Китай должен полностью открыть свои рынки капитала. Открытый, конкурентный, либерализованный финансовый рынок, говорил он, способен эффективно размещать редкие ресурсы, стимулировать устойчивость и процветание, далеко превосходя государственное вмешательство³. Не прошло и полутора лет, как Полсон представил свой план по спасению американских финансовых рынков с опорой на государство.

Кредитно-банковская система в Китае отличается от американской соответственно тому, как разнятся модели потребительского поведения населения. Китайцы традиционно более ориентированы на сбережение и накопление, американцы приучены к расходам в кредит. Соответственно, американские коммерческие банки и другие финансово-инвестиционные институты основную прибыль получают от посреднических и смешанных финансовых услуг. Китайская же финансовая система — типично накопительная, в которой государство осуществляет строгий контроль за процентными ставками по депозитам и кредитам. Основную массу прибыли коммерческих банков дает маржа по этим ставкам. За последние годы китай-

ские банки стали несколько отходить от этой системы, но она по-прежнему доминирует. Плюс к этому основными клиентами китайских коммерческих банков служат резиденты, и их прибыль не вывозится, а остается в стране.

Системный финансовый кризис чаще всего возникает в условиях большой переоцененности и ликвидности финансовых активов. Так было в Японии в конце 80-х годов прошлого века, когда после значительного повышения стоимости иены переоцененными оказались недвижимость и рынок акций, и стало трудно избежать кризиса и падения стоимости всех активов. В сравнении с развитыми странами большинство активов развивающихся стран, включая номинированные в юанях, недооценены. Кроме того, китайский рынок еще не приспособлен к моментальной трансформации и ликвидности разнородных финансовых активов. Наконец, системный финансовый кризис чаще всего грозит странам, обремененным бюджетным дефицитом и внешним долгом (как Аргентина). Ибо в таких странах государству трудно справиться с проблемами, возникающими на финансовых рынках. В Китае такая ситуация отсутствует. Торговый баланс имеет растущее положительное сальдо. Высокая прибыльность реального сектора экономики позволяет покрывать значительный дефицит на финансовых рынках.

Однако основная опасность мирового кризиса для китайской экономики находится не в сфере финансов, а в реальной экономике, особенно — в снижении темпов экономического роста, а соответственно, и в ограничении роста занятости, что и вызывает главную озабоченность китайского общества и китайского руководства. Кризис серьезно обострил ситуацию с трудоустройством. Хрупкий баланс занятости, сохранявшийся в течение трех десятилетий, находится под угрозой.

Глобальный кризис наложил на процесс структурной перестройки китайской экономики и еще более усугубил тенденцию возрастающей структурной безработицы. Ущерб причинен, прежде всего, слабеющим в результате перестройки традиционным трудоемким отраслям производства в дельтах рек Янцзы и Чжунцзян, где занято большое число крестьян. Но одновременно ухудшается и общая ситуация занятости, в которой избыток предложения труда на нижних ярусах ранее соседствовал с преобладанием спроса над предложением на ярусах верхних.

Глобальная рецессия вынуждает возвращаться в Китай многих квалифицированных людей, работающих за рубежом, что обостряет конкуренцию среди профессионалов. Еще более осложняется трудоустройство абитуриентов высших учебных заведений. В 2009 г. ожидается максимальный выпуск — 6 млн чел., и общее число нетрудоустроенных людей с высшим образованием достигнет 10 млн чел. Начатая в 2008 г. реформа административных учреждений сокращает вакансии в бюджетной сфере. Но самое главное — теряют работу многие выходцы из деревни, занятые на малых и средних предприятиях, что вызовет волну массовой репатриации. Это еще больше увеличивает избыток рабочей силы в аграрном секторе и дополнительно осложняет задачу увеличения доходов и повышения благосостояния сельского населения.

Предшествующий опыт показывает, что замедление роста на один процентный пункт ведет к сокращению занятых на 4 млн чел. Уменьшение годового роста с 9,8% в среднем за истекший тридцатилетний период реформ до ожидаемых в 2009 г. 8% означает потерю работы для 10 млн чел. Вряд ли нужно пояснять, сколь пагубное воздействие может оказать эта тенденция на социальную и политическую обстановку в стране. Чтобы ослабить ее, государству придется пойти на существенное увеличение расходов казны на поддержку безработных и семей с низкими доходами. В условиях сокращающихся бюджетных доходов и

растущих инвестиций это будет сделать непросто. Как полагают эксперты, в 2009 г. платежный баланс Китая будет испытывать беспрецедентное давление⁴.

Особенно тяжело сказывается мировой кризис на приморских провинциях страны, которые неизменно занимали лидирующие позиции в китайском экспорте и экономическом росте. С января по сентябрь 2008 г. в провинции Гуандун закрылись 7148 предприятий. В этой провинции, на долю которой приходится 1/8 ВВП страны, среднегодовой прирост экономики за предшествующее тридцатилетие составил 13,8%. Падение темпа до 10% в год обойдется Гуандуну потерей 1,3 млн рабочих мест⁵. Стало быть, здесь положение может оказаться еще более тяжелым, чем в целом по стране.

Сегодня сжатие китайской экономики происходит более резко, чем во время Азиатского кризиса 1997—1998 гг. Это объясняется, в частности, тем, что мировые катаклизмы пришлось на разные фазы циклического функционирования китайской экономики. Когда разразился Азиатский кризис, экономика Китая уже переживала спад, и кризис лишь совпал с действовавшей тенденцией. В нынешней же ситуации китайская экономика находилась на пике десятилетнего цикла, и потому кризис может оказаться более разрушительным.

Во втором квартале 2007 г. экономика достигла наибольшего подъема. Начался ее перегрев. Органы, ответственные за макрорегулирование, стали использовать меры, призванные “остудить” экономику. К тому времени смена модели развития и структурная перестройка экономики были еще в зачаточном состоянии. В этой ситуации такие факторы, как значительное сокращение ввоза экспортных пошлин, непрерывное удорожание национальной валюты, рост стоимости сырья и энергии, увеличение расходов на защиту окружающей среды и оплату труда дополнительно осложняли функционирование трудоемкого и ориентированного на экспорт производства. Именно в этот момент стало быстро возрастать негативное воздействие американского финансового кризиса.

Еще два обстоятельства циклического характера усилили негативное воздействие глобального кризиса на китайскую экономику, а, возможно, и предварили его. Речь идет о “сдувании пузырей” на китайских рынках недвижимости и ценных бумаг. В 2003—2007 гг., когда китайская экономика находилась в восходящей фазе цикла, одной из главных движущих сил экономического роста, наряду с внешним спросом, было увеличение инвестиций в недвижимость. Оно влекло за собой повышение спроса на черные и цветные металлы, строительные материалы, технику. Аналогичную роль играл и фондовый рынок, капитализация которого за два года выросла в шесть раз. Он также стимулировал рост внутреннего спроса, снабжая предприятия ресурсами для инвестиций. Отсутствие механизмов, которые бы сдерживали рост цен, привело к тому, что на этих рынках образовались “пузыри”, которые во второй половине 2007 г., когда усилились меры по борьбе с инфляцией, стали лопаться⁶.

Некоторые китайские эксперты вообще полагают, что главную роль в нынешнем спаде китайской экономики играет именно цикличность, а глобальный кризис лишь дополнительно усиливает его. Если это так, то кризис перепроизводства мог бы наступить в Китае еще раньше. С такой точки зрения, китайская экономика переживает сегодня не мягкую, а жесткую “посадку”⁷. Об этом свидетельствует стремительное сокращение темпов роста ВВП за четыре квартала 2008 г., не наблюдавшееся за последние два-три десятилетия.

Нынешний глобальный кризис наносит свой главный удар по динамике экономического роста в Китае, сокращая возможности экспорта, особенно экс-

порта на один из главных для страны — американский рынок. По данным Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, американский рынок поглощает примерно 20% китайского экспорта. Предшествующий опыт показывает, что при снижении ВВП в США на 1% китайский экспорт на американский рынок падает на 4% и более⁸.

Кроме того, снижение стоимости доллара и повышение стоимости юаня сокращает ценовые преимущества китайских экспортных товаров на мировых рынках. Китайская доля достается тем странам, чьи валюты по отношению к доллару падают. Это влечет за собой снижение занятости и притока зарубежных инвестиций. Более того, некоторые иностранные и даже китайские инвесторы перемещают свои предприятия в страны с более дешевой рабочей силой (например, во Вьетнам).

Пекин предвидит усиление протекционизма в мировой торговле. По прогнозу Мирового Банка, в 2009 г. ожидается рост глобального ВВП всего на 0,9%. При этом объем мировой торговли сократится на 2,1%. Особенно серьезный спад ожидает экспорт из развивающихся стран. Эта тенденция может обратить вспять многолетние усилия по снижению таможенных и иных барьеров. Некоторые страны, включая Россию, уже подняли ввозные пошлины, несмотря на общие декларации о противостоянии протекционизму.

Замедление темпов роста экспорта грозит нарастанием избыточных мощностей в китайской обрабатывающей промышленности. Одновременно оно отрицательно сказывается на притоке инвестиций в основные фонды этих отраслей. Переключение экспортных поставок на внутренний рынок чревато его застоем и дефляцией.

Сократился рост реальных доходов населения. После почти десятилетнего расцвета началось падение рынка недвижимости. В крупных городах снижаются цены и уменьшается число риэлтерских сделок. Сократились расходы на покупку автомобилей и других предметов длительного пользования. Соответственно упал спрос на металл, цемент, строительные материалы. Сокращается прибыль промышленных предприятий, что связано не только с сокращением спроса, но также и с повышением себестоимости продукции вследствие удорожания сырья и рабочей силы и повышения стоимости национальной валюты.

Антикризисные меры

Мировой кризис вынудил Пекин резко поменять монетарную политику. До того, как он стал серьезно сказываться на Китае, главной заботой правительства было сдерживание перегрева экономики и противостояние инфляции. Кризис заставил изменить вектор. Основной заботой стало поддержание экономического роста. Поэтому ввиду явного замедления роста Госсовет КНР объявил о переходе к «умеренно мягкой монетарной политике» (*«шиду куансун ды хоби чжэнцэ»*). Главная ее цель — стимулирование экономического роста и сохранение занятости путем регулирования денежной массы, процентной ставки и кредитов. Эта политика предусматривает увеличение денежной эмиссии. Установлено, что прирост денежного агрегата M2 в 2009 г. должен на 3—4% превышать суммарно темпы роста ВВП и увеличение товарных цен, т.е. составлять примерно 17%.

Но одна лишь монетарная политика не способна обеспечить преодоление кризиса. Антикризисная программа в Китае включает, прежде всего, проведение активной финансовой политики, направленной на расширение внутреннего спроса. С ее помощью рассчитывают увеличить государственные инвестиции в

капитальное строительство и расходы на общественные услуги и соответственно повысить занятость, а также поднять доходы граждан, вернуть доверие потребителей и коммерческих инвесторов, предотвратить спад экономики. За последние годы доля внутреннего потребления в ВВП снижалась. Доля потребления населения в ВВП в 80х гг. — более 62%, в 2005 г. — 52,1%, в 2007 г. — около 36%, самая низкая в истории.

Китай вернулся к той финансовой политике, которая проводилась с 1998 по 2004 гг. Она позволила справиться с Азиатским финансовым кризисом и его последствиями, способствовала увеличению годового роста китайской экономики на полтора-два процента. Главный ее смысл — в поддержке инвестиционной активности государства и предприятий.

В прошлом, как и сейчас, начинали с монетарных мер. В 1996 г. семь раз понижалась процентная ставка. Однако спад экономики в 1997 г. продолжился. Со второй половины 1998 г. значительно упали темпы роста экспорта. В 1998 г. на китайском внутреннем рынке стал ощущаться недостаток спроса и избыток предложения. Поэтому в 1998 г. перешли к активной финансовой политике, которая продолжалась вплоть до 2004 г. Правительство направило в коммерческие банки 270 млрд юаней, полученных благодаря размещению специальных государственных займов. Дополнительно каждый год выпускались государственные займы на 100 млрд юаней и более, инвестируемые в капитальное строительство. Были увеличены размеры бюджетного дефицита центрального правительства. Для банков сократили норму резервирования. Неоднократно понижался ссудный процент. Чтобы стимулировать потребление, был введен потребительский кредит на покупку домов, машин. В итоге темпы роста ВВП повысились с 7% в первой половине 1998 г. до 8,3% во второй половине года. В четвертом квартале 1998 г. они даже достигли 9%.

Однако кризис еще не был преодолен. В 1999 г. падение темпов роста возобновилось. В первом квартале года они составляли 9,1%, а в четвертом сократились до 7,6%. Со второго квартала стал сокращаться приток инвестиций в основные фонды, уменьшился экспорт, сохранялся низкий потребительский спрос. В ответ на эти вызовы правительство еще более усилило активную финансовую политику. Был выпущен дополнительный долгосрочный строительный заем на 60 млрд юаней. Повышена зарплата и уровень социальных пособий. Увеличены размеры возврата пошлин, взимаемых с таких экспортных товаров, как текстиль, одежда, уголь. В итоге в 2000 г. макроэкономическая ситуация в Китае стала улучшаться. Среднегодовые темпы экономического роста превысили 8%. Китай избавился от негативного воздействия Азиатского кризиса. Повальное обрушение валют соседних стран его не затронуло. Сохранив стабильность юаня, Китай укрепил свой авторитет и влияние в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии. В целом, согласно оценкам, позитивное воздействие активной финансовой политики на темпы экономического роста в Китае в 1998 г. составило 1,5%, в 1999 г. — 2,0%, а в 2000 г. — примерно 1,7%⁹.

Нынешняя антикризисная программа Пекина использует опыт десятилетней давности, но не копирует его. Это связано с двумя обстоятельствами. Прежде всего, сегодня вовлеченность Китая в глобальную экономику неизмеримо больше, чем прежде. Если в прошлом доля экспорта в ВВП состояла всего 20%, то сейчас она выросла вдвое. Поэтому те меры, которые были адекватны в прошлом, сейчас недостаточны. С другой стороны, и экономическая мощь Китая

за истекшее десятилетие многократно возросла, что вооружает его дополнительными средствами, необходимыми, чтобы справиться с кризисом.

Достаточно вспомнить о колоссально возросших доходах госбюджета и огромных золотовалютных резервах. Большие позитивные перемены произошли в микроэкономике. В 1998 г. две трети госпредприятий были убыточными. За последующие три года ситуация стала кардинально меняться. Эффективность и прибыльность предприятий значительно возросли, что придает им значительно большую устойчивость при колебаниях рынка.

Все это позволяет сегодня делать больший акцент, чем прежде, на повышении жизненного уровня народа. Не следует также забывать, что нынешняя экономическая мощь китайского государства и китайских предприятий достигнута в немалой степени за счет недопотребления социальных и индивидуальных благ очень большой частью китайского общества, особенно — деревней. Быстрый экономический рост не в последнюю очередь основан на низкой заработной плате и низком социальном обеспечении. И этот свой огромный долг государство должно постепенно возвращать.

Предстоит решить немало серьезных проблем. За годы реформ общественное богатство Китая многократно возросло. Объем ВВП увеличился с 362,4 млрд юаней в 1978 г. до 24,9 трлн юаней в 2007 г. Существенно повысились в абсолютных цифрах и доходы населения. Однако относительная их доля снижается. В 1992 г. удельный вес доходов населения в ВВП составлял 68,6%, а в 2007 г. — только 52%. Отсюда — необходимость изменить эти пропорции.

Доля сбережений населения в Китае выше, чем в среднем по миру, что отражает неуверенность людей в своем будущем. В условиях кризиса беспокойство еще более усиливается. Особую неуверенность вызывает угроза безработицы. Поэтому насущной необходимостью становится совершенствование системы социального обеспечения.

На период до конца 2010 г. намечено выделить на инвестиции 4 трлн юаней. Эта сумма, по расчетам Госкомитета по развитию и реформам, должна поднимать годовой рост экономики на 1%. Средства предполагают расходовать адресно и целенаправленно с тем, чтобы они повышали внутреннее потребление и создавали стимулы роста для ключевых отраслей производства.

Сегодня, как и в 1997—1998 гг., инвестиции направляются, прежде всего, в капитальное строительство, но теперь сфера их приложения расширилась. Она включает в себя оказание различных видов публичных услуг. Для того, чтобы получить должный эффект, т.е. поддержать рост и сохранить занятость, государство должно сочетать инвестиции в крупные долгосрочные сооружения, которые окупятся в лучшем случае лишь через многие годы, с вложениями, способными приносить отдачу уже в ближайшее время. Некоторые эксперты вообще считают ставку на долгострой ошибочной и предлагают направить основные усилия, во-первых, на строительство жилья, во-вторых, на сооружение объектов в сельской местности и лишь в-третьих — на такие крупные капитальные сооружения как прокладка железных и автомобильных дорог и строительство аэродромов¹⁰. Главным аргументом для противоположного порядка приоритетов служат ссылки на то, что он может лучше способствовать увеличению производства строительной техники, строительных материалов, особенно — цемента, железнодорожного оборудования и тем самым косвенно — созданию большого числа новых рабочих мест.

До последнего времени капитальное строительство в сельской местности получало относительно мало инвестиций. Если скоростные автомобильные дороги провинциального и государственного уровня проложены, то на уездном уровне ощущается их острая нехватка. В основном они сооружаются на средства крестьян или местных предприятий. Серьезных вложений требуют сельские коммунальные и социальные службы, включая снабжение населения питьевой водой, канализацию, развитие телевизионных сетей, строительство школ и больниц. Электрификация деревни может позитивно сказаться на производстве электроэнергетического оборудования. Принимаются специальные меры, включая финансовые дотации, чтобы облегчить доступ сельского потребителя к электробытовой технике, сбыт которой существенно страдает от потери внешних рынков.

Дополнительные инвестиции предполагается направить также в здравоохранение, культуру и образование, на защиту окружающей среды, инновации, восстановление районов, пострадавших от землетрясения, на повышение доходов городского и сельского населения и проведение налоговой реформы. Из 4 трлн юаней на капитальное строительство в здравоохранении выделяется 4,8 млрд юаней. Государственная поддержка фармацевтической промышленности оказывается начиная с 2000 г. Число лиц, охваченных медицинским страхованием (включая кооперативное страхование в деревне) намечено увеличить с 570 млн чел. в 2006 г. до 1 160 млн чел. в 2010 г.

Около одной четверти из 4 трлн юаней (1 180 млрд юаней) составят ассигнования центрального правительства, а три четверти (2,8 трлн юаней) должны составить средства местных органов власти, предприятий и банков. Насколько оправдан расчет на такую “геометрическую прогрессию”, не вполне очевидно. В известной мере он исходит из предшествующего опыта. В прошлом, действительно, 1 юань правительственных инвестиций был способен привлечь дополнительно 3—4 юаня из иных источников. Отсюда некоторые экономисты делают смелые выводы, что 4 трлн юаней инвестиций из средств центрального и местных бюджетов способны мобилизовать еще 10–12 трлн юаней “общественных” инвестиций¹¹. Более скромные ожидания исходят из того, что вложения 4 трлн юаней из средств центрального и местных правительств привлекут такую же сумму из неправительственных источников.

Финансы на местах находятся, однако, далеко не в лучшем состоянии. Если власти таких быстро развивающихся провинций, как например, Чжэцзян или Цзянсу обладают достаточными источниками для пополнения своего бюджета, то этого нельзя сказать о менее успешных регионах. Преобладающая часть налоговых сборов идет в центральный бюджет. Ухудшение конъюнктуры на рынке недвижимости еще более сужает финансовую базу местных властей. Если в 1997—1998 гг. властям не составляло особого труда получить займы от банков, которые в то время полностью принадлежали государству, то теперь, когда банки стали акционерными, сделать это намного труднее. Они могут выступать в качестве инвесторов, но значительно более тщательно просчитывают риски. Становится особенно трудно финансировать объекты некоммерческого свойства. Поэтому местные власти стремятся направлять свои ограниченные средства на поддержку малоприбыльных или убыточных предприятий, чтобы затем с их помощью осуществить необходимые инвестиции.

Выдвинут лозунг “бао ба чжэн цзю”, т.е. “гарантировать восемь, бороться за девять”. Имеются в виду, конечно, проценты годового роста ВВП. Названные цифры имеют ключевое значение для удержания баланса между созданием но-

вых рабочих мест и увеличением трудоспособного населения. Ранее считалось, что годовой прирост ВВП примерно на 8% способен обеспечить дополнительную занятость для 7—8 млн чел., однако модернизация производственной структуры снижает этот эффект.

В Китае рассматриваются разные сценарии макроэкономического курса в зависимости от развития внешней и внутренней ситуации. Умеренное замедление прироста экспорта с 22% в 2008 г. до 18% в 2009 г. даст возможность поддерживать годовой рост ВВП на 8—9%. Но если спад экономики в США окажется более глубоким, и китайский экспорт увеличится менее чем на 10%, то обеспечить увеличение ВВП на 8% будет сложно¹².

Как показывают расчеты, для того, чтобы гарантировать рост ВВП в 2009 г. на 8%, при сохранении нынешней очень высокой доли инвестиций в ВВП, равной 55%, объем инвестиций должен составить 15,9 трлн юаней, т.е. увеличиться на 10%. Правительственные инвестиции, составляющие 2 трлн юаней, обеспечат всего 12,6% этой суммы. Следовательно, речь должна идти о куда большем вложении как правительственных, так и неправительственных средств¹³.

Как часто бывает в Китае, в подобных случаях начинается гонка ведомственных и местных инициатив, которая нередко в прошлом приводила к перегреву экономики, что требовало специальных мер по ее “остужению”. Территории, чьи лидирующие позиции в экономическом росте обеспечивались экспортными или иными преимуществами, намерены эти позиции удержать, наращивая сверх обычного инвестиционную составляющую. По некоторым неполным данным, общая сумма предлагаемых местными правительствами проектов достигает 18 трлн юаней, что намного превосходит их фактические доходы¹⁴.

Ряд экспертов, однако, полагает, что сегодня реальные условия для привлечения неправительственных капиталов значительно хуже, чем в 1998 г. В то время Китай находился на стадии быстрой индустриализации и урбанизации. Затраты на сохранение окружающей среды, равно как и на оплату труда, были минимальными. Отсюда происходила высокая доходность инвестиций. Инвестиции шли не только в капитальное строительство, но также в энергетику и обрабатывающую промышленность. Особенно после 2001 г., когда вступление Китая в ВТО подхлестнуло стремительный рост китайского экспорта.

Сегодня же задачу расширения внутреннего спроса приходится решать в условиях, когда давит избыток производственных мощностей. В 90-е годы был дефицит мощностей по производству энергии и сырья, транспорт не справлялся с перевозками. Сегодня эти препятствия в основном устранены. Спектр инвестиционных возможностей соответственно сузился, особенно если речь идет о прибыльных инвестициях. Многие объекты, возможно, не принесут прибыли, что, как указывает известный китайский экономист, директор Института социального развития при Госкомитете по развитию и реформам Ян Июн, может лечь тяжелым бременем на кредитоспособность банков¹⁵. Более проблематичным становится и привлечение иностранных инвесторов.

Ведущий экономист Китайской международной финансовой компании Ха Цзимин отмечает, что в Китае, произошло относительное насыщение сферы капитального строительства¹⁶. За десять лет протяженность автомобильных дорог увеличивалась ежегодно в среднем на 12,1%, значительно быстрее, чем увеличивался грузооборот (8,4%). В том числе протяженность скоростных дорог росла в среднем за год на 22,4%, благодаря чему Китай вышел по этому показателю на второе место в мире, уступая лишь США. Но по интенсивности движения автомобилей

на один километр автомобильных дорог Китай далеко уступает развитым странам, что негативно сказывается на окупаемости дорожного строительства.

В области недвижимости ситуация не лучше. В 1996—1997 гг. рост инвестиций здесь был почти нулевым. Но в 1998—2002 гг. они возрастали в среднем на 20% за год. Сегодня цены на недвижимость снижаются, но они все еще на 35% превышают возможности потенциальных покупателей. Существует большой остаток непроданных домов, который может рассосаться не раньше, чем через 27 месяцев. Все это не может не сдерживать частных инвесторов. Изменилась, по мнению Ха Цзимины, и ситуация с госпредприятиями, доля которых в экономике уменьшилась. Прежде они вели инвестиционную деятельность, получая кредиты у банков, и тем самым стимулировали экономику.

Чтобы создать дополнительные стимулы для привлечения частных инвесторов, эксперты рекомендуют расширить использование различных схем государственно-частной кооперации, таких как BOT (Build Operate Transfer), в строительстве автомобильных дорог, очистных сооружений, сельских водопроводных сетей. При таких схемах частный инвестор, окупив затраты и получив надлежащую прибыль, может возвращать объект под управление местного правительства. Предлагается также расширить область инвестирования, включив в нее финансы, почту и связь, энергетику.

Для мобилизации инвестиционных ресурсов Пекин может, как и во время Азиатского кризиса, размещать долгосрочные строительные займы. Их общая сумма с 1998 по 2003 гг. составила 910 млрд юаней, что позволило осуществить инвестиции на общую сумму в 5 трлн юаней. Сегодня отношение явного внутреннего долга к ВВП относительно невелико — лишь немногим более 30%, т.е. значительно ниже международной “красной зоны”, которая начинается с 60%. Однако у Китая существует огромный скрытый долг. Он включает в себя накопившиеся за многие годы “пустые счета” в фондах социального обеспечения по старости и по болезни. Они оцениваются в 2—3 трлн юаней. Кроме того, большая скрытая задолженность есть и у местных правительств, которым пока что не разрешено выпускать собственные облигации, и при неблагоприятном обороте событий она может лечь дополнительным бременем на центральное правительство.

Существует и еще одна угроза, связанная с массированными капитальными вложениями. Это — угроза роста коррупции, особенно крупномасштабной, совершаемой подчас не только отдельными чиновниками или их группировками, а целыми ведомствами, причем нередко — полулегально.

Из сказанного очевидно, что ни одна из намечаемых мер, ни даже их совокупность не могут служить панацеей. Более того, многие из них не гарантируют от неблагоприятных побочных эффектов. Тем не менее, непринятие таких мер чревато еще худшими последствиями. Поэтому из нескольких зол придется выбирать наименьшее.

Меры, направленные на поддержание снижающегося экспорта, такие, как возобновление возврата экспортных пошлин по достаточно широкой номенклатуре товаров, снижение курса юаня неизбежно вызовут недовольство ряда стран, особенно обладающих сходной с Китаем структурой экспорта. Такой же эффект влечет за собой и сокращение китайского импорта. На этом фоне обращенные вовне призывы Пекина к борьбе против протекционизма могут выглядеть не слишком убедительно.

Широкий разворот инвестиционной деятельности не обеспечивает точного выбора наиболее необходимых объектов для капитального строительства, не

гарантирует его должного качества, а подчас провоцирует бесполезную трату немалых средств и таит опасность усугубления коррупции¹⁷. Чем шире разворот инвестиционной активности, тем сложнее установить за ним должный контроль. Кроме того, и это особенно важно, основную массу рабочих мест в Китае сегодня обеспечивает не государственный, а частный сектор, прежде всего, малые и средние предприятия, которые особо уязвимы в период кризиса и для поддержки которых нужны особые меры. В их числе важное место занимает расширение доступа к коммерческим кредитам.

С 2009 г. начинается широкомасштабное снижение налоговой нагрузки на предприятия. Важнейшее место в этой программе занимает преобразование налога на добавленную стоимость. Это — самый большой налог в Китае. В 2007 г. на его долю пришелся 31% всех налоговых поступлений в бюджет — более 1,5 трлн юаней.

В отличие от многих других стран, в Китае налог на добавленную стоимость взимается не с потребителя, а с производителя, что влечет за собой ряд неблагоприятных следствий, включая двойное налогообложение. Преобразование налога на добавленную стоимость из производственного в потребительский в масштабах всей страны предусмотрено 11-м пятилетним планом (2006—2010 гг.). Как обычно это практикуется в Китае, крупномасштабным преобразованиям предшествует более ограниченный, эксперимент. В данном случае он проводился в рамках Северо-Восточного Китая с 2004 г., а начиная с 2007 г. его распространили на 6 провинций и 26 городов Центрального Китая.

Главный смысл реформы состоит в том, что предприятия получают право вычитать налог на добавленную стоимость из суммы, затрачиваемой на закупку оборудования. Отменяется действовавший ранее порядок, при котором возмещалась пошлина на импортное оборудование. Он стимулировал привлечение иностранного капитала и использование зарубежных технологий, но не способствовал отечественным инновациям.

Реформа сократит налоговую нагрузку на предприятия на 120 млрд юаней, будет способствовать оживлению инвестиционной деятельности, техническому перевооружению и повышению конкурентоспособности предприятий, что усилит их способность противостоять негативным воздействиям кризиса. Наибольший выигрыш получают капиталоемкие отрасли, особенно производящие электроэнергетическое, горнодобывающее, химико-технологическое, коммуникационное, транспортное и металлургическое оборудование. В выигрыше будут и малые налогоплательщики, для которых устанавливается единая ставка налога на добавленную стоимость в размере 3%.

В числе мер, намеченных китайским правительством для расширения внутреннего спроса, важное место отведено увеличению доходов населения. В первую очередь речь идет о группах населения с низкими доходами. Правительственный курс здесь включает три основных направления. Прежде всего, он нацелен на обеспечение прожиточного минимума. По данным на октябрь 2008 г., минимум, составлявший в среднем 133 юаня (около 20 долл.) в месяц на человека, обеспечивался для 22 739 тыс. чел. городского населения (10 877 тыс. семей). В деревне эта программа распространялась на 38 787 тыс. чел. (18 011 тыс. семей)¹⁸.

Другое направление — дальнейшее повышение уровня пенсионного обеспечения. Средняя ежемесячная пенсия для работников предприятий, охваченных страхованием по старости, увеличилась с 321 юаня в 1995 г. до 963 юаней в 2007 г. В 2008 г. эта сумма возросла еще на 100 юаней, а в 2010 г. — должна пре-

высить 1200 юаней Одновременно намечено индексировать ее соответственно росту цен и изменению банковской ставки по вкладам.

Третье направление — материальная поддержка населения, пострадавшего от стихийных бедствий, охватывающая 39 млн чел. Размеры ее устанавливаются на местах сообразно обстановке. Так, население, пострадавшее в 2008 г. от землетрясения в Сычуани, получило трехмесячное пособие из расчета по 1 цзиню зерна и 10 юаней на человека в день

Эти меры, скорее всего, лишь отчасти могут компенсировать падение доходов населения от связанного с кризисом сокращения трудовой занятости, снижения заработков, обрушения фондового рынка. Поэтому для увеличения внутреннего спроса понадобятся дополнительные усилия. Они, могут включать в себя изменения в фискальной политике, такие, например, как существенное повышение минимума, с которого начинают взимать индивидуальный подоходный налог, установление минимальной ставки оплаты труда, повышение закупочных цен и дотаций на сельскохозяйственную продукцию, увеличение пособий по безработице и др.

Главным стратегическим ресурсом для значительного увеличения внутреннего спроса, для замещения значительной части внешнего спроса спросом внутренним служит урбанизация. Трансформация преобладающей части сельского населения в городское будет способствовать повышению общественной производительности труда, повысит доходы, изменит образ жизни и модель потребления. Урбанизация будет постоянно поддерживать нарастающий рынок недвижимости — одну из движущих сил китайской экономики. Неслучайно поэтому ряд китайских экспертов предлагает направить значительную часть инвестиций именно в создание необходимых условий для ускорения урбанизации, хотя понятно, что этот процесс не может быть быстрым.

Посткризисные шансы

Известно, что Китай рассматривает любой кризис не только с точки зрения причиняемых им утрат, но и как шанс для системного обновления и новых прорывов, прежде всего, в экономике, а затем и в геополитике. За тридцатилетнюю историю курса на реформы и открытость Китай не раз выходил из кризисных ситуаций обновленным и окрепшим. На создаваемые ими вызовы и угрозы он неизменно отвечал адекватными решениями. Скорее всего, не явится исключением в этом отношении и нынешний финансовый кризис.

Многие китайские эксперты полагают, что благодаря инвестициям падение экономики будет остановлено уже во второй половине 2009 г., и среднегодовой темп экономического роста за 2009 г. может составить 9%. Достижение более высоких показателей — дело времени.

Стремясь поддержать свой экспорт в условиях роста протекционизма, Китай, с одной стороны, стремится добиться реальных результатов Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО, а с другой — прилагает усилия к созданию и расширению региональных и двусторонних зон свободной торговли. За последние годы Китай подписал соглашения о развитии таких зон с целым рядом стран и ведет интенсивные переговоры со многими другими. Но чтобы добиться своих целей, Китаю, разумеется, самому надо избегать искушений протекционизма и монополизма.

Кризис еще раз подчеркнул важность международного сотрудничества. Столь масштабные глобальные явления невозможно ни предотвратить, ни преодолеть, оставаясь в национальных рамках. Не случайно именно на фоне и под

давлением мирового финансового кризиса состоялась трудно представимая прежде встреча представителей финансовых властей трех соседних стран: Китая, Японии и Республики Корея, заложившая основу их последующих совместных действий. Надо полагать, что этот импульс не будет утрачен и в посткризисный период. Тройственный альянс может стать ядром более широкой кооперации в рамках Восточной и Юго-Восточной Азии. Шансы на создание такой кооперации были и после Азиатского кризиса 1997—1998 гг., однако они довольно скоро были утрачены. Можно надеяться, что на сей раз этого не произойдет.

Роль и значение Китая в мировой финансовой системе вследствие мирового финансового кризиса, скорее всего, существенно возрастет. Усилится его влияние в международных финансовых институтах. Юань будет стремиться к тому, чтобы стать третьей резервной валютой, равной по значению доллару и евро. Юаневые инструменты постепенно окажутся в числе наиболее желанных во всех странах мира, а Шанхай может войти в число важнейших мировых финансовых центров.

Важные шаги для интернационализации юаня китайское правительство уже предпринимает. В конце 2008 г. Госсовет КНР принял решение о проведении в экспериментальном порядке расчетов в китайской валюте по торговле товарами китайской провинции Гуандун и района дельты Чжуцзян с Сянганом и Аомэнем и Гуанси-Чжуанского автономного района и провинции Юньнань со странами АСЕАН. Соглашения о выборе национальных валют для расчетов в двусторонней торговле заключены Китаем с рядом соседних стран, включая Россию, Монголию, Вьетнам, Мьянму.

В настоящее время конвертация юаня производится лишь при расчетах по текущим счетам и частично — по капитальным. К тому же свободно конвертируются лишь другие валюты в юань, но не юань — в другие валюты. Юаневые сделки совершаются, главным образом, в Китае, на мировых же рынках таких сделок мало. Качественный сдвиг в этом отношении может произойти лишь постепенно, с повышением места Китая в международном разделении труда. Попытки форсировать интернационализацию юаня административными мерами могут привести лишь к тому, что он станет объектом спекуляций¹⁹.

Кризис создает для китайских предприятий благоприятные возможности осуществлять инвестиции за рубежом. За первые три квартала 2008 г. число зарубежных слияний и поглощений выросло более чем вдвое. Общая сумма таких сделок составила 68,8 млрд долл. При этом наибольшая активность наблюдается в ресурсной сфере, где происходит наиболее заметное снижение цен. Государство регулирует этот процесс, исходя из того, что в условиях нестабильного финансового рынка безопасность и прибыльность зарубежных инвестиций трудно поддается расчетам. Плюс к этому у большинства китайских предприятий не хватает необходимого умения действовать в подобной обстановке. Поэтому для этих целей выделяются наиболее успешные и опытные компании. Рекомендуются инвестировать капитал, прежде всего, в развивающиеся страны и растущие рынки, которые менее затронуты кризисом. Кроме того, государство стремится стимулировать инвестиции внутри страны в отрасли, нуждающиеся в долговременном развитии: в энергетику, природные ресурсы, сельское хозяйство, технологии, сбыт.

В целом после ликвидации негативных последствий кризиса в мировом и национальном масштабе благоприятные возможности Китая для продолжения успешного экономического роста могут быть относительно быстро восстановлены и еще более укреплены. Тем самым продолжится его восхождение к вершине мировой финансово-экономической системы. От этого может выиграть и сама

система, став более устойчивой, более разносторонней и сбалансированной, менее зависимой от катаклизмов в какой-либо одной ее части, сколь бы важной и даже доминирующей она ни была.

1. Если судить по такому показателю, как отношение объема внешней торговли к ВВП, то Китай вдвое более открыт для мирового рынка, чем США или Япония. Лишь ФРГ сопоставима в этом отношении с Китаем, но она, в отличие от Китая, включена в механизмы ЕС, поэтому такое сравнение не вполне корректно. Широко открыт Китай и для иностранных инвесторов. Не случайно Китай выступает сегодня одним из главных противников открытости и противником национального протекционизма.
2. Жэньминь ван. 2008. 9 окт.
3. Чжунго цзинцзи ван. 2008. 26 сент.
4. Ван Цзыли. Чжунго цзинцзи мин нянь мяньлин лю чжун каоянь. [Китайскую экономику ждут в будущем году шесть серьезных испытаний] // Цайцзин ван. 2008. 11 дек.
5. Тань Бинцай. Бао цзюе ши бао цзэнчжан ды чжунцзи мубяо. [Сохранение занятости — конечная цель сохранения роста] // Наньфан жибао. 2008. 24 дек.
6. Хуан Сяопэн. Бу яо ба ице цзэжэнь туйгэй цзиньжун вэйцзи [Не возлагать всю ответственность на финансовый кризис] // Чжэнцюань шибао. 2008. 13 нояб.
7. Таково, например, мнение Заместителя Постоянного секретаря Китайского общества макроэкономики Ван Цзяня. См.: Ван Цзянь. Чжунго сюйяо гэн да гуймо ды фань вэйцзи цоши. [Китаю нужны более широкомасштабные антикризисные меры] // Сюэси шибао. 2008. 30 дек.
8. Ван Цзыли. Указ. соч.
9. Ши Нянь. Чжунго фань вэйцзи чжэнцэ ды цзоюн до да. [Как велика роль антикризисной политики в Китае]. — <http://theory.people.com.cn/GB/49154/49155/8555006.html>.
10. См. например, высказывания Юань Ганмина, ведущего эксперта из университета Цинхуа (Шанхай чжэнцюаньбао. 2008. 18 нояб.
11. Чжунго цзяюй бао. 2008. 5 дек.
12. 2009: Чжунго цзинцзи мяньлин до чжун каоянь [2009: китайская экономика столкнется со многими тяжелыми испытаниями] // Чжунго фачжань гуаньча. 2009. 4 января.
13. Цзо Сяолэй. “Цзэн ба” баовэй чжан ды саньгэ гуаньдянь [Три ключевых момента в борьбе за обеспечение роста на восемь]. Чжунго чжэнцюань бао. 2008. 25 дек.
14. Дунфан цзао бао. 2009. 4 янв.
15. Жэньминь ван. 2008. 26 дек.
16. Цай цин ван. 2008. 4 дек.
17. В 1998 г. на капитальное строительство было ассигновано 200 млрд юаней. Как показала проверка, проведенная спустя полгода Министерством финансов и Управлением аудита, треть этих средств ушла на сторону. Об этом с горечью упоминал на весенней сессии ВСНП 1999 г. тогдашний премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи.
18. Лю Цзюньюй. Кодя нэйсюй ды шэхуй баочжан чжэнцэ сюаньцэ [Выбор курса социального обеспечения для расширения внутреннего спроса] // Чжэнцюань шибао. 2008. 30 дек.
19. Ли Цини. Цзиньжун тиси гайбянь ды Чжунго цзячжи. [Значение ценностей Китая в изменении финансовой системы] // Чжунго цзяюй бао. 2008. 12 дек.

Интернет и развитие электронной торговли в КНР

© 2009

А. Пиковер

Специфика формирования и развития электронной торговли (e-Commerce) в КНР. Взяв курс на индустриализацию нового типа и инновационное развитие, Китай в полной мере старается использовать возможности и методы электронной торговли для интенсификации развития страны, всесторонней модернизации всех сторон общественного устройства. Информатизация становится мощнейшим средством глобального изменения Китая, поскольку структурирует огромные объемы разбитой ранее на полуавтономные кластеры слои информации и делает ее доступной, транспарентной и удобной в пользовании.

Ключевые слова: электронная торговля в Китае, электронная коммерция, e-Commerce, B2B, G2B, интернет, информатизация китайской экономики и общества, модернизация китайского общества и китайской экономики.

Ситуация в мире

Электронная торговля — важный фактор и реальная сила мирового экономического развития.

По данным министерства торговли США, оборот продукции и услуг, проданных посредством электронной торговли, составил там в 2006 г. 108,7 млрд долл. — на 23,5% больше, чем в 2005 г., при том, что традиционная розничная торговля выросла лишь на 5,8%. В IV квартале 2006 г. на электронную торговлю там пришлось 2,8% общего объема розничной торговли, тогда как в аналогичный период 2005 г. — 2,4%. По прогнозу инвестиционной компании Cowen & Co, объем интернет-продаж через розничные сети в США к 2011 г. составит 225 млрд долл., а доля интернет-ритейлинга вырастет до 4,7% от общего объема продаж.

В Евросоюзе, по некоторым прогнозам, к 2011 г. сектор B2C (Бизнес — Клиент, т.е. ритейлерские сети) должен достичь 263 млрд евро. При этом увеличение сбыта ожидается за счет роста сетевой клиентуры с нынешних 100 млн до 174 млн чел. при улучшении ассортимента и повышении качества работы сетей, повышении доверия к ним.

В России, по данным Национальной ассоциации участников электронной торговли (НАУЭТ), в 2005 г. общий объем продаж в интернете составил 4,49 млрд долл., (в том числе 1,2 млрд долл. в розничных сетях), т.е. на 38% больше, чем в 2004 г. (662 млн долл.).

Запоздалый, но бурный старт в КНР

Как и во всем мире, развитие электронной торговли в Китае началось с использования EDI (*electronic data interchange, электронный обмен данными* — общее название группы стандартов безбумажной технологии). В 1990 г. ООН ввела единый по сей день стандарт EDI (UN/EDIFACT)¹ и стала распространять его по всему миру, тем самым положив начало его использованию в глобальном масштабе.

Китай столкнулся с EDI (UN/EDIFACT) в 1990 г. Кроме того, Объединенная группа прорыва, созданная тогда Комитетом по планированию, Министерством внешней торговли, Таможенным управлением Китая и Управлением технического надзора, исследовала применение данного комплекса стандартов в стране, особенно во внешней торговле, а также в сопряженных сферах.

В конце 1995 г. Интернет начал проникать в различные сферы жизни китайского общества. Стали возникать интернет-фирмы, фирмы электронной торговли, которая стала стремительно развиваться. С 1997 г. в электронной торговле массово распространяются разнообразные виды рекламы и рассылки; термины и понятия электронной торговли применяются по всему Китаю.

В 1998 г. Китайским комитетом по делам торговли и Министерством информационной индустрии совместно запущен “Портал золотой торговли”, главным содержанием которого явилась электронная торговля. Это был крупномасштабный проект для расширения использования Интернета, развития электронного бизнеса в сфере товарооборота. В 1998 г. в Пекине, Шанхае, других городах запущены порталы электронной торговли. Год спустя официально запущены 8848 сайтов B2C, покупка товаров в сети вступила в стадию реальности, правительственные ВЕБ-ресурсы, уплата налогов он-лайн, он-лайн образование, дистанционная диагностика и прочие сетевые сервисы открываются один за другим.

В июле 2000 г. Китайская корпорация электронной информации и Центр экономической информации Госкомитета по делам торговли совместно запустили официальный “Портал предприятия он-лайн”. Призванный способствовать корректировке структуры китайской экономики и повышению производства, он полезен для построения современной системы производства, смены механизмов хозяйствования, для поднятия уровня предприятий и международной конкурентоспособности и пр.

В июне 2001 г. совместная система правовой поддержки таможенных пунктов, осваиваемая 12-ю министерствами и ведомствами во главе с Таможенным управлением, в экспериментальном порядке запущена в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу и еще на 4-х таможенных пропускных пунктах. Система электронного правового обеспечения таможенных постов, получившая название “Электронный таможенный пункт”, в полной мере функционирует на всех таможенных пунктах Китая.

В декабре 2001 г. в рамках важнейших проектов научно-технического прорыва 10-й пятилетки был запущен портал по государственной информационной безопасности.

Одновременно Главное государственное налоговое управление, Государственное таможенное управление, Верховный народный суд и другие структуры начали исследовать вопрос разработки и применения законов и положений об электронном сервисе/электронной торговле. На местах повсеместно разработаны положения и требования, обеспечивающие развитие

электронного бизнеса. Госкомитет по планированию и развитию совместно с Министерством информационной индустрии, другими ведомствами приступил к разработке рамочных документов, которые удовлетворяли бы насущные нужды электронной торговли Китая, указывали бы пути ее здорового развития. Это имеет огромное значение для развития электронной торговли в Китае, информатизации народного хозяйства.

Развитие базовой инфраструктуры

В Китае произошел гигантский скачок трех основ современной электронной торговли: налицо зримое развитие компьютерных сетей; четыре базовых государственных компьютерных сети (научно-исследовательская, образовательная, новостная и экономическая) расширяют содержание и ускоряют свое развитие; значительно выросла телефонная сеть, число стационарных телефонов перевалило за 100 млн единиц, мобильных — за 144 млн, свыше 13% населения страны пользуются телефоном; телевизионная сеть покрывает почти всю страну, количество телевизоров достигло 300 млн ед. — практически каждая семья имеет телевизор. В то же время развиваются различные виды скоростных сетей связи, оптоволоконная, коротковолновая и спутниковая связь образовали единую среду, взаимодополняя костяк информационной сети; в основном осуществлена взаимосвязь различных сетей, разработаны и запущены в эксплуатацию продукты взаимодействия и взаимосвязи компьютерных, телефонных, телевизионных и иных сетей.

Обеспечение безопасности и подготовки кадров

Государство уже выпустило серию ведомственных положений о безопасности информационных сетей и Интернета. Аттестационно-сертификационные центры электронной торговли учреждены во многих местах, некоторые уже прошли экспертную оценку на государственном и ведомственных уровнях. Возглавляемые банками, которые обслуживают торговлю (такими, как Китайский сельскохозяйственный банк, Банк Китая, Китайский промышленно-торговый банк), крупные государственные коммерческие банки один за другим “вошли в сеть”, учредили сетевые расчетные узлы и предоставляют в сети услуги оплаты и расчетов. В части государственных и негосударственных учебных заведений страны учреждены курсы электронной торговли, в основные и специальные курсы вводятся специализация по основной и второй специальности, развивается подготовка кадров по основной специальности в плане научных разработок на магистерском, кандидатском и других уровнях. В обществе повсеместно развивается подготовка кадров на рабочих местах и повышение квалификации.

e-Commerce и e-Government

Китайцы осознанно избегают употребления понятия “Электронное правительство” (правительство одно и другого быть не может), используя термин “Дяньцзы чжэнцзю” — электронная правительственная/государственная служба.

Как вид правительственного сервиса, e-Government получил развитие в Китае лишь несколько лет назад и стремительно распространился в оперативных подразделениях правительств всех уровней. Реализация проектов e-Government способна стать переломным моментом в изменении модели работы правительственных ведомств, поднять уровень делопроизводства, укрепить

контролирующие функции, усилить здоровое антикоррупционное начало. При осуществлении информационного обмена правительства всех уровней e-Government изменяет имидж правительства в глазах общественности, играет неоценимую роль во многих других аспектах. Отличие e-Government от традиционных правительственных служб огромно. Традиционная правительственная служба/сервисы представляет собой способ управления с высокой себестоимостью. Как только e-Government посредством передовых производительных сил освободит и разовьет потенциал управления, оно поднимет одновременно со снижением себестоимости управления и его эффективность.

За время 9-й пятилетки по всей стране — от центра до правительств провинций и городов — была создана внутренняя автоматизированная система делопроизводства в сети, а также начато развитие таких сетевых сервисов, как G2B (Government to Business) (“Правительство—бизнес”) и G2C (Government to Consumer) (“Правительство—потребитель”). Запущенный в последние годы проект “Правительство в интернете” имеет явные успехи. В 2001 г. центральными министерствами и ведомствами было создано свыше 50 веб-сайтов, число имен, зарегистрированных в домене gov.cn подразделениями правительств разных уровней, уже превысило 4 600 ед. Некоторые правительства провинций, уездов, городов и поселков полностью освоили Интернет. Например, в провинции Хэнань к таковым относятся 18 городов и территорий, 112 уездов и свыше двух тыс. малых городов и поселков. Правительства всех уровней публикуют на сайтах правительственную информацию, начали развивать сетевое делопроизводство, наладили общение и взаимодействие с народными массами и предоставление услуг. Например, на сайте НПКСК (Народный Политический Консультативный Совет Китая) опубликована информация о заседаниях Правительства Пекина. В провинции Гуандун и многих других регионах созданы обращенные к общественности системы публикации и поиска информации. Созданы “Письменные ящики главы городского правительства”. Ряд провинциальных и городских правительств уже начали осуществлять в сети закупки, объявлять тендеры. Таможенное управление и другие ведомства создали систему электронной таможни/электронного таможенного пункта, через сеть осуществляется управление таможенным декларированием и прохождением таможни в экспортно-импортных операциях, что дало предприятиям возможность завершения формальностей по декларированию и прохождению таможни. Налоговые ведомства в ряде регионов развивают эксперимент по подаче деклараций и внесению налогов в сети; сетевое взимание налогов уже осуществлено в провинциях Цзянсу, Шаньдун, Гуандун и др. Например, правительство Гуанчжоу уже начало делопроизводство в сети, городские планы публикуются в сети для обсуждения, предприятия и фирмы осуществляют годовые ревизии и декларирование налогов в сети и т.п.

То, что правительственные структуры возглавили “выход в сеть” и используют Интернет для осуществления закупок, есть, без сомнения, великолепный пример использования электронной торговли.

Региональные опытные проекты электронной торговли

Пекин. Столичный портал электронной торговли, учрежденный Руководящей рабочей группой Столичного портала электронной торговли во главе с мэром Пекина, добился за 3 года довольно серьезного прогресса. Столичный электронный торговый дом, относящийся к его базовой инфраструктуре, уже создал

реальную конструкцию. Он объединяет свыше 3500 предприятий, которые входят в сеть или развивают электронную торговлю при помощи открытых информационных площадок. Столичный электронный торговый дом стал цифровой площадкой на основе специальной сети, которая безопасно используется базовой инфраструктурой электронной торговли — является центром информационного, финансового и товарного трафика, площадкой для совместного управления ценой. В преодолении семи узких мест (кредитный механизм, оплата в сети, обеспечение безопасности, комплектация и доставка товара, правовое обеспечение, Интернет и биржевые площадки), а также в решении проблемы интеллектуализации поисковых машин, в программном обеспечении площадок электронной торговли, в кредитной истории и системе оценки, в совместной работе, в механизме гарантий страхования, в беспроводном и широкополосном подключении, а также в других вопросах проведены исследования и получен полезный опыт.

Шанхай. Создан сетевой центр Золотой карты, связанный через сеть с 15-ю банками, решена проблема безопасности внутригородских банковских расчетов, специальная сеть EDI распространена в общедоступные сети; Нанкин-род стала улицей электронной торговли и крупным центром товарного трафика, комплектации и доставки. Горячая линия Шанхая осваивает информацию о конъюнктуре рынка ценных бумаг в режиме реального времени, обеспечивает предоставление аналитических услуг и услуг по сделкам в он-лайн режиме. Объем сделок в сети уже перевалил за 100 млн юаней. При покупках в Шанхайском доме книги можно использовать кредитную карту SSL или же воспользоваться “электронным кошельком” SET. Авиакомпания Дунфан осуществляет в сети заказ и продажу билетов. Ведется эксперимент по строительству схем B2C в местах проживания и B2B (“Бизнес—бизнес”) в торговых районах, по ходу которого изучена система площадок электронной торговли. В экспериментальных районах (Минъюань в Пудуне и др.) объем сделок достиг уже 2,31 млрд юаней. Химическая сеть Чжунхао, e135 дает возможность просматривать, наводить справки, получить консультации по лекарствам и выписать их, устраивать конкурентные тендеры, аукционы и распродажи, объединять оплату через сеть и без ее посредства; развертывание B2B электронной торговли уже дало успешный прецедент на примере химической и медико-фармацевтической отраслей.

Провинция Гуандун. В отношении площадок электронной торговли и в прикладном отношении уже создана безопасная базовая конструкция электронной торговли, включая центр подтверждения/сертификации СА и сетевые пункты оплаты. Попутно освоена серия сервисов электронной торговли, как-то: оплата в сети, подача налоговых деклараций, сделки с акциями и т.д. Базовые технические исследования в Гуандуне также получили большое развитие; на сегодня уже освоен полный комплекс базового проекта, который используется в электронной торговле этой провинции. Правительственный портал также дал хороший эффект. Гуандунская провинциальная информационная правительственная сеть, объединяющая все 21 городское правительство и провинциальный Комитет по планированию, на сегодня уже осуществила сетевую связь ведомств, связавшись, кроме того, с информационной сетью правительства Гонконга.

Успешно развиваются, накапливая богатый опыт, проекты e-Commerce в других провинциях. На о-ве Хайнань это — электронная торговля в туризме, маркетинг сельхозпродукции в сети; в Чунцине — сетевой супермаркет сельскохозяйственной продукции и легпрома; в Сучжоу — продовольственный торговый дом Чжуньхай; в Тяньцзине — перемещение, комплектация и доставка

товара. Центр электросвязи провинции Хунань создал 179 входных серверов для развития безопасных он-лайн сервисов, как-то: безопасные сделки, безопасная оплата, ценные бумаги, банковские операции, закупки, подтверждение СА и проч.

Использование e-Commerce во внешней торговле

В 1996 г. возник Китайский международный центр e-Commerce Министерства внешней торговли, на который возложена задача по изучению, построению и использованию Китайского международного портала электронной торговли. Реализован сервис внешнеторговой справочной информации. На основе конструкции коммуникационной площадки, цифровой площадки обмена, новостной площадки создана Интернет-площадка. В 60-ти городах созданы информационные узлы, сделан первый шаг в построении специализированной государственной внешнеторговой сети, реализовано построение объединенной сети подразделений Министерства, и провинциальных органов, ответственных за ВЭД, а также 6-ти крупнейших экспортно-импортных торговых ассоциаций, Главного управления таможи и других соответствующих министерств и комитетов. Создан ряд терминалов внешнеторговой информации, самостоятельно развивающаяся система безопасности и распознавания. Реализуется ряд важнейших инструментов сетевого управления внешней торговлей в масштабах страны. МВТЭС создал в Интернете сайт Гуандунской ярмарки, сайт рынка сделок с китайскими товарами, сайт экспорта китайской технической продукции... Уже свыше 8000 предприятий совершают сделки с иностранными партнерами посредством этих виртуальных рынков.

Российско-китайское взаимодействие

В сентябре 2004 г. зампредом Правительства РФ А.Д. Жуковым и вице-премьером Госсовета КНР У И был официально открыт двуязычный совместный проект Минэкономразвития России и Минкоммерции Китая — веб-сайт “Российско-Китайское торгово-экономическое сотрудничество” (<http://www.crc.mofcom.gov.cn>) в целях развития двусторонней торговли и предоставления услуг предприятиям, исследовательским организациям и всем заинтересованным участникам двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Этот веб-сайт, будучи одним из объектов сотрудничества, определенных Комиссией по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая, призван развивать двустороннее торгово-экономическое сотрудничество, обеспечивая его необходимое информационное сопровождение. Таков наглядный пример усилий правительств КНР и РФ по использованию современных информационных технологий для поиска новых путей торгово-экономического сотрудничества.

На сайте имеются разделы: “События двусторонних связей”, “Механизм регулярных встреч глав правительств КНР и РФ”, “Российско-китайская торговля”, “Привлечение инвестиций”, “Технико-экономическое сотрудничество”, “Предприятия”, “Продукция” и т.д.

Следует отметить, что Российско-китайский межминистерский сайт торгово-экономического сотрудничества был, по сути дела, пилотным. Вслед за ним Минкоммерции КНР открыл аналогичные совместные проекты с Сингапуром, Индонезией, Вьетнамом, ЮАР, Кенией, Египтом, Турцией. Кроме того, Минкоммерции КНР обеспечивает функционирование веб-сайта Регионального экономического сотрудничества ШОС (http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/index_scoec.jsp).

Конкретные задачи по информационному обеспечению возложены на Департамент информатизации Минкоммерции КНР и Компанию Гофутун Китайского центра международной электронной коммерции Минкоммерции КНР.

Alibaba.com — основанный в 1999 г. китайский интернет-сайт, через который местные компании могут рекламировать свои продукты и совершать сделки с компаниями всего мира. По данным Analysis International, доля alibaba на рынке электронной торговли Китая составляет 69 %. Эта торговая площадка формата B2B (Business to Business/Бизнес—Бизнес) — одна из крупнейших в мире. По словам ее основателя, в прошлом — учителя английского языка Джека Ма, иностранные и китайские инвесторы внесли в это огромный вклад. Успех компании на фондовой бирже Гонконга привлечет в Китай высокотехнологические корпорации.

Alibaba.com (у которой уже числится почти 25 млн зарегистрированных пользователей) входит в Alibaba Group, 39 % которой принадлежит Yahoo. Чистая прибыль группы в 2006 г. составила 216 млн юаней (около 28 млн долл.). По мнению экспертов, китайский рынок интернет-услуг в перспективе станет самым большим в мире.

Использование e-Commerce в работе с ценными бумагами

Финансы. В 1998 г. Банк Китая и Торговый банк первыми предоставили услуги покупок через сеть. На сегодня несколько крупнейших торговых банков могут осуществлять оплату в сети: Китайский промышленно-торговый банк, Строительный банк, банк мобильной связи. Ряд городских и провинциальных банков предоставляют для мобильных пользователей такие услуги, как купля-продажа валюты, самостоятельная оплата расходов, многофункциональные банковские переводы, справки по счету и многое другое.

В Народном банке Китая уже создана система электронных расчетов. Совместно созданный 12-ю торгово-промышленными банками Центр финансовой аутентификации (CFCA) в июне 2000 г. официально начал функционировать, заложив краеугольный камень безопасности сетевых расчетов в развитие китайской электронной торговли. Система контроля и управления также — в стадии построения, аутентификационные структуры местного уровня открываются одна за другой.

Ценные бумаги. В 2001 г. по всей стране 101 фондовая фирма, 239 трастовых фирм имели 2623 отдела по работе с ценными бумагами. Система электронизации операций была в основном построена, компьютерные и сетевые информационные технологии уже стали ключевым методом, применяющимся во всех видах операций с ценными бумагами. Как правило, каждый коммерческий отдел оборудован 200—300 персональными компьютерами и безвинчестерными рабочими станциями. 23 фондовые фирмы уже получили разрешение на расширение трастовых услуг в сети. Шанхайские, шеньчженьские, пекинские и другие фондовые фирмы создали свои веб-сайты, могут передавать информацию о конъюнктуре рынка ценных бумаг, осуществлять фондовые сделки он-лайн.

В 2001 г. общий объем сделок с ценными бумагами в сети составил 357,8 млрд юаней — 38% сделок по акциям А и В и фондовых сделок.

Использование электронной торговли на предприятиях

К концу 2000 г. в 19-ти провинциях и городах 201 предприятие 20-ти отраслей завершило проект образцового портала с использованием CIMS, была выстроена современная интегрирующая система производства, сокращающая сроки освоения продукции в среднем на 36%, уменьшающая складское наличие на 13% — при сокращении управленческого штата на 33—20%. Расходы на содержание складов уменьшены на 20%, стоимость продукции поднялась на 50—100%, а себестоимость снизилась на 20%. По всей стране около половины крупных и средних предприятий, включая индустрию туризма, опубликовали в сети информацию о своих продуктах, проводят в сети переговоры, подписывают документы, осваивают продажу через Интернет. Часть крупных и средних предприятий и корпораций, как-то: Баоган, Китайская нефтехимическая компания, Legend, Фанчжен, Хайар и др. освоили (на основе осуществления внутренней ЕКР-системы управления) сетевой сбыт, сетевые закупки, создали или создают системы управления цепью поставки и системы управления связью с клиентом.

Традиционные предприятия осваивают e-Commerce прежде всего в плане снижения стоимости сбыта, поднятия конкурентоспособности товара путем широкомасштабного использования способов прямых продаж, уменьшения посреднических звеньев, снижения продажной стоимости и агентско-комиссионных расходов. Теперь можно эффективнее предлагать клиенту своевременную техническую поддержку и техническое обслуживание, повышать уровень удовлетворения запросов клиента, расширять влияние на рынок. Наконец, увеличиваются коммерческие возможности посредством распространения в сети имиджа предприятия, ознакомления со свойствами товара.

Разработаны и эффективно функционируют веб-ресурсы отраслевых союзов и ассоциаций. Как правило, все они имеют китайский и английский варианты, что упрощает иностранцам пользование этими ресурсами.

Состояние и использование интернета в КНР

Общее число пользователей китайского Интернета составило на июнь 2007 г. 162 млн чел. Вслед за США (211 млн) это второй показатель в мире. В сравнении с данными на конец 2006 г. прирост составил 25 млн чел. На декабрь 2007 г. количество пользователей составляло уже 210 млн чел. Количество пользователей Интернета в Китае стремительно выросло на 73 млн чел. при годовом приросте в 53,3%. Но уровень распространенности Интернета, исчисляемый в 16%, остается ниже среднемирового (19,1%).

С учетом размеров народонаселения, даже при относительно высоких темпах роста, Китай пока отстает. Самый высокий уровень охвата Интернетом в мире (в Исландии) достигает 86,3%, в самой крупной интернет-державе — США и соседних с Китаем Японии и Южной Корее охват превышает 65%.

С точки зрения подключения к сети быстрее всего развиваются такие формы, как широкополосное подключение (163 млн чел.) и подключение через мобильную связь (50,4 млн чел.). Гендерный разрыв постепенно сокращается, и доля женщин уже достигла к середине 2007 года показателя в 45,1%. Возрастная структура развивалась несбалансированно с ярко выраженным омоложением. К середине 2007 г. доля пользователей моложе 25 лет уже превысила 51,2%, а пользователей до 30 лет — 70,6%.

По данным на середину 2007 г., доля пользователей с образовательным уровнем от ВУЗа и выше достигла 43,9%, сохраняя преобладание выпускников полной средней школы, но по сравнению с прошедшим периодом наметилась тенденция к распространению среди менее образованных слоев. Весьма высока доля учащихся, превысившая треть (36,7%) и приближающаяся в абсолютных показателях к 60 млн чел.

Если в городах Интернетом охвачено до 21,6% населения, то в деревне — всего лишь 5,1%, но по сравнению с концом 2006 г. число сельских пользователей выросло на 51%, превысив темпы роста в городах.

По территориальному признаку относительно широко распространен Интернет в Пекине и Шанхае, где степень охвата достигает 46,6% и 45,8% соответственно. Больше всего добавилось за год пользователей (1,5 млн чел.) в провинции Гуандун благодаря быстрому распространению мобильного интернета.

Доходы пользователей Интернета

Среднедушевые доходы пользователей китайского Интернета относительно низки. Получающие свыше 1500 юаней в месяц составляют 66,1% от общего числа, ниже 1500 юаней — 33,9%. При этом у 30,3% доход не превышает 500 юаней. Значительная часть пользователей — учащиеся. Если исключить их из общего числа, то количество пользователей с доходом от 1500 юаней превысит половину (53,6%).

Сравнение доходов учащихся и неучащихся (в юанях)

	Пользователи — учащиеся	Пользователи — неучащиеся	Пользователи в целом
Без доходов	4,5%	3,0%	3,6%
От 1 до 500	73,5%	4,0%	30,3%
От 501 до 1000	18,5%	17,%	17,8%
От 1001 до 1500	1,8%	22,1%	14,4%
От 1501 до 2000	0,5%	17,3%	10,9%
От 2001 до 2500	0,4%	9,1%	5,8%
От 2501 до 3000	0,7%	9,7%	6,%
От 3001 до 4000	0,1%	6,5%	4,1%
От 4001 до 5000	0,0%	5,1%	3,2%
5000 и выше	0,0%	5,9%	3,6%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%

Доверие пользователей к Интернету

Степень доверия пользователей к Интернету относительно низка. Лишь треть (35,1%) пользователей выразили к нему доверие. При этом чем выше образовательный ценз пользователей, тем ниже уровень доверия. В таблице показано, что почти половина пользователей с уровнем начального образования и ниже (45,9%) доверяет Интернету, а при переходе к уровню высшего образования уровень доверия снижается до 29,6%.

Управление финансами через Интернет

Источники финансовой информации

	Соотношение
Интернет	86,6%
Газеты/журналы	49,6%
Банковские стойки	40,4%
Телевидение/радио	38,8%
Непосредственное общение с родными/друзьями	33,7%
Фондовые биржи	29,2%
Наружная реклама	13,9%
Прочее	8,6%

Предметы финансовых операций в сети

	Соотношение
Акции	54,2%
Фонды	43,9%
Сбережения	38,0%
Страховка	14,7%
Облигации займов	9,3%
Иностранная валюта	9,1%
Фьючерсы	6,6%
Золото	5,5%
Траст	3,7%
Прочее	15,7%

Причины совершения финансовых операций пользователями через сеть

	Соотношение
Экономия времени	74,7%
Простота оперирования	62,2%
Отсутствие региональных ограничений	42,6%
Отсутствие временных ограничений оперирования	40,5%

Поиск работы в сети

Здесь имеется в виду поиск пользователями через сеть необходимой информации и размещение на профильных сайтах резюме.

Источники информации при поиске работы пользователями сети

	пропорции
Поиск информации в Интернете	85,1%
Информация в газетах/журналах	52,6%
Рекомендации других людей	39,6%
Объединения учащихся	30,4%
Информация по телевидению/радио	24,6%
Объединения, аналогичные объединениям учащихся	22,7%
Хэдхантеры/рекрутеры	19,2%
Прочее	9,0%

Нахождение работы через Интернет

	Соотношение
Да	55,8%
Нет	44,2%

Способы поиска работы через Интернет

	Соотношение
Я нашел подходящую должность через профессиональный рекрутерский сайт	47,4%
Учреждение-работодатель нашло меня после размещения мною резюме на рекрутерском сайте	27,1%
Я нашел подходящую должность на сайте учреждения-работодателя	20,4%
Прочее	5,1%

Туризм и заказ билетов через интернет

Здесь исследуется использование Интернета для целей путешествия, заказа билетов, питания и маршрутов, отелей и т.п.

Причины совершения турзаказа через Интернет

	Соотношение
Экономия времени	73,0%
Возможность сделать заказ в любое время	57,9%
Удобство заказа	53,4%
Удобство оплаты	46,3%
Большие возможности выбора	45,2%
Удобная цена	44,4%
Хороший сервис	20,9%
Плата через сеть безопасна	16,3%
Нет никаких причин, а просто привычка	8,8%

Виды турпродуктов, заказываемых через сеть

	Соотношение
Авиабилеты	65,2%
Заказ отеля	57,5%
Заказ маршрутов	30,0%
Заказ входных билетов в местах посещения	20,8%
Заказ питания в местах посещения	19,9%
Аренда транспортных средств	11,8%

Претензии пользователей Интернета по турзаказам

	Соотношение
При регистрации нужно вводить слишком много информации	43,0%
Замена заказанного продукта или его возврат довольно сложны	37,1%
Информация сложна и не полезна	27,4%
Обратная связь очень медленна	26,6%
Очень много граф для заполнения листа заказа	26,2%
Информационный поиск очень медленный	25,1%
Слишком мало видов банковских карт можно использовать	24,1%
Слишком медленная реакция системы при передаче листа заказа	21,8%
Результат заказа не соответствует действительности	20,6%
Я могу выбирать только электронные проездные документы	15,4%
Плохое отношение обслуживающего персонала	6,6%

Закупки и сбыт в Интернете — важнейшее явление, превращающее Интернет в рабочую торговую площадку. То, что пользователи сети и коммерсанты могут посредством сетевых площадок получать взаимную выгоду, должно цениться и всемерно использоваться правительством и обществом. На декабрь 2007 г. пропорция сетевых пользователей, совершивших покупки в сети, достигла 22,1%, в абсолютных цифрах, их количество достигло 46,4 млн чел. Но в США, например, на май 2006 г. пропорция сетевых пользователей, совершивших покупки в Интернете достигла 71%².

Пропорция сетевых покупателей с уровнем образования от магистра и выше составила более 56,5% от общего количества пользователей Интернета. Из них более 80% живут в городах, многие являются сотрудниками предприятий с участием иностранного капитала. В принципе, это представители относительно высокого социального слоя. Чем больше стаж “пребывания” в сети, тем выше покупательная пропорция. Пропорция пользователей, начавших использовать Интернет до 1999 г., составила среди совершивших покупки в Интернете 42,4%.

В плане развития электронной торговли в 11-ю пятилетку, опубликованном 10 ноября 2007 г. Комитетом по реформе и развитию, указано: “электронная торговля, являясь новым типом деятельности, связанным с развитием информационных сетей, развивается невиданно высокими темпами и уже стала важнейшей силой, повышающей конкурентоспособность экономики развитых стран, эффективным средством получения преимущества в расстановке мировых ресурсов. 11-я пятилетка — это стратегический временной шанс для развития электронной торговли в нашей стране. Использовать этот шанс, ускорить развитие электронной торговли — это объективная потребность и необходимый выбор следования по пути индустриализации нового типа.

Этот план, будучи составной частью “Плана 11-й пятилетки по информатизации развития национальной экономики и общества”... есть руководящий документ по развитию электронной торговли в нашей стране.”

В том же документе отмечено: “В 2005 г. объем закупок предприятиями товаров и услуг в сети в масштабах страны достиг 1 трлн 688,9 млрд юаней, составив 8,5% от всего объема закупок; объем продаж товаров и услуг предприятий в сети достиг 909,5 млрд юаней, что составило 2% поступлений от коммерческой деятельности... Строительство базовой системы, на которую опирается электронная торговля, получило важное развитие”.

Не вызывает сомнений, что взяв курс на индустриализацию нового типа и инновационное развитие, Китай в полной мере постарается использовать возможности и методы электронной торговли для интенсификации развития страны, всесторонней модернизации всех сторон общественного устройства. Информатизация становится мощнейшим средством глобального изменения Китая, поскольку структурирует огромные слои разбитой ранее на полуавтономные кластеры информации и делает ее доступной, транспарентной и удобной в пользовании.

Примечания:

1. Ввиду высокой динамики объекта исследования многие приведенные данные уже устарели и требуют обновления и уточнения. Это определяется самой спецификой предмета исследования, который изменяется и трансформируется гораздо быстрее, чем сами его исследования.

2. Данное исследование не касается особых административных районов Гонконг (Сянган) и Макао (Аомень), а также Тайваня, где в силу исторических причин уровень развития информатизации значительно превосходит уровень континентальной части Китая.

-
1. Аббревиатура UN/EDIFACT расшифровывается как “Правила ООН электронного обмена документами для государственного управления, в торговле и транспорте” (United Nations rules for Electronic Data Interchange for Administration, Commerce and Transport). Для упорядочивания разностандартных EDI систем, в 1996 г. Экономическим и Социальным советом ООН была выпущена “Рекомендация 25” по использованию стандарта EDIFACT, в которой рекомендовано модернизировать существующие EDI-системы в системы, ориентированные на использование UN/EDIFACT, а вновь создаваемые системы изначально строить на основе использования UN/EDIFACT.
 2. Источник: www.pewinternet.org.

Черная металлургия КНР

© 2009

Н. Коледенкова

В 2007 г. выплавка стали в Китае превзошла совокупный объем производства в странах, занимающих в этой отрасли 2—8-е места. При этом сортамент производимого проката недостаточен, что компенсируется за счет импорта. Одновременно нарастает импорт железной руды. При высоких количественных показателях налицо технологическое отставание Китая от передового мирового уровня, чему сопутствуют перерасход энергии и загрязнение окружающей среды.

Ключевые слова: сталь, железная руда, прокат, техническая реконструкция, Баошаньский комбинат, парниковые газы, отставание от мирового уровня.

Черная металлургия — одна из базовых отраслей промышленности КНР. Она традиционно рассматривается здесь как одна из основ политики индустриализации.

За годы реформ отрасль получила значительное развитие, сыграв важную роль в укреплении экономического потенциала Китая. Осуществление программы вхождения КНР в число государств инновационного типа сопровождается модернизацией производства на основе высоких технологий. Черной металлургии при этом отведена особая роль ввиду непрерывно растущего потребления металла в таких быстро развивающихся отраслях, как электротехническое приборостроение, транспортное машиностроение, включая автомобилестроение, ВПК.

Таблица 1

Динамика производства черных металлов в Китае, млн т

Годы	Чугун	Сталь	Прокат
1978	34,79	31,78	22,08
1980	38,02	37,12	27,16
1985	43,04	46,79	36,93
1990	62,38	66,35	51,53
1995	105,29	95,35	89,8
2000	131,01	128,50	131,46
2001	155,54	151,63	160,67
2002	170,84	182,36	192,52
2003	213,67	222,34	241,08
2004	268,31	282,9	319,75
2005	343,75	353,2	377,7
2006	412,45	419,15	468,9
2007		489,66	568,94

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 2007. С. 555. — <http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20080228>

Черная металлургия КНР представляет собой крупный промышленный комплекс, включающий специализированные отрасли по добыче и обогащению руды, по производству чугуна, стали, проката и изделий дальнейшего передела, кокса, ферросплавов, метизов производственного назначения. По объемам производства Китай является ныне мировым лидером в черной металлургии.

В 2007 г. производство стали здесь превзошло совокупный объем производства в странах, занявших 2—8-е место. Доля произведенной здесь стали в мировом производстве повысилась с 15,2% в 2000 г. до 36,4% в 2007 г.¹ В последние 11 лет Китай первенствует в мире по производству стали. В 2007 г. выплавка стали достигла 489,66 млн т.² Наиболее высокими темпами в последние годы растет производство высоколегированной, сортовой и нержавеющей стали.

Абсолютный прирост выплавки стали в 2001 г. составил, как явствует из таблицы, 23,13 млн т; в 2004 г. — 60,56 млн т; в 2007 г. — 70,5 млн т. Среднегодовые темпы прироста в 1979—2007 гг. составляли 9,9%, а в 2001—2007 гг. — 21,1%.

Достижения Китая особенно впечатляют на фоне снижения темпов прироста в большинстве стран мира (см. табл. 2).

Таблица 2

Объемы производства стали главными мировыми производителями 1999—2007 гг. (млн т)

Страны	Годы							Темпы роста 2007 г. к 1999 г., в%
	1999	2000	2001	2002	2003	2005	2007	
Китай	124	127	150	182	220	353	489	394,4
Япония	94	106	102	108	110	112	120	127,6
США	97	101	90	92	91	94	97	100,0
Россия	52	59	59	60	61	66	72	138,5
Респуб. Корея	41	43	44	45	46	48	51	124,4
Весь мир	789	848	850	902	962	1107	1343	170,2

Источник: Информ. бюллетень МСМ. (Спец. вып.) 2004. Февр. ИИС "Металло-снабжение и сбыт". 2005; 21.01. 2008. 25.01. БИКИ. 2006. 4.02.

Как видно из приведенных цифр, Китай по производству стали в 1999—2007 гг. не только удерживает первенство в мире, но и увеличивает отрыв от ведущих мировых производителей. Если в 1999 г. его отрыв от шедших на втором месте США составлял 27 млн т, а в 2005 г. отрыв от Японии (вышедшей на второе место) — 241 млн т, а в 2007 г. — уже 369 млн т. Рост производства стали в Китае за 8 лет (1999—2004 гг.) составил 394,4% при общемировом росте — 170,2%.

Металлургическая промышленность КНР производит прокат более 20 тыс. типоразмеров, однако его сортамент не удовлетворяет потребности экономики. Многие виды проката выпускаются в недостаточном количестве, являются дефицитными. Наиболее массовые виды — среднесортный и мелкосортный прокат, проволока, рифленая лента, затем идут средний и толстый лист.

Определенных успехов Китай добился в производстве легированной, в том числе нержавеющей стали, каковой в 2006 г. было выплавлено 5 млн т (1-е место в мире)³. В 2007 г. Китай сохранил лидерство, выплавив ее 7,2 млн т, или более четверти мирового производства⁴. В последние два года предпринимались шаги по совершенствованию номенклатуры изделий из нержавеющей стали, были достигнуты успехи в сфере научно-технических инноваций. Отечественная нержавеющая сталь широко используется на крупных строительных объектах.

Таблица 3

Объем производства основных видов проката в КНР

	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Всего проката млн т	241,08	319,757	377,711
в том числе:			
тяжелые рельсы	1,224	1,721	1,926
крупносортный прокат	5,398	8,094	7,520
средне и мелкосортный прокат	12,775	13,655	28,073
брус	18,674	26,176	28,996
рифленая лента	40,054	66,546	69,127
проволока	40,704	51,485	60,974
особо толстый лист	1,668	1,824	2,374
толстый лист	6,171	8,328	11,548
горячекатаный лист	2,539	2,413	6,375
холоднокатаный лист	5,358	5,496	9,692
средней ширины лист	15,029	31,036	37,138
листовое железо	3,366	7,652	8,778
трубы	7,332	10,565	10,333

Источник: *Чжунго тунцзи нянцзянь. Пекин. 2006. С. 566.*

Значительный объем производства черных металлов объясняется тем, что со времени образования КНР в металлургической промышленности интенсивно строилось много крупных и средних предприятий. Для их технического переоснащения с конца 70-х годов и по настоящее время Китай импортирует из промышленно развитых стран значительное количество современного оборудования и технологии, что позволяет не только наращивать производство, существенно расширять номенклатуру продукции, но и повышать технический уровень отрасли. Пример современного модернизированного предприятия — Баошаньский металлургический комбинат близ Шанхая.

Резкому увеличению производства черных металлов в последние годы способствовали две основных причины:

Во-первых, снятие квоты на производство черных металлов, установленной правительством КНР до присоединения к ВТО. Согласно нормативам от 1998 г. китайским металлургическим компаниям разрешалось производить сталь сверх выделенной квоты только при условии увеличения экспорта. В случае игнорирования режима квот правительство отказывало в займах на программы модернизации. Поэтому многие предприятия снижали выплавку стали, однако после присоединения к ВТО правительство перестало следить за соблюдением этих квот.

Во-вторых, крупные инвестиции, осуществленные за последние годы. Это объяснялось высокой ценой на прокат, сохраняющейся долгое время. В 2002 г. инвестиции в основные фонды отрасли составили 70,4 млрд юаней (прирост 45,9% по сравнению с предыдущим годом); в 2003 — 2004 гг. они составили примерно 310 млрд юаней. Около 80% общей суммы инвестиций в основные фонды черной металлургии в 2001—2004 гг. предназначались для технической реконструкции предприятий. В 2005 г. такие инвестиции составили 258,3 млрд юаней (больше, чем в 2004 г. на 66,2 млрд юаней).⁵ За 10-ю пятилетку (2001—2005 гг.) в отрасль было инвестировано в общей сложности более 716 млрд юаней — в 3,3 раза больше, чем за 9-ю пятилетку⁶. В 2006 г. было инвестировано

274,27 млрд юаней⁷. В 2007 г. началось строительство металлургического комбината "Шоуган". По имеющимся данным, строительство первой очереди предприятия предполагается завершить в 2008 г., а полностью завершить в 2010 г. Общий объем инвестирования оценивается в 67,731 млрд юаней.⁸

Развитие черной металлургии повлекло рост импорта железной руды. В 2003 г. Китай стал крупнейшим в мире ее импортером, обогнав Японию. В 2000 г. китайские сталеплавильные компании импортировали 69,97 млн т железной руды, в 2004 г. — 208 млн т, в 2005 г. — 275 млн т. В 2006 г. импорт железной руды возрос до 326,3 млн т, а в 2007 г. — до 383 млн т.⁹

Китай располагает крупными ресурсами железных руд. По данным за 2006 г., их достоверные запасы составили 22,09 млрд т.¹⁰ Однако лишь 2,5% разрабатываемых месторождений содержат руду с 55% железа. Мощностей горно-обогатительных предприятий не хватает (они способны переработать не более 60% добываемой руды). Кроме того, свыше трети запасов содержат такие руды, как гематит, сидерит и лимонит, трудно подающиеся обогащению.

Добыча железной руды в Китае в 2006 г. составила 245 млн т, в 2007 г., по предварительным данным достигла 292 млн т. В основном Китай увеличивает добычу низкосортной руды (с содержанием железа в среднем 33%). Добыча железной руды в Китае обходится в 5—7 раз дороже, чем, к примеру, в Бразилии (стоимость ее обогащения — на 50% выше). Почти половина новых мощностей по добыче железной руды основана на подземных разработках.

Поскольку Китай продолжает наращивать свои металлургические мощности, а предприятия с каждым годом все чаще сталкиваются с нехваткой руды (цены на которую постоянно растут), это подталкивает китайских производителей к активному увеличению инвестиций в расширение собственной ресурсной базы. В стране ведется активный поиск и разработка перспективных проектов. Общая цель геологических изысканий — найти дополнительно не менее 5 млрд т запасов железной руды. В Китае в последние годы было разведано 763 млн т запасов, перспективные запасы превысили 2 млрд т. Для развития отрасли возможно даже изменение законодательства, которое пока не разрешает иностранным компаниям заниматься на общих основаниях разведкой и разработкой крупных месторождений.

Характеристика отрасли не исчерпывается достижениями в объемах производства. За высокими показателями производства кроются и негативные моменты. Так, черная металлургия Китая в техническом отношении существенно отстает от мирового уровня. Основные фонды многих предприятий изношены. Примерно половина производственных мощностей устарела. Отсюда — недостаточно высокое качество значительной части выпускаемой продукции (около 1/4 черных металлов выплавляется по устаревшим технологиям), повышенные издержки производства, ограниченный сортамент, невысокий уровень производительности труда, а также необходимость крупных затрат на ремонт и восстановление производственного аппарата отрасли.

Одна из характерных особенностей китайской черной металлургии — чрезмерное количество мелких предприятий. В целом по стране на средних и мелких предприятиях производительность труда более чем вдвое ниже, чем на крупных, а себестоимость продукции выше. Расход электроэнергии на выплавку стали на таковых в 2—3 раза выше, чем на крупных.

В связи с этим в последние годы были закрыты небольшие предприятия (в частности, доменные печи с полезным объемом менее 50 куб м, конвертеры емкостью менее 10 т и электропечи годовой мощностью 1,8 млн т). Одновременно проводились работы по реконструкции и расширению крупных и средних предприятий при активном освоении зарубежной и отечественной передовой техни-

ки и технологии. Тем не менее, по имеющимся данным, вывод из эксплуатации устаревших и низкоэффективных мощностей в черной металлургии пока не достиг ожидаемого результата. Правительство намерено усилить контроль за ликвидацией устаревших мощностей, ускорить реструктуризацию отрасли.

В провинциях принимаются меры по ликвидации малых мощностей, но темпы ее низки. Это связано в определенной степени с благоприятной конъюнктурой рынка, позволяющей мелким предприятиям получать достаточную прибыль. Более того, часть предприятий, что были остановлены в начале 2006 г., при повышении цен на черные металлы возобновили производство. Наконец, в расчете избежать закрытия многие металлургические предприятия прилагают усилия для увеличения мощностей и объема производства. Поэтому можно ожидать, что мощности в Китае будут продолжать увеличиваться не только благодаря строительству новых современных предприятий, но и за счет расширения действующих устаревших мощностей, претерпевающих реконструкцию ради увеличения объема производства.

Устаревших мощностей особенно много в провинциях Хэбэй, Шаньси и Хэнань. Так, в Хэбэе в реестр ликвидируемых включено 45% наличных мощностей по производству чугуна и 25% — по стали. В Шаньси установленные мощности по чугуну рассчитаны на 30 млн т в год, причем 21 млн т (70% мощностей) приходится на домны объемом менее 300 куб м, которые соответственно политике реструктуризации отрасли подлежат закрытию.

В последние годы предпринимаются значительные усилия по наращиванию продукции с более высокой добавленной стоимостью, улучшению качества продукции, повышению ее конкурентоспособности. Так, предприятие Баоган стало выпускать на уровне мировых стандартов холоднокатаный тонкий лист для автомобильной промышленности; Уханьский комбинат, будучи крупнейшим производителем среднего и толстого листа, обеспечивает прокатом из низколегированной стали строительство больших мостов; на Аньшаньском комбинате благодаря проведенной модернизации значительно улучшилось качество продукции: выпускаемый им толстый лист широко используется в судостроении.

Китайские металлургические компании стремятся внедрять современные технологии производства — в частности, непрерывную разливку/отливку тонких слябов. Четыре такие линии действуют на комбинатах в Баотоу, Ханьдане, Чжуцзяне и Аньшане. Еще три линии построены на комбинатах Таншань, Мааньшань и Ляньюань суммарной мощностью около 13 млн т в год. Эта технология обеспечивает более высокую производительность, снижение издержек производства, сокращение расхода энергоносителей.

В 2007 г. в черной металлургии Китая насчитывалось 762 предприятия, однако, лишь 21 из них способно преодолевать планку в 5 млн т стали в год. На долю пяти крупнейших металлургических предприятий приходилась в 2006 г. лишь четвертая часть объема выплавки стали. В стране пока нет крупных металлургических корпораций, которые достигли бы передового мирового уровня по ряду показателей, включая масштабы и технологию производства.

Ныне неотложная задача в черной металлургии КНР — создание компаний, конкурентоспособных на мировом рынке. Однако существуют проблемы, препятствующие слиянию и объединению предприятий, хотя правительство уже более трех лет прилагает усилия, чтобы превратить сотни разрозненных заводов в современную эффективную отрасль. Одна из важнейших проблем — трудность оценки китайских сталелитейных активов, поскольку государственные предприятия крайне редко раскрывают свои активы и доходы. Другая проблема — сочетание централизованного планирования с рыночной конкуренцией.

Третья — стремление местных властей уберечь свои убыточные предприятия, обеспечивающие занятость населения. Местные власти пытаются в рамках правительственной программы объединять заводы, в первую очередь, по географическому признаку — т.е. проводить слияние предприятий в рамках одной провинции, чтобы укрупненные компании оставались под их контролем. При этом вместо слияния активов местные компании создают, как правило, нечто вроде консорциумов. Например, именно по такой схеме объединились Аньшаньский и Бэньсийский комбинаты в пров. Ляонин. Фактически, только Баошаньский комбинат (Шанхай) пытается реально консолидировать отрасль, планируя в ближайшее время поднять годовую выплавку стали до 50 млн т, ради чего изыскивает возможности перспективных объединений.

Хотя металлургическая отрасль в Китае стремительно развивается, ему не удастся удовлетворить свои потребности в черных металлах за счет отечественного производства. Китай крупный импортер проката. В 2005 г. импорт составил 25,8 млн т, в 2006 г. — 18,51 млн т. Одна из причин — недостаточно широкий сортамент выпускаемого в стране металлопроката, а также его несоответствие установленным стандартам и требованиям потребителей.

Стоит отметить, что в последние годы заметно растет экспорт китайского проката. В 2005 г. он составил 20,5 млн т, (рост по сравнению с 2004 г. — 44,2%), в 2007 г. — 54,88 млн т.¹¹ Это отражает в какой-то степени повышение конкурентоспособности китайской металлургической промышленности, рост технического уровня в целом. Однако росту экспорта проката сопутствует перерасход энергоресурсов и увеличение выбросов парниковых газов. Энергозатраты в металлургической промышленности достигают 15% их общего объема, а выброс загрязняющих веществ — 14%.¹² Следовательно, улучшение работы отрасли сыграло бы важную роль в решении задач экономии энергоресурсов и защите окружающей среды.

Таблица 4

Производство, импорт и экспорт проката, млн т

Годы	Производство	Импорт	Экспорт	Видимое потребление проката	Доля импорта в видимом потреблении проката, %
1990	51,5	4,2	1,99	53,71	7,8
1995	89,8	13,8	5,7	97,9	14,1
2000	131,46	15,96	6,21	141,21	11,3
2001	160,67	17,22	4,74	169,93	9,9
2002	192,52	24,49	5,45	211,22	11,6
2003	241,08	37,17	6,96	271,4	13,7
2004	319,75	29,30	14,23	312,27	8,8
2005	377,7	25,8	20,5	357,69	6,7
2006	468,9	18,5	43,0	444,4	4,2

Источник: Чжунго тунцзи нянцзянь. 1995. С. 412, 547; 1996 г. С. 590, 593; 1997 г. С. 598, 601; 1998 г. С. 630, 633; 1999 г. С. 587, 590; 2000. С. 457, 597, 600; 2005 г. С. 636, 639; 2006 г. С. 562, 745, 748., 2007. С. 735. 738.

Как показывают расчеты, Китай за годы 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) экспортировал 51,88 млн т. проката, а импортировал 133,98 млн т. За счет импорта удовлетворяется спрос на толстый и тонкий лист, трубы, фасонный прокат, холоднокатаную ленту, стальные тросы. В некоторых отраслях машинострое-

ния, особенно в производстве оборудования для нефтяной, химической, приборостроительной промышленности, а также в ВПК при изготовлении наиболее важной продукции используются импортные черные металлы, что, по-видимому, сохранится в ближайшем будущем.

Итак, в черной металлургии Китая налицо высокие количественные показатели темпов и объемов производства, однако значительная часть продукции не соответствует современным требованиям. Этим объясняется принятие в 2005 г. "Программы развития металлургии Китая", предусматривающей создание крупной металлургической базы, обладающей конкурентоспособностью на внешнем рынке. Программой предусматривается, во-первых, определить масштаб развития металлургической промышленности в соответствии с требованиями социально-экономического развития страны; во-вторых, усилить реструктуризацию металлургии и реорганизацию металлургических предприятий, повысить концентрированность отрасли; в-третьих, улучшить размещение производства в целях развития экономики и охраны окружающей среды; в-четвертых, повысить технический уровень отрасли за счет научно-технического прогресса и новаторства; в-пятых, интенсивно развивать рециркуляционную экономику, снизить затраты энергии и материалов, повысить уровень комплексного использования; в-шестых, в полной мере использовать ресурсы внутренние и внешние, создать устойчивую систему обеспечения ресурсами; в-седьмых, повысить эффективность использования проката, стимулировать исследования и использование новых заменителей.

По прогнозам китайской ассоциации чугуна и стали Cisa, объединяющей 77 ведущих корпораций данной отрасли, в I квартале 2009 г. КНР продолжит снижать экспорт стали. "Заказы на китайскую сталепродукцию на IV квартал, как мы видим, неуклонно уменьшаются, равно как и на первые три месяца 2009 г. Это значит, что экспорт стали из страны будет падать", — говорилось в квартальном отчете ассоциации по итогам июля-сентября 2008 г.

На октябрь-декабрь китайские производители заявили 50%-ное сокращение поступающих им заказов, объясняя это глобальным падением спроса, финансовым кризисом в США и общей экономической рецессией. Кстати, по данным Cisa, за 9 месяцев 2008 г. производство проката в КНР упало на 2,14% (до 48,46 млн т), а его нетто-экспорт — на 11,61% (до 39,47 млн т)¹³.

1. <http://russian people.com.cn/31522/review/20080126.htm>.
2. <http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20080228 402465066.htm>.
3. <http://russian people.com.cn/31522/review/20070120.htm>.
4. <http://www.russian xinhuanet com/Russian/2008-02/09/content/587109.html>.
5. Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин. 2005. С. 200–201; 2006. С. 202–203.
6. <http://russian people.com.cn/31522/review/20070323.htm>.
7. Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин. 2007. С. 202.
8. <http://russian people.com.cn/31522/review/20070513.htm>.
9. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2007. Пекин. С. 737; <http://www.russianxinhuanet com/Russian/2008-02/09/content/587109.html>.
10. Там же. С. 10.
11. <http://www.russian xinhuanet com/Russian/2008-02/09/content/587109.html>.
12. 5 <http://russian people.com.cn/31522/review/2007053.htm>
13. По материалам Metal Bulletin.

Российский Дальний Восток

Инновационная Россия на дальневосточном направлении

© 2009

М. Николаев

Инновация представляет собой основное направление при решении многочисленных проблем Дальневосточного федерального округа РФ – в частности, проблемы демографической. В статье раскрывается богатый инновационный потенциал региона в сфере образования и науки. Создание условий для привлечения и закрепления молодых кадров расценивается как задача стратегической значимости для Российской Федерации.

Ключевые слова: инновации, Дальневосточный федеральный округ, вузы Дальнего Востока и Забайкалья, ДВГТУ, проект "Одаренные дети", подводная робототехника, биоорганическая химия, образование и наука.

В сентябре 2008 г. Президент России Д.А. Медведев, подводя итоги поездки по регионам Дальневосточного федерального округа, так охарактеризовал ситуацию: "С одной стороны, красота, с другой стороны — убожество. Уникальные природные возможности, с одной стороны, и депрессивная, тяжелая, крайне неразвитая экономическая система".

Дальневосточный федеральный округ — самый крупный в России. Это более 36% территории страны, но живет здесь менее 5% ее населения. Это регион с богатейшими запасами леса, природных ресурсов, с уникальной флорой и фауной. Сахалинские шельфы богаты нефтью и газом, море — рыбой.

Геополитическое положение обязывает государство рассматривать Дальний Восток не только как территорию, поставляющую разнообразные природные ресурсы, но и как стратегический плацдарм России в бассейне Тихого океана с благоприятными условиями для жизни людей.

Увы, численность населения Дальнего Востока и Сибири, как и населения нашей страны в целом, сокращается в течение уже 15 с лишним лет. Демографическая ситуация остается одной из самых острых проблем этих регионов. В начале 2008 г. на Дальнем Востоке проживало около 6,5 млн чел. Наиболее существенные потери после 1991 г. — 51,5% от общего сокращения численности дальневосточников (800,9 тыс. чел.) — понесли северные территории: Чукотка потеряла 66,3% своих жителей, Магаданская область — 56,9%, Сахалин — 27,7%, Камчатка — 26,9%.

Николаев Михаил Ефимович, заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Сокращение численности населения с точки зрения стратегических и экономических перспектив может привести ко многим негативным последствиям. Во-первых, к возрастанию угроз в отношении национальной безопасности. Во-вторых, к нехватке рабочих рук, призванных обеспечивать страну уникальными природными ресурсами, сосредоточенными в регионе.

Образование и наука как главные стимулы привлечения молодежи в регион

Инструментом привлечения людей в регион должны стать комфортные условия жизни. На качество жизни человека и на развитие общества в конечном результате воздействуют наука и образование. Поэтому так важен инновационный путь развития, необходимость которого провозгласило руководство страны. Надо формировать новую модель национальной экономики, ориентированную на развитие человеческого капитала.

Существующий сегодня на Дальнем Востоке инновационный потенциал реализуется недостаточно эффективно. Здесь нет развитой и хорошо функционирующей инфраструктуры инновационной деятельности. Нет ни одного технопарка, ни одного научного инкубатора и крайне мало опытных производств.

Конечно, весь Дальний Восток не может сразу стать единым центром экономического развития. Все начинается с более узких региональных и отраслевых площадок, где имеется основа для экономического роста за счет производства высокотехнологичной и наукоемкой продукции на базе предприятий и научных организаций Хабаровска, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре.

Научно-образовательный комплекс должен развиваться параллельно с производственным комплексом. Но по концентрации научных подразделений Дальний Восток значительно уступает центральной части России.

Кроме того, в Дальневосточном федеральном округе остро ощущается проблема кадрового обеспечения при решении задач развития. В принципе, данная проблема характерна для всей российской сферы образования и науки.

Старение кадров, нарастающий разрыв между пожилыми учеными и их молодой сменой — острейшая проблема, ибо через 10—15 лет обеспечить преемственность российских фундаментальных и прикладных исследований будет вовсе невозможно. Доля российских научных работников в возрасте от 50 до 70 лет превышает сейчас 50%. А среднестатистическому зарубежному специалисту — не более 45 лет.

Вследствие этого деградируют или вообще исчезают научные школы, представляющие авангардные области науки. Поэтому необходимо обеспечить востребованность интеллектуального потенциала внутри собственной страны (сейчас в России обучается около 6,5 млн студентов).

Интеллектуальные ресурсы сосредоточиваются там, где создаются условия для их лучшего применения. Сама логика инновационного развития России обуславливает формирование новой модели национальной экономики, ориентированной на развитие человеческого капитала с выходом на рынок научно-технического труда.

Таким образом, образование, наука, дальнейший карьерный рост людей, работающих на Дальнем Востоке, должны стать главными стимулами для привлечения молодежи в регион, важным механизмом восстановления интеллектуального потенциала и создания максимально благоприятных условий для дальнейшего закрепления граждан на этой территории.

Необходимо создавать новые вузы, ориентированные на новые технологические решения при реализации задач инновационного развития, а также вводить новые специальности в вузах Дальнего Востока и Сибири, отсутствующие в

центральной России. Возможное средство для дальнейшего закрепления молодых специалистов в регионе — получение ими бесплатного высшего образования с выплатой повышенных стипендий в период обучения.

Молодые ученые — это новые оригинальные идеи, теории, эксперименты. А свежая мысль, идея — это самое ценное в науке. Высшая школа должна быстрее включаться в данный процесс.

Роль университетов в формировании экономики знаний

Высшие учебные заведения Дальневосточного федерального округа обладают серьезным потенциалом для развития инновационных форм деятельности. Сегодняшняя ситуация жесткой конкуренции обязывает к созданию переподготовительных университетов с сильной материальной базой и квалифицированным преподавательским составом.

Во многих странах научные исследования ведутся в университетских центрах и проектных лабораториях, специально созданных для решения задач технологического прорыва. Образование и наука успешно интегрируются. Именно университеты как системные интеграторы создают ткань единого гуманитарного, информационного, научно-образовательного пространства.

Зарубежный опыт показывает, что интенсивное развитие инновационной деятельности стало возможным благодаря созданию практически во всех университетах офисов коммерциализации технологий, позволяющих обеспечить экономическую заинтересованность всех участников инновационных процессов от авторов до производителей наукоемкой продукции.

Для развития и поддержки инновационного бизнеса и зон научно-технического развития на базе сотрудничества университетов с НИИ создаются университетские технопарки. Университеты становятся инновационными (предпринимательскими) структурами, где стратегическими задачами должна быть подготовка квалифицированных кадров и введение в хозяйственный оборот результатов научных исследований, способствующих позитивным изменениям в экономике региона.

Научные знания превращаются в товар, конкурентоспособный на мировом рынке. Университет осуществляет перспективные научные проекты с привлечением студенчества, формируя интеллектуальный потенциал развития.

Инновационная деятельность в научно-образовательных организациях региона

Сегодня экономические потребности страны в целом требуют увеличения числа специалистов инженерно-технического профиля. Одним из основателей дальневосточной инженерной школы является **Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ)**.

В инновационном вузе определяющим показателем становится работа на опережение, когда новые знания создаются за счет интеграции фундаментальной науки, учебного процесса и производства. В ДВГТУ открываются новые специальности, вводятся новые дисциплины с учетом приоритетов региона и требований рынка труда.

Университетские образовательные программы сочетаются с задачами, которые будут решаться в регионе в ближайшие десятилетия. Важные ориентиры в этом направлении дают Федеральная целевая программа "Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья", приоритеты развития Дальневосточного региона России, заявленные Президентом и Правительством России.

Университет ведет исследования в кооперации с партнерами из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В числе новаторских надо отметить проект по разработке установки для исследования проблем обеспечения холодоснабже-

ния в летний период при использовании снега и льда (он получил грант в Японии). Японская сторона выразила желание совместно осваивать это “ноу-хау”.

Совместно с Норвежским университетом науки и технологии ДВГТУ разработал международную программу по исследованию истирающего влияния льда на морские инженерные сооружения.

В последние годы в университете открыты специальности “Проектирование, сооружение и эксплуатация нефтегазопроводов и нефтехранилищ” и “Химическая технология природных энергоносителей и углеродных материалов”. Специальности открыты с целью подготовки инженерных кадров для нефтегазового и химического комплекса Дальнего Востока и Приморья.

Дальневосточный государственный университет (ДВГУ) обладает значительным научным потенциалом, обширными международными и региональными связями, готовит современные кадры мирового уровня для деятельности в области передовых научных знаний, высоких технологий и наукоемкого производства. Спектр научных исследований включает такие направления, как фундаментальные и прикладные исследования морской биоты по трем взаимосвязанным направлениям — биологическому, химическому и биотехнологическому; физика, химия, математика — моделирование системы.

Инновационная программа, представленная ДВГУ, называется “Научно-образовательный ресурсный центр технологий повышения качества жизни на российском Дальнем Востоке” и нацелена, в первую очередь, на решение задач подготовки кадров по направлениям и специальностям, необходимых для региона.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) — современный инновационный учебно-научно-производственный комплекс, объединяющий 12 институтов, 2 филиала, Восточную гимназию, Приморский краевой учебно-научный центр для одаренных детей, Профессиональный лицей, Академический колледж, 24 представительства в различных регионах страны.

Приморский краевой учебно-научный центр им. Н.Н.Дубинина — это инновационное учебно-научное заведение при Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС). Школа-интернат для одаренных детей была создана в 1961 г. и как одно из ведущих инновационных учреждений региона включена в федеральный перечень организаций, работающих по инновационным комплексным программам проекта “Одаренные дети”. Педагогический состав внедряет инновационные программы, разработанные совместно с профессорско-преподавательским составом ВГУЭС и учитывающие индивидуальные особенности учеников.

Школа-интернат имеет хорошую материально-техническую базу. Это современное учебное заведение, оснащенное новым оборудованием, спортивным и хореографическим залами. Школа располагает структурированной кабельной системой для вычислительной сети и телефонии, цифровым мультимедийным оборудованием в каждом учебном классе, системой видеонаблюдения и оповещения на случай чрезвычайных ситуаций.

Будучи предпринимательским инновационным университетом, центром образования международного уровня в сфере бизнеса и сервиса, ВГУЭС занимает ведущие позиции в области информационных технологий в образовании, содействует укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2005 г. ВГУЭС оказался единственной площадкой во Владивостоке, отвечающей всем требованиям АТЭС: здесь есть помещения для пленарных заседаний, работы комиссий и комитетов, медицинский центр, гостиница, служба питания и необходимый человеческий потенциал.

ФГУП “ТИНРО-Центр” — крупнейший на Дальнем Востоке центр морских биологических и океанографических исследований. Более 80-ти лет здесь ведется широкий комплекс исследований в рыбопромышленной сфере, разраба-

тываются рекомендации по рациональному освоению и использованию сырьевой базы. “ТИНРО-Центр” осуществляет координацию научных исследований, разрабатывает и реализует единую рыбохозяйственную политику по изучению биоресурсов в Тихоокеанском бассейне. В “ТИНРО-Центре” проводятся исследования сырьевой базы морского и океанического рыболовства, прибрежного рыболовства и технологии переработки гидробионтов.

Исследования “ТИНРО-Центра” охватывают многие научные дисциплины и сопровождаются большим объемом экспедиционных данных о состоянии и динамике морских экосистем, о глобальных климатических процессах, антропогенном воздействии на морские биологические ресурсы. Здесь создаются технологии разведения и выращивания рыб, беспозвоночных, водорослей, разрабатываются новые технологии переработки гидробионтов, изучается пищевая и техническая ценность объектов промысла.

Тихоокеанский институт биоорганической химии занимается фундаментальными научными исследованиями, прикладными разработками, вопросами подготовки специалистов в области морской биологии и смежных наук, а также природоохранной деятельностью.

В Институте изучают проблемы экологии, флоры и фауны дальневосточных морей и прилежащих акваторий Тихого океана, разрабатываются научные основы охраны, воспроизводства и рационального использования биологических ресурсов шельфа, а также проводят апробацию биомедицинских препаратов и биологически полезных добавок различного типа.

Институт работает на базе государственных морских заказников, расположенных на побережье Японского моря, на Камчатке и Сахалине. Собственная служба Института, занимающаяся подготовкой морских экспедиций во всех дальневосточных морях — от Чукотского полуострова до южной границы Приморья — осуществляет круглогодичный сбор и поставку биологического материала для институтских лабораторий.

В настоящее время Институт работает по целому ряду направлений, связанных с обеспечением экологической безопасности дальневосточных морей России и разработкой биологических добавок, эффективных при лечении и профилактике различных заболеваний. Институт также работает в области обеспечения токсикологической безопасности морей и продуктов морского происхождения. Ведутся новейшие разработки по технологиям культивирования стволовых клеток морских беспозвоночных. Выполняются уникальные исследования в области подводной физиологии человека.

Существенным для инновационной экономики Дальнего Востока являются разработки технологических решений для глубоководного шельфа, для рудных и океанических технологий. Однако в вузовских учебных планах океаническое направление отсутствует как таковое.

Из всех вузов России, в той или иной степени вовлеченных ныне в подготовку специалистов нефтегазового направления, только в двух имеются подразделения, ориентированные на выпуск специалистов по освоению шельфа. Это кафедра освоения морских нефтегазовых месторождений Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина и кафедра механики сплошных сред и морского нефтегазового дела Мурманского государственного технического университета. К этим двум российским вузам недавно присоединился Архангельский государственный технический университет, открывший специализацию “Освоение шельфовых нефтегазовых месторождений”, где подготовка специалистов ведется при активном сотрудничестве с норвежскими университетами и компаниями.

Подготовка специалистов для освоения минеральных ресурсов Мирового океана ни в одном из российских университетов не ведется.

Перспективы инновационного развития Дальнего Востока

Сегодня в Дальневосточном регионе сформирована серьезная база перспективных инновационных проектов, осуществление которых могло бы вывести Дальневосточный федеральный округ на более высокий уровень экономического развития, сделать его одним из лидеров России по степени наукоемкости промышленности. Для решения этой задачи надо формировать инновационную инфраструктуру регионального масштаба.

Основу инновационного потенциала региона составляют инновации в сфере биотехнологий. Большой интерес представляет проект биотехнопарка по культивации и комплексной переработке морского и растительного сырья. Реализация данного проекта позволит создать новую отрасль промышленности — современное наукоемкое биотехнологическое производство на основе морского возобновляемого биологического сырья.

Не менее перспективным направлением является разработка инновационных проектов в сфере подводных технологий, включая подготовку научных кадров и преподавателей для высшей школы. Во Владивостоке строится единственный в России Центр по проектированию и эксплуатации подводных роботов. Подводная робототехника незаменима для изучения освоения океанического дна, где сосредоточены огромные залежи полезных ископаемых. На базе этого суперсовременного комплекса ученые Института проблем морских технологий ДВО РАН смогут опробовать свои самые смелые гипотезы и внедрить научные разработки. За последние 15 лет эта стройка — самая масштабная в Дальневосточном отделении РАН. Вместе с тем, для центра, оснащенного самым современным оборудованием, нужна не одна сотня робототехников-подводников, работающих с высокими технологиями. Институт проблем морских технологий начал отбор специалистов не только на Дальнем Востоке, но и по всей России. Две лаборатории открыты в Дальневосточном государственном техническом университете, одна — в Хабаровске. Это дает возможность студентам работать над курсовыми проектами на хорошей технической базе. Институт также планирует посылать в МГУ имени М.В. Ломоносова и МВТУ имени Н.Э. Баумана на учебу по 3—5 человек, отбирая их по конкурсу и оплачивая обучение. Важно отметить, что Институт проблем морских технологий участвует в строительстве комфортного жилья на долевых началах, предназначенного для будущих сотрудников Центра подводных роботов.

С учетом приоритетного значения развития территорий Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока в 2000 г. Республикой Саха (Якутия) был внесен на рассмотрение проект федерального закона “О восточных территориях Российской Федерации”. Закон устанавливает основы государственного регулирования в области экономического, социального, экологического, культурного и национального развития восточных территорий Российской Федерации и направлен на обеспечение геополитических интересов страны.

Дальний Восток — средоточие геополитических интересов России, здесь налицо совокупность наших внутренних проблем — экономических, социальных, экологических, демографических. В основе решения всех этих задач — реализация требований к улучшению качества жизни россиян, ибо в XXI веке богатство страны должно измеряться не природными ресурсами, а человеческим капиталом.

В восточных регионах России живут, учатся, работают наши соотечественники, для которых важнейшим стимулом и высоким смыслом всегда будет обеспеченная и содержательная жизнь, невозможная без приумножения дальневосточного интеллектуального капитала и передовой экономики, основанной на знаниях и творчестве.

Миграционные связи Амурской области и Китайской Народной Республики на рубеже XX—XXI веков

© 2009

С. Просвирнов

В статье рассмотрены различные аспекты миграционного взаимодействия Амурской области и Китая на современном этапе. Характер протекания взаимных миграций на данном участке границы не подтверждает тезис о китайской "демографической экспансии". При грамотном использовании рабочая сила из КНР может стать одним из источников развития региона. Белым пятном для российской науки остаются процессы российской миграции в Китае.

Ключевые слова: "китайская экспансия", миграционный поток, китайская миграция, г. Хэйхэ, китайские рабочие

Активизация российско-китайских обменов после долгого периода взаимного охлаждения привела к возникновению в общественном сознании устойчивых стереотипов и мифологем о так называемой "китайской демографической экспансии". Несмотря на аргументированную критику, публикации алармистского толка продолжают тиражироваться, вводя в заблуждение рядового обывателя¹.

Объективные аналитические материалы по вопросам развития двусторонних отношений размещены в большинстве своем в специализированных изданиях доступных узкому кругу специалистов. В итоге, как сказал помощник Президента РФ по вопросам внешней политики С.Э. Приходько, в России еще не сформировался общенациональный консенсус в оценке нынешнего характера и будущего развития отношений с Китаем². В данной статье автор пытается дать объективную картину сегодняшних отношений России и КНР на примере миграционного взаимодействия Амурской области и Китайской Народной Республики.

Возникновение миграционных потоков между приграничными российскими и китайскими территориями — относительно новое явление в Амурской области. Дело в том, что практика свободного пересечения границы существовала до 1917 г., да и в первые послереволюционные годы граница была полупрозрачной. Свободное пересечение границы прекратилось на рубеже 1920—1930-х гг. Но уже в 1987 г. было восстановлено движение через пограничные пункты пропуска, а в дальнейшем сформировался устойчивый миграционный оборот населения сопредельных территорий.

Начнем, пожалуй, с самого актуального, с обозначения статистических и экспертных оценок китайского присутствия на территории России. Как уже говорилось выше, в печати нередко появляются заведомо неправдоподобные оценки численности китайских мигрантов на Дальнем Востоке со ссылкой на мифи-

ческих экспертов. По некоторым из них, китайское присутствие в регионе составляет 1—2 млн чел.³ По другим — на китайское население в г. Благовещенске, областном центре Амурской области, приходится 10% от численности жителей города⁴. Причем, самое удивительное в том, что данные цифры приводятся не на страницах СМИ, а в некоторых солидных академических журналах. Подчас неправдоподобные оценки звучат из уст представителей властных структур. В частности, бывшим представителем Президента Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу К. Исхаковым в декабре 2006 г. было озвучено, что на Дальнем Востоке России находятся 350 тыс. нелегальных мигрантов, в то время как количество легально присутствующих китайцев всего 150 тыс. В другом интервью экс-полпред вообще заявил, что каждый 10-й проживающий в ДФО — китаец⁵. Оперирование заведомо нереальными цифрами китайского присутствия в Российской Федерации привело, по меткому выражению А. Лукина, к возникновению “антикитайской фоменковщины”⁶.

Реальные оценки численности находящихся на территории Дальнего Востока китайцев, очевидно, скромнее. Е.Л. Мотрич оперирует цифрой в 70 тыс., В.Л. Ларин еще меньшей — 20—30 тыс. чел.⁷ Конечно, это не те 9,8 тыс., которые были зафиксированы в ДФО переписью населения 2002 г., но приведенный диапазон вполне корреспондирует с общероссийскими данными единовременного китайского присутствия в стране, оцениваемого в 200—250 тыс. чел.⁸ Разумеется, обозначенные оценки не претендуют на абсолютную истину.

Со схожими сложностями при определении численности китайских мигрантов в Амурской области пришлось столкнуться и автору данной статьи. Дело в том, что различные ведомства (таможня, пограничная и миграционные службы) по-разному считают прибывших на территорию региона граждан КНР. На руках автора оказалось три набора данных, несколько отличающихся друг от друга. В поисках истины пришлось обратиться в администрацию области и... был получен четвертый ряд данных. В сентябре 2007 г. автор обсуждал эту коллизию с В.Л. Лариным, который заметил, что в случае обращения к представителям туристического бизнеса был бы и пятый набор цифр. Сложившаяся ситуация, несмотря на незначительность различий, как в зеркале отражает все несовершенство системы миграционного учета в России, о чем, кстати, говорил В.В. Путин на заседании Совета Безопасности 17 марта 2005 г., посвященном миграционной политике⁹. Принятые впоследствии решения о создании единого банка данных мигрантов к полной упорядоченности учета не привели, иначе бы руководство ФМС РФ не заявляло с завидной регулярностью о неопределенном числе миллионов нелегальных мигрантов из разных стран в России¹⁰.

Экспертные оценки по Амурской области, Благовещенску ограничивают верхний предел численности китайских граждан, находящихся на их территории 5 тыс. чел.¹¹ В основном это торговцы, сосредоточенные преимущественно в Благовещенске. Кстати, китайские источники количество российских граждан, находящихся ежедневно в соседнем со столицей Приамурья китайском городе Хэйхэ оценивают примерно в 3—4 тыс. чел.¹²

Количество же проживающих постоянно в Амурской области китайских граждан и вовсе невелико. Всего с 1991 по 2004 гг. получили гражданство РФ и вид на жительство 87 чел.¹³ Данные за последующие годы отсутствуют и, исходя из этого, можно предположить, что разрешения на постоянное место жительства для китайских граждан в последнее время либо вообще не выдавались, либо их число было минимальным. Не наблюдается, как это часто представляется в прессе, масштабных попыток китайцев укорениться в регионе с помощью совме-

стных браков, с 1997 по 2005 гг. их заключено 72¹⁴. Незначительность постоянно-го китайского присутствия на территории области обнаруживается и с помощью элементарных визуальных наблюдений. Непредвзятые журналисты, периодически посещающие Благовещенск, бывают удивлены: "А где же китайцы?!" На-пример, в таком положении оказалась экспедиционная группа журнала "Вокруг Света", побывавшая в Приамурье в 2007 г.¹⁵

Интересно сравнить потоки китайских граждан, въезжающих в Россию, и россиян, выезжающих в Китай, через Благовещенскую таможню (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика поездок российских и китайских граждан через Благовещенскую та-можню (для граждан КНР въезд в Россию, для россиян — выезд в Китай).

тыс. человек

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Число российских граждан	138,2	129,8	118,0	109,5	130,9	208,6	362,5	460,8	539,1
в том числе туристов	102,5	98,2	70,1	46,2	93,5	122,5	213,0	233,2	...
Число китайских граждан	118,8	162,0	129,7	106,1	103,3	117,2	117,1	103,7	111,9
в том числе туристов	63,2	80,0	63,3	45,6	80,0	55,0	52,2	42,2	...

Источники: Приграничное сотрудничество с Китаем и его роль в развитии международных услуг Амурской области. Благовещенск, 2007. С. 19; Амурский статистический ежегодник. Благовещенск, 2008. С. 186.

К приведенной в таблице 1 динамике необходимо дать ряд комментариев. Во-первых, сам показатель перемещения через границу несет в себе элемент ус-ловности, поскольку один и тот же человек может в течение года несколько раз пересекать границу, и правильнее было бы говорить о количестве зарегистриро-ванных актов пересечения границы. Во-вторых, на миграционные процессы на данном участке границы с 2003 г. повлияли следующие события. В мае-июне 2003 г. граница была временно закрыта в связи с эпидемией атипичной пневмо-нии. В начале 2004 г. разгорелся скандал между амурскими и китайскими тури-стическими фирмами, поводом к которому послужило повышение российскими туроператорами цен на свои услуги. В результате этого китайцы фактически на месяц бойкотировали туристические поездки. В августе 2005 г. китайская сторо-на изменила процедуру выдачи загранпаспортов для своих граждан. С этого мо-мента жители КНР, желающие попасть из Хэйхэ в Благовещенск, должны были оформлять паспорта в местах своего постоянного проживания, тогда как ранее для подобного путешествия им выписывались временные паспорта непосредст-венно перед поездкой в Хэйхэ. Существенно увеличилась и стоимость выдачи загранпаспорта в КНР. На наш взгляд, одной из причин этого является стремле-ние китайских властей ликвидировать отрицательные моменты (казино, прости-туция), связанные с пребыванием своих граждан на российской территории. Кстати, несколько позже, в апреле 2006 г. официальные лица г. Хэйхэ обраца-лись с предложением запретить доступ китайских граждан в казино Амурской области, но им был дан ответ, что такая возможность не предусмотрена российским за-конодательством¹⁶. Но новое законодательство Российской Федерации, регулиру-ющее игорный бизнес, вступившее в силу в середине 2007 г. существенно сокра-

тило количество казино в Амурской области. С ноября 2006 г. изменился порядок взаимных безвизовых поездок. Срок пребывания китайских туристов в России, как и российских в Китае, уменьшился с 30 до 15 дней. Это мало сказалось на потоке выезжающих в Китай россиян, но для китайской миграции в Россию имело большое значение, поскольку безвизовый туристический канал часто использовался для привлечения под видом туристов рабочей силы из КНР. В целом количество китайских граждан приезжающих в Приамурье за последние пять лет стабилизировалось на отметке, не превышающей 120 тыс. чел., причем значительно уменьшилось количество туристов. Сокращение коснулось не только тех, кто под видом туризма прибывал в Приамурье для занятия трудовой и коммерческой деятельностью. Заметно меньше стало и обычных туристов, которых ранее часто можно было видеть разгуливавшими по центру Благовещенска с дорогой фотоаппаратурой. Уменьшение прибывших из КНР по туристическому каналу отмечается и в других регионах Дальнего Востока, в частности в Приморье¹⁷.

Как это видно из данных таблицы 1, амурчане за последние 3 года значительно чаще совершают поездки в Китай, чем китайцы в Амурскую область. Если в 2003 г. превышение составляло всего лишь 26%, то в 2007 г. уже в 4,8 раза. Уместно также заметить, что в 2007 г. доля благовещенской таможни в российско-китайском миграционном обороте составляла: для россиян, выехавших в Китай — 18,7%, для жителей КНР, прибывших в Россию — 14,6%¹⁸. Россиян в Китае привлекает возможность недорогих покупок. Кроме того, растет популярность рекреационных поездок, поскольку туры на Желтое море обходятся значительно дешевле, чем на курорты Краснодарского края. Для удобства российских граждан в 2006 г. китайские власти запустили специальный поезд от Хэйхэ до курортного города Бэйдайхэ, тогда же были организованы авиационные чартерные перевозки по маршруту Якутск — Благовещенск — Тяньцзинь¹⁹. Пользуется успехом у россиян и зимний туризм в Китай. Наряду с традиционными новогодними турами в Харбин и Хэйхэ добавилась возможность посещения лыжных баз²⁰.

Но главной причиной, повлиявшей на рост числа пересечений границы российскими гражданами с 2004 г., стало распространение китайскими властями статуса свободной экономической зоны на весь г. Хэйхэ. Причем китайские власти упростили режим пересечения границы. Теперь для этого достаточно лишь наличие заграничного паспорта, никаких виз и приглашений не нужно. Более того, граждане России получили право покупать и снимать жилье на территории этой свободной зоны. Для российских предпринимателей предусмотрена возможность регистрации в свободной зоне предприятий, а также различные налоговые льготы.

Китайскими чиновниками всячески приветствуется привлечение россиян в Хэйхэ. В качестве примера можно привести высказывание начальника управления строительства г. Хэйхэ Юань Юйсяна, сделанное им в ходе встречи с российской делегацией в 2006 г: "После того, как построим мост через Амур, вы можете жить здесь, а на работу ездить в Россию"²¹. Многие из жителей Благовещенска не отказались бы от подобной перспективы, тем более что жизнь на китайском берегу значительно дешевле. В декабре 2006 г. всю страну обошел сюжет о благовещенской пенсионерке, которая переселилась в Китай. Местная и центральная пресса периодически публиковала материалы о покупках недвижимости россиянами в КНР и в дальнейшем²².

Растущая динамика поездок амурчан в Китай, также невольно свидетельствует о том, что последовательные меры, предпринимаемые российскими властями для сокращения челночного бизнеса (уменьшение квоты провоза до 35 кг. не чаще одного раза в месяц), не дают видимого эффекта. Попытки борьбы с

этим явлением на местном уровне, вылившиеся даже в заведение уголовных дел, также ни к чему не привели²³. В этой связи уместно сказать, что пока существует граница и разница цен на товары на сопредельных территориях, всегда будет соблазн получать из этой ситуации выгоду. С этой точки зрения, полулегитимный челночный бизнес практически неистребим. В качестве исторической параллели можно привести факты, заимствованные автором из воспоминаний амурских чекистов. По их оценкам, в 1924 г. контрабандой в Амурской области занималось около 6 тыс. чел., из которых около 2 тыс. находились в Благовещенске²⁴.

Следует заметить, что тема российской миграции в Китай на сегодняшний момент является белым пятном для российских исследователей. Она осталась заслонена тематикой китайской миграции в России. Между тем в последние годы растущая китайская экономика предъявляет повышенный спрос на квалифицированных специалистов. Вовлеченным в это процесс оказываются и россияне — жители Сибири и Дальнего Востока. Причем Китаю необходимы специалисты разного профиля: преподаватели, учителя русского языка, ученые и научно-технические работники. Ряд российских граждан пытаются вести свой бизнес в Китае.

Одной из важнейших составляющих китайской миграции в Амурскую область является использование труда рабочих из КНР в экономике региона. Численность китайской рабочей силы, привлекаемой в Амурскую область в последние годы, хотя и имеет тенденцию к увеличению, но еще не достигла тех критических значений, когда можно поднимать вопрос о национальной безопасности (см. табл.2). Китайское присутствие не оказывает существенного влияния на локальный рынок труда, составляя 73,3% от численности иностранной рабочей силы, но всего лишь около 4,4% от численности экономически активного населения региона.

Таблица 2

Иностранная рабочая сила в Амурской области (тыс. чел.)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Китай	0,7	0,5	0,6	2,4	5,2	5,9	8,4	13,4	19,5
КНДР	7,0	2,7	2,9	3,4	3,3	2,0	3,3	3,4	4,2
страны СНГ	2,2	0,6	0,6	0,6	0,7	1,2	1,3	1,9	3,0
Всего	9,9	3,8	4,1	6,4	9,2	9,1	13,0	18,5	26,7

Источник: Амурский статистический ежегодник. Благовещенск, 2008. С. 70

Основные сферы занятости граждан КНР: торговля и общественное питание, строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки. В 2007 г. на них в сумме приходилось 86,2% от численности китайской рабочей силы, занятой в Приамурье. На наш взгляд, растущая динамика использования китайского труда связана с двумя факторами. Во-первых, действительным увеличением количества китайских граждан, занятых в экономике области, например, на заготовке леса. Во-вторых, усилиями властей по легализации потока трудовых мигрантов, переводом их из теневого в официальный канал.

Китайская трудовая миграция в области соседствует с растущей регистрируемой безработицей среди местного населения. Попытки областных властей ограничить этот поток путем требования выплат в сумме 1 тыс. долл. США за привлекаемого мигранта и решить таким образом проблемы занятости российских граждан, завершились заведением уголовного дела на одного из вице-губернаторов области²⁵. Стремление к ограничению присутствия китайских гражд-

дан на региональном рынке труда, с нашей точки зрения, бесперспективно и потому, что трудовыми мигрантами из КНР заполняются те вакансии, на которые не особенно претендует местное население.

Среди предприятий строительной сферы, использующих труд китайских мигрантов, выделяется строительная компания "Хуафу", которая построила ряд жилых зданий и торговых центров на территории областного центра. Всего на долю китайских строительных компаний за 2004—2006 гг. приходилось 11,4% от объемов строительства жилья в Благовещенске²⁶. По мнению автора, участие строительных фирм с китайским капиталом в строительстве различных объектов на территории области должно расцениваться позитивно, поскольку таким образом удешевляется стоимость строительства, в том числе и вводимого в строй жилья, формируется конкурентная среда на местном рынке. Однако зачастую это становится источником конфликтов. Так, в общем-то, частный спор компании "Хуафу" с другой известной в области строительной организацией по поводу земельного участка в Благовещенске вылился в цикл публикаций в местной прессе под общим названием "Китайские "острова" в Благовещенске²⁷.

Значительным сегментом китайского присутствия в Амурской области является розничная торговля. Причем на ее размах практически не повлияли вступившие в силу с начала 2007 г. ограничения на использование иностранного труда на территориях розничных рынков. Местными властями после долгих сомнений рынки, в том числе и центральный благовещенский рынок, были спешно переименованы в торговые центры, дабы удержать китайских торговцев. Причина банальна — деньги. Сумма от аренды китайскими гражданами торговых мест на рынках области в 2006 г. составила 132 млн руб., что в 4,7 раза больше, чем в 2000 г.²⁸ Наряду с этим форсировалось строительство нескольких торговых комплексов, ориентированных преимущественно на китайских торговцев. Китайская рабочая сила используется и в общественном питании. В настоящий момент в Благовещенске функционируют свыше 40 кафе китайской кухни.

Интересные наблюдения можно продемонстрировать и по поводу использования китайской рабочей силы в сельском хозяйстве Приамурья. Местными журналистами было подмечено, что выращивание овощей и картофеля посланцами Поднебесной в Приамурье ведется на территориях, близких к областному центру или основным транспортным артериям региона²⁹. Таким образом, несмотря на обширность земельного фонда области, применение труда китайцев в сельском хозяйстве вполне согласуется с понятием дифференциальной ренты.

Китайская рабочая сила при грамотном ее использовании может превратиться в один из мощнейших факторов развития экономики региона. Но как это видно из статистических данных, китайские граждане заняты в основном в отраслях с преобладанием ручного малоквалифицированного труда. С работниками высокой квалификации дело обстоит хуже. Например, менеджментом одного из крупнейших машиностроительных предприятий Приамурья "Амурский металлист" в связи с ростом заказов была предпринята попытка найти рабочие руки в Китае. Предприятие поместило объявления в Харбине, Цицикаре и Хэйхэ. Откликнулось всего 5 человек, да и потому, что они имели опыт работы на этом предприятии³⁰.

В последние годы получил развитие учебный канал китайской миграции в Приамурье. В Благовещенском педагогическом университете, например, обучается 260 китайских студентов. С 2006 г. набор на строительные специальности осуществляет еще один вуз области — ДальГАУ³¹. В 2007 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) был открыт первый на Дальнем Востоке Институт Конфуция.

Нельзя сказать, что миграционные процессы между Амурской областью и Китаем приносят только положительные результаты. Существуют и негативные аспекты подобного взаимодействия. К их числу, прежде всего, следует отнести обострившуюся проблему личной безопасности пересекающих границу граждан. Причем это в равной степени касается и русских в Китае и китайцев в России. Участвовавшие случаи нападения на русских туристов на китайской стороне вызвали широкое обсуждение в местной прессе³². Критике были подвергнуты обе стороны: российские граждане — за то, что выезжая в Китай, они зачастую забывают с уважением относиться к обычаям и традициям другого народа, законам сопредельного государства; китайские власти — за неспособность противостоять криминализации территорий, посещаемых российскими туристами. Отмечается также инертность властных структур сопредельных территорий по профилактике возможных конфликтов.

Случаи нападений на китайских граждан в Амурской области также встречаются. В 2005 г. за это осудили троих амурчан на сроки от 4 до 6,5 лет³³. Примечательно, что в ходе судебного разбирательства было признано, что молодые люди действовали из националистических побуждений. Еще одно громкое дело — ограбление летом 2006 г. на Благовещенской таможне китайского бизнесмена, у которого похитили деньги в сумме около 10 млн руб., было вскоре раскрыто³⁴. Характерно, что состав участников последнего преступления отличался интернациональностью: в преступную группу входили как русские, так и китайцы, что может свидетельствовать о складывании трансграничных преступных сообществ.

Одной из важнейших проблем взаимодействия сопредельных территорий является контрабанда. Сотрудниками правоохранительных органов Амурской области регулярно пресекаются попытки контрабандного вывоза из России в Китай леса, металла, предметов животного и растительного происхождения. Из Китая в Российскую Федерацию незаконно поступают товары народного потребления, наркосодержащие препараты.

Негативным аспектом миграционного взаимодействия для российской стороны являются отрицательные финансовые результаты. Эксперты отмечают постоянно увеличивающийся оборот платежей по корреспондентским счетам между уполномоченными банками Амурской области и Китая. В частности, в 2006 г. отрицательное сальдо расчетов для российской стороны составляло 552,9 млн долл. США³⁵. Рост объемов связывается с выходом из тени и сокращением нелегальных перемещений денежных средств, полученных по каналу «народной торговли». Вывод расчетов челночной торговли в банковский канал не ликвидировал проблему нелегальных операций. Например, в 2005 г. гражданином КНР, организовавшим подпольный банк, переправлено за рубеж 142 млн руб., которые им были получены от 150 граждан КНР и 11 россиян³⁶. Объемы вывозимых из России в Китай наличных денежных средств российскими туристами никто и никогда не подсчитывал.

Справедливые нарекания вызывает и практика природопользования граждан КНР на территории области. Это относится, прежде всего, к китайским мигрантам, занятым в сельском и лесном хозяйстве. Претензии к сельскохозяйственным рабочим выражаются в использовании не разрешенных к применению в России химических препаратов, а также методов агротехники, нарушающих ландшафт и ухудшающих качество земель (рытье траншей и водоемов на полях, закапывание полиэтиленовой пленки и т.д.)³⁷. Основное нарушение в сфере лесопользования — незаконная вырубка леса. В частности, одной из китайских компаний самовольно вырублено 5 тыс. куб. м. на площади 68 га. Ущерб составил 17 млн руб.³⁸

Приводить какие-либо количественные оценки перспективных объемов китайской миграции в Амурской области очень сложно. Поэтому автор вынужден ограничиться трафаретным высказыванием о возможном увеличении числа трудовых мигрантов из КНР, но опыт применения китайских рабочих при строительстве якутского участка нефтепровода “Восточная Сибирь — Тихий океан” (ВСТО), закончившийся серией поджогов мест проживания мигрантов³⁹, заставляет задуматься на эту тему. Риски, связанные с растущей ксенофобией в российском обществе, также следует учитывать. По наблюдениям автора, отношение амурчан к китайцам наиболее характерно передает такой термин, как амбивалентность, заключающийся в сочетании позитивных и негативных оценок. Антикитайские фобии, конечно же, существуют, но этот феномен давно уже живет своей жизнью и мало соотносится с количеством находящихся в России граждан КНР и их реальной деятельностью. Но при этом, как мы убедились, жители Амурской области существенно чаще, чем китайцы пересекают границу соседнего государства, где тратят деньги на отдых, покупки, зачастую не испытывая никакого дискомфорта.

При прогнозе возможной китайской миграции в Амурскую область на ближайшую перспективу следует учитывать и ситуацию в самом Китае. Например, ряд отечественных специалистов не рассматривают Российскую Федерацию в качестве приоритетного направления глобальной китайской миграции, указывая, что рост экономики КНР и повышение жизненного уровня населения страны не способствуют повышению привлекательности России для китайских мигрантов⁴⁰. Зарубежные исследователи отводят дальневосточным российским территориям транзитную роль в направлении европейских столиц⁴¹. Следует также отметить, что политика “одна семья — один ребенок”, как отмечают эксперты, приведет к тому, что китайское население будет стареть быстрее, чем это в среднем происходит в мире⁴².

На наш взгляд, использование в экономике Амурской области труда китайских мигрантов будет ограничено рядом отраслей (лесозаготовка, сельское хозяйство, строительство) с ярко выраженной сезонной компонентой, что будет определять количественные и качественные характеристики привлекаемых мигрантов. Ограничивающим фактором выступают также не самые благоприятные климатические условия и неразвитость инфраструктуры. Препятствием для масштабного использования китайской рабочей силы являются также высокие риски, связанные с административными и криминальными издержками нахождения китайцев в России. Лимитирующим фактором для торгово-коммерческого сегмента китайской миграции будет оставаться сравнительно невысокий внутренний спрос населения региона, который удовлетворяется не только созданием на российской территории китайских торговых сетей, но и поездками россиян за необходимыми товарами в зоны свободной торговли на сопредельной территории.

Накопленный в последние годы опыт миграционного взаимодействия Амурской области с Китаем позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение в общероссийском контексте:

- статистика взаимных миграций, собираемая разными ведомствами, имеет различия, что затрудняет формирование адекватного представления об этих процессах;
- несмотря на рост численности, китайская рабочая сила оказывает незначительное влияние на региональный рынок труда;
- на фоне разговоров о “китайской экспансии” совершенно не изученными остаются процессы российской миграции в Китае.

1. См., например: Кара Поднебесная // Известия. 2006. 17 окт.; Ломоносов ошибся: Сибирью прирастает Китай // Комсом. правда. 2006. 11 апр.; Население на экспорт // Коммерсантъ-власть. 2007. 12 марта. № 9.
2. Приходько С. Москва—Пекин: мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. С. 166—171.
3. Шерстюк С.Р. Демографическая ситуация в Дальневосточном Федеральном округе // ЭКО. 2005. № 2. С. 118—125.
4. Владимирова Д.А. Смешанные браки россиян и граждан КНР в Приморском крае // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 111—117.
5. Полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Камиль Исхаков считает необходимым решать вопрос с нелегальной миграцией из Китая. — // <http://www.dfo.gov.ru/news/2-21122006-11413.htm>; Интервью К.Ш. Исхакова агентству “Интерфакс” 29 декабря 2006. — <http://www.dfo.gov.ru/info/interview/25.htm>.
6. Лукин А. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et contra. 2007. Ноябрь-декабрь. С. 84.
7. Мотрич Е.Л. Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Востока России. Автореф. дис... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2006. С. 26; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX — начало XXI в.). М., 2005. С. 283.
8. Баженова Е.С., Островский А.В. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Материалы международ. Конф. “Миграция и развитие” (Пятые Валентьевские чтения). М., 2007. С. 345—356.
9. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по миграционной политике, 17 марта 2005 г. // Официальный сайт Президента РФ. — <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/03/85300.shtml>
10. Последние оценки количества нелегальных мигрантов в России руководством ФМС составляют 5—7 млн чел. См., например: Константин Ромодановский: “Погромов, как в Париже, в России не будет!” // Комсом. правда. 2008. 27 февр.
11. Цифра в 5 тыс. была озвучена 22 сент. 2004 г. на заседании Административного Совета при губернаторе области заместителем губернатора; работниками прокуратуры приведены оценки в 3—4 тыс. См.: Кто в нашем доме хозяин? // Амур. правда. 2004. 15 мая; Оценки мэрии Благовещенска 1,2—4 тыс. в день. См.: Простые вопросы: Александр Мигуля, мэр города Благовещенска, 26 января 2007. — <http://www.amur.info/simple/2007/01/26/685.html>.
12. Постоянное количество русских в г. Хэйхэ — около 4000 человек. — <http://russian.northeast.cn/system/2007/09/21/000023264.shtml>.
13. Приграничное сотрудничество Амурской области с Китаем. Благовещенск, 2005. С. 48.
14. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: 2006. С. 56.
15. И у России есть край // Вокруг света. 2008. № 1. — <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6166/>.
16. Мэр Хэйхэ просит не пускать китайцев в казино // Амур. правда. 2006. 8 апр.
17. За последние 4 года число китайских туристов в Приморском крае сократилось более чем в 3,5 раза, с 178 тыс. в 2004 г. до 74,5 тыс. в 2007 г. См.: Приморье теряет привлекательность для иностранных туристов // Золотой Рог. 2008. № 11.
18. В 2007 г. число выездов российских граждан в Китай составляло 2881 тыс. поездок, число прибытий из Китая в Российскую Федерацию 765 тыс. поездок. Источник: Россия в цифрах. 2008. С. 161, 163.
19. В Бэйдайхэ туристов увезет спецпоезд // Амур. правда. 2006. 4 мая; К Желтому морю амурчан доставит самолет. — <http://www.amur.info/news/2006/06/20/22.html>.
20. Российские лыжники могут отдохнуть на базе лыжных трасс в Китае. — <http://www.amur.info/news/2004/11/22/7.html>.
21. В Хэйхэ появится китайский Арбат // Амур. правда. 2006. 8 июля.

22. Откуда у хлопца китайская грусть? // Комсом. правда. 2006. 26 дек; Китайский ответ на квартирный вопрос // Амур. правда. 2006. 24 авг; "Куплю квартиру в Пекине. Дорого" // Рос. газ. 2006. 29 авг; Купить себе немного Китая // Амур. правда. 2008. 18 апр.
23. "Челноков" уничтожат как класс // Комсом. правда в Приамурье. 2007. 3 авг; Таможенники и милиционеры решили задержать группу "фонарей". — <http://www.amur.info/news/2007/07/31/14.html>.
24. Щит и меч Приамурья. Благовещенск, 1988. С. 40.
25. Заместитель губернатора ввел налог на гастарбайтеров // Коммерсантъ. 2008. 7 мая.
26. Приграничное сотрудничество с Китаем и его роль в развитии международных услуг Амурской области. Благовещенск, 2007. С. 13.
27. Китайские "острова" в Благовещенске // Амур. правда. 2003. 21 окт.; 5,6 ноября.
28. Приграничное сотрудничество с Китаем и его роль в развитии международных услуг Амурской области. Благовещенск, 2007. С. 10.
29. Виза на глядку // В мире тайн. 2007. 1 авг. № 31.
30. Опора недропользователей // Амур. правда. 2007. 6 июля.
31. В БГПУ прибыла очередная группа китайских студентов. — <http://www.amur.info/news/2007/09/07/12.html>; Китайские студенты будут обучаться строительному делу в ДальГАУ. — <http://www.amur.info/news/2006/09/15/18.html>.
32. В Хэйхэ зарезали 55-летнюю амурскую туристку. — <http://www.amur.info/news/2007/02/26/20.html>; Опасное соседство // Амур. правда. 2007. 13, 20, 27 дек.
33. Скинхедам вынесли приговор // Амур. правда. 2005. 9 нояб.
34. Дело об ограблении китайского миллионера раскрыто // Амур. правда. 2006. 1 авг.
35. Врагова Н.К., Симутина Н.Л. Межбанковские расчеты как фактор цивилизованного развития внешнеторговых отношений приграничных регионов России и Китая // Деньги и кредит. 2007. № 2. С. 56 — 62.
36. В Благовещенске китаец основал подпольный банк. — <http://www.amur.info/news/2005/07/26/23.html>
37. Питание как испытание // Рос. газ. — Приамурье. 2008. 4 июня; На пашнях китайцы делают траншеи // Амур. правда. 2007. 12 июля.
38. "Хозяева" леса // Амур. правда. 2008. 4 июня.
39. Вячеслав Штыров: "Что происходит?" // Молодежь Якутии. 2007. 14 сент.
40. Портяков В.Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции // Демографическая ситуация и миграционная политика в Приамурье: социально-экономические, правовые и медико-экологические аспекты. Благовещенск, 2006. С. 49, 55; Баженова Е.С., Островский А.В. Потенциал Китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Материалы международной конференции "Миграция и развитие" (Пятые Валентеевские чтения). М., 2007. С. 354. Интересно также замечание Н. Зубаревич: "...придется рассматривать другие варианты — например, китайская миграция. Но общество к ней не готово, мигранты из СНГ нам привычнее и понятнее. Китай и Россия цивилизационно на огромной дистанции. Но и тут не надо тешить себя иллюзиями — Северо-Восточный Китай растет как на дрожжах, и через 5—7 лет мы ему не будем интересны". См.: Медведев в плену демографических иллюзий // Независимая газ. 2007. 23 мая.
41. Skeldon R. Myths and realities of Chinese irregular migration // IOM Migration research series. 2000. № 1. P. 19, 39.
42. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 229—237.

Состояние и перспективы рыбной отрасли российского Дальнего Востока

© 2009

А. Жук

Приводится динамика развития рыбной отрасли с середины XIX в. до наших дней, ее структура, стратегия, экономические показатели. Излагается концепция развития рыбного хозяйства Дальнего Востока России.

Ключевые слова: рыбный промысел, японское браконьерство, геостратегические факторы рыбной отрасли, концепция регионального развития.

Рыбная отрасль в аспекте социально-экономических процессов Дальнего Востока

Исторические аспекты. Чтобы лучше понять современное состояние рыбной отрасли российского Дальневосточья и вектор ее модернизации в аспекте перспективного регионального развития, проследим для начала динамику развития. До начала XIX в. рыба в России добывалась из рек и озер, и ее было достаточно. Но затем при быстром росте населения (в 1856 г. — 56,2 млн чел., в 1897 г. — 126,4, в 1904 г. — 141,4, в 1911 г. — 164 млн чел.) речной и озерной рыбы стало не хватать.

Усиленной эксплуатации в первой половине XIX в. подверглось Азовское море, затем Балтийское; в начале 70-х гг. началось промысловое освоение Каспийского моря, позднее — Черного.

В 1697 г. Камчатка была присоединена к России. Население ее не превышало 15—17 тыс. чел. Реки, озера и прибрежные морские воды располагали большими запасами рыбы и животных. По мере заселения полуострова к промыслу лососевых рыб подключались для собственных нужд казаки и другие переселенцы.

На р. Амур переселенцы к промыслу лососевых, осетровых и других рыб приступили во второй половине XIX в. после присоединения левобережной части нижнего Амура, Сахалина, Приморья. В это же время начинался промысел переселенцами лососевых рыб на Сахалине.

Рыбная промышленность зародилась в Приморье в конце XIX в., что совпало с началом китобойного промысла, добычи морепродуктов и с основанием города Владивостока.

На российском Дальнем Востоке вылов рыбы предназначался в основном для удовлетворения нужд собственного населения. Первые отечественные рыбо-

промышленники скупали и перепродавали рыбу, позднее стали арендовать государственные промысловые участки. Консервная продукция сбывалась на рынках Англии, Америки, сушеные крабы — в Корею. Понижение тарифа обеспечило поток дальневосточной рыбы по Транссибирской железной дороге на внутренние рынки России.

О положении русской рыбной промышленности на Дальнем Востоке в начале XX в. можно судить по таким данным: из 222 рыболовных участков, предназначенных в 1908 г. к сдаче в аренду, японцы сняли 87, а русские — 6; из 227 промысловых судов 221 принадлежали японцам, при общем тоннаже 40 000 т.¹

XIX в. и первая четверть XX в. представляли собой начальный период российского рыболовства на Дальнем Востоке, и на этой основе переселенцы закреплялись на прибрежных территориях.

Международноправовые отношения. В середине XIX в. вслед за американскими и канадскими браконьерами на промысел котиков, бобров, а затем камчатских лососей и крабов отправились японцы. Их деятельность приобрела такой размах, что в 1882 г. правительство России запретило иностранный промысел в своих территориальных водах без разрешительных билетов и обложило налогом вывозимую за пределы страны рыбопродукцию.

Для снижения масштабов японского браконьерства Приамурский генерал-губернатор в 1894 г. ввел особые правила промысла на Дальнем Востоке. В 1901 г. вступили в силу правила, разрешавшие использовать только рабочих с русским подданством. Практически это привело к сворачиванию иностранного промысла и наращиванию уловов российскими рыбопромышленниками.

По итогам русско-японской войны к Японии отошел южный Сахалин. Заключенная в 1907 г. между Россией и Японией рыболовная конвенция предоставила на 12 лет японцам равные права и тем самым создала условия для усиления японской экспансии. Японцы сконцентрировали в своих руках 85—90% добычи рыбы в русских конвенционных водах Камчатки.

В 1908 г. был принят “Высочайше утвержденный” и одобренный Государственной думой закон “Об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке”. Им повелевалось учредить промысловый надзор в Приамурском генерал-губернаторстве, на что из средств Государственного казначейства выделялись деньги. В 1917 г. японцы арендовали на Камчатке 218 рыболовных участков. В промысле участвовало 355 судов, на островах Шумшу и Парамушир работало 14 крабоконсервных заводов. Год спустя японское военное командование объявило свободный промысел рыбы в охотско-камчатских водах. У берегов западной Камчатки добычу крабов вели 22 плавучих завода. Такое положение сохранялось до 1922 г.

Организационная структура рыбной промышленности. Советский этап в развитии рыбной промышленности на Дальнем Востоке начинался в неблагоприятных условиях. Присутствие в наших водах японской рыбной промышленности ставило русских предпринимателей в экономическую зависимость. Государство имело право собственности лишь на рыболовные угодья. Все это подталкивало к созданию акционерных обществ с участием государства и частного капитала.

С самого начала ставилась задача создать крупный государственный промысел².

В 1921 г. подписаны декреты “О реорганизации Главного управления по руководству рыбной промышленности в России его органов на местах” и “О рыбной промышленности и рыболовстве”. Этими документами намечалось создать

собственный рыболовный флот и систему охраны рыбных запасов страны, направить большие капитальные вложения в развитие рыбной промышленности Мурманска и Дальнего Востока.

Централизация управления была осуществлена в феврале 1923 г. с приездом во Владивосток уполномоченного Наркомпрода и "Главрыбы" и созданием управления "Дальрыбохота".

1 июня 1927 г. из Дальгосрыбтреста выделилось новое государственное предприятие — Акционерное камчатское общество (АКО), а в 1930 г. — Акционерное сахалинское общество (АСО). С образованием АКО решались задачи освоения всех природных ресурсов, ликвидации сезонности хозяйственной деятельности, комплексного развития производительных сил. Реализация этих задач повлекла за собой быстрый рост численности населения и постоянных рабочих; ориентацию на рыбную промышленность как на отрасль специализации; создание рыбодобывающего и транспортного флота, строительство рыбокомбинатов, жестянобаночной фабрики, судоремонтных предприятий; развитие обслуживающих производств, лесного хозяйства, строительства, энергетики, транспорта, сельского хозяйства; создание социальной инфраструктуры, социально-экономическое перерождение коренного населения.

В период 20-х — 40-х гг. XX в. происходит национализация рыбохозяйственной деятельности; укрупнение рыбодобывающих хозяйств в форме рыболовческих колхозов и госпредприятий; развитие береговой производственной и социальной инфраструктуры; увеличение и моторизация рыболовного флота; расцвет многообразного прибрежного промысла.

Периоду 50-х — 80-х гг. присущи следующие характерные черты: поиск новых запасов биоресурсов в открытой части Охотского и Берингова морей и океана; индустриализация материально-технической базы рыбной промышленности; формирование морского экспедиционного и океанического промысла; доминирование обрабатывающих мощностей и добычи рыбы в экспедиционном промысле; масштабный рост уловов и производства продукции; угасание многих береговых хозяйств и дальнейшее укрупнение береговых предприятий. Развитие рыбной промышленности происходило на основе экстенсивной формы экономического роста.

Демографические показатели. Население целинной территории складывалось как следствие формирования рабочей силы. Планами царского правительства предусматривалось расширенное хозяйственное освоение Дальнего Востока. Соответствующее место при этом отводилось рыбному делу³.

Первые переселенцы из России появились еще в начале XVIII в. До середины XIX в. масштаб миграции сдерживался крепостным правом. Если с конца XVIII в. до 1867 г. численность жителей европейской России возросла примерно с 16 до 65 млн чел., то в Сибири — с 0,6 до 3 млн чел. В конце XIX века на территории Дальнего Востока насчитывалось лишь 367 тыс. чел. при плотности населения 0,7 чел./км². Своего пика переселенческая волна достигла в начале XX в. после проведения столыпинских реформ, разрешивших крестьянам выход из общины и продажу выделенных земельных участков. Всего за период с 1861 по 1914 г. в азиатскую часть России мигрировало свыше 5 млн чел.

На Камчатку началось переселение из Приморья ссыльных украинцев-молокан, ставших камчатскими рыбаками. В результате переселения крестьян из центральной части на Камчатке в 1912 г. было основано 12 новых поселений.

В Японии в этот год жили исключительно рыболовством 810 тыс. чел, в Северных Соединенных Штатах Америки — 144 тыс. чел., в России — 124 тыс. чел.

Численность населения Камчатской области (включавшей к 1922 г. этот полуостров, Чукотку, Охотское побережье до Аяна) составляла 35,6 тыс. чел., из них русских — 4,6 тыс. На рыбо- и крабоконсервных заводах было занято 20 тыс. чел. из 21,8 тыс., работавших на Камчатке.

За первую четверть минувшего века на Дальний Восток вселилось около 1,8 млн чел. За 15 лет с середины 20-х гг. по конец 30-х гг. на Дальний Восток въехало 0,8 млн чел. К 1940 г. население региона насчитывало чуть более 3 млн чел. при плотности 5,9 чел./км². На Камчатке к 1939 г. проживало уже 109 тыс. чел.

В 1959 г. население Дальнего Востока насчитывало 5,1 млн чел.; прирост за период с конца 30-х гг. составил 65%. Население Камчатки к 1960-м гг. составило 226 тыс. чел.

В истории промышленного развития обширных приморских территорий Дальнего Востока выделяются *три периода*, принципиально отличающихся политикой освоения и формирования рабочей силы.

Для *капиталистического периода* (до начала 20-х гг.) характерен прибрежный промысел, в том числе на основе экспедиционного промысла с базированием на материковые районы. В этот период формирование рабочей силы происходило за счет оседлости переселенцев и в доминанте — на основе набора иностранных рабочих, в основном из Японии и Кореи. Сложилось так, что хозяйственная деятельность русских переселенцев на основе добычи и переработки биоресурсов была основной экономической причиной их закрепления, а отсюда — и основой массового заселения побережья.

Период прибрежного промысла с середины 20-х гг. — до конца 50-х гг. XX в. характеризовался преодолением сезонности хозяйствования на основе организации круглогодичной работы и комплексного развития прибрежных районов и окраинных регионов.

Период с начала 1960-х гг. характеризуется переориентацией на освоение биоресурсов морей и Мирового океана. Хозяйственная структура побережья изменилась — было ликвидировано большое количество береговых предприятий, число населенных пунктов сократилось. Населенность приморских территорий и окраинных регионов росла. Увеличилась средняя численность населенного пункта. Происходила концентрация населения.

Приморская специализация экономики обширных прибрежных территорий сформировала территориально-промышленные комплексы регионов при доминанте освоения и использования водных биологических ресурсов.

К 1990-м гг. население Камчатки увеличилось по сравнению с 1900 г. в 30 раз, а со времени создания АКО — в 25 раз, достигнув 472,8 тыс. чел. Численность населения Дальневосточья составила в 1990 г. 7,86 млн чел.

Экономические показатели рыбной промышленности. Рост населения Дальнего Востока и, соответственно, улучшение обеспеченности рыбных промыслов рабочей силой повлекли увеличение уловов. На Камчатке улов русских рыбопромышленников в 1890 г. составил 7,2 тыс. т, в 1897 г. — 128 тыс. т, на Сахалине — 10,2 тыс. т. В низовьях Амура вылов достиг в 1897 г. — 8,0 тыс. т, в 1898 г. — 10,1 тыс. т. Вся рыба, составлявшая 20—30% суммарного российско-японского вылова в этих регионах, уходила в Японию.

В конце XIX в. российские рыбопромышленники внедрили на своих промыслах японскую технологию сухого посола лососей, что стало одним из весо-

мых факторов развития у нас этой отрасли. В начале XX в. рыбный промысел Камчатки стал приносить доход казне — около 50 тыс. руб. в год. В целом улов российских рыбаков в отечественных водах Дальнего Востока вырос с 110 тыс. т. в 1913 г. до 136 тыс. т. в 1917 г.

С организацией государственного рыболовства уловы резко возросли и в 1930 г. достигли 305 тыс. т. Из этого 81% приходился на долю государственной промышленности.

Стратегия морского экспедиционного промысла вырабатывалась в свете задач удовлетворения потребностей советского народа. Это и формировало специфику рыбохозяйственного комплекса в дальневосточном бассейне.

Избранная в СССР экономическая политика рыбной промышленности на основе развития океанического рыболовства стала приносить результаты. В 1960 г. уловы составили 3,0 млн т., в 1970 г. — 7,3 млн т, к 1980 г. — 9,7 млн т, а в 1988 и 1989 гг. — соответственно 11,5 и 11,4 млн т. Таких темпов наращивания объемов рыболовства не знала ни одна другая страна мира, причем удельный вес в общемировом вылове достигал 10%. Удельный вес продукции рыбной промышленности в промышленном производстве регионов в 1995 г. составил: по Камчатской области — 56,4% (в том числе в КАО — 60,3%), в Сахалинской области — 32,8%, в Приморском крае — 35,4%.

При наличии государственной экономико-социальной целевой направленности, доминирующая форма развития рыбной промышленности на Дальнем Востоке носила, однако, “колониальный” по отношению к региону характер, что выражалось прежде всего в изъятии и вывозе сырьевых ресурсов без должной заботы о социально-экономическом перспективном развитии дальневосточной территории России¹.

Межрегиональная и внутрирегиональная кооперация. При становлении промышленного рыболовства на Дальнем Востоке наращивание перевозок рыбной продукции по Транссибу в Сибирь, на Урал, в центральные и западные районы страны повлекло сокращение экспорта на японский рынок. К тому же в 1910 г. правительство, озабоченное вопросами национальной безопасности и экономического подъема страны, ввело пониженный на 25% тариф за провоз рыбопродукции. В 1909 г. экспорт составлял 29,3 тыс. т, в 1911 г. — лишь 16,4 тыс. т, а в 1913 г. — 2,3 тыс. т. В социалистический период практически вся рыбная продукция шла на внутренний рынок в целях продовольственного обеспечения советского народа. Это обеспечивалось соответствующей инвестиционной, ценовой политикой.

Наивысшие производственно-экономические показатели рыбной промышленности Дальневосточья приходятся на 1990 г.

В целом по бассейну на перерабатывающие мощности промыслового флота приходилось выпущенной *готовой пищевой рыбопродукции* 63,7%, *пищевой в целом* — 89,0%, *товарной* — 91,1%; на береговые предприятия — соответственно 36,3%, 11,0%, 8,9%.

Рыбоперерабатывающие мощности на судах в основном относились к госсектору экономики. Почти не имея береговой обработки, рыболовецкие колхозы 85,9% своих уловов сдавали на переработку в госсектор. При этом их удельный вес в численности береговых предприятий составлял более половины. Государственные предприятия, имея береговые обрабатывающие мощности, обладали 1/3 судов прибрежного рыболовства, числившихся за береговыми предприятиями.

ми. Рыбозаводы и колхозы размещались вдоль побережья по принципу взаимной привязки, что особенно проявилось в Камчатском регионе.

Соотношение обрабатывающих мощностей, объемов улова в региональном разрезе свидетельствует о внутриотраслевой межрегиональной кооперации.

Таким образом, к 1990 г. в рыбной промышленности Дальнего Востока размещение производительных сил характеризовалось жесткой внутриотраслевой кооперацией как в региональном, так и в межрегиональном разрезе.

В таких условиях началось массовое разгосударствление экономики и приватизация собственности.

Для периода с 1992 г. характерны следующие особенности;

- разгосударствление рыбной промышленности и массовая приватизация ее материально-технической базы;
- разрушение управления рыбной промышленностью;
- усиление промыслового пресса на сырьевые запасы;
- формирование широкого потока рыбной продукции первичной обработки на зарубежные рынки;
- формирование тенденции превращения дальневосточного рыбного бассейна России в сырьевой придаток зарубежных государств;
- отток финансового капитала за рубеж, разрушение социально-экономического уклада дальневосточного побережья;
- массовое физическое и моральное старение материально-технической базы;
- резкое сокращение физических и экономических рабочих мест в рыбной отрасли и отток населения с Дальнего Востока.

Анализ развития рыбной промышленности российского Дальневосточья в историческом аспекте дает основание для вывода, что рыбохозяйственная деятельность сыграла основную роль в социально-экономическом освоении обширных приморских территорий Дальнего Востока, инициировав развитие таких отраслей, как судостроение, судоремонт, машиностроение. В итоге это обеспечило рост экономической плотности на данном географическом пространстве.

Развитие Дальнего Востока в современных условиях в аспекте стратегии территориального социально-экономического развития России

Вызовы современной эпохи. За последние полвека произошли качественные изменения геополитико-экономической конфигурации мира⁵:

- Азиатская цивилизация находится на историческом подъеме. Прогнозируется, что Азия, ведомая Китаем, к 2020 г. будет производить более 40% мирового ВВП.

- Возникли в той или иной степени проблемы ограничения (исчерпания) природных ресурсов, используемых в рамках имеющихся технологий;

- Сложились тенденции глобализации мировой экономики и человеческого сообщества.

Такие изменения ставят перед Россией определенные вызовы, т.е. предложение обществу сформировать пути к самосохранению и развитию. Неверное определение характера и направления ответа на эти вызовы, неспособность предвидеть последствия реализации выбранного варианта ответа и т.п. превра-

щает вызов в угрозу для социума. В данном контексте *угроза понимается как следствие неадекватной стратегии ответа на вызов.*

Экономическая безопасность. Начало XXI в. характеризуется усложнением межгосударственных отношений. В связи с этим в ряду общесистемных категорий возрастает значение национальной безопасности. Национальная безопасность предполагает формирование оценок внутренних и внешних угроз для того, чтобы обеспечить преодоление опасностей в ходе развития страны.

Геополитическая стратегия выступает определяющей в системе “геополитика — национальные интересы — экономическая безопасность”⁶. Центральная проблема — это пути вхождения в мировую экономику. Решение ее должно выверяться критерием национальных интересов. Моделируется следующая система экономической безопасности: *концепция национальной безопасности — национальные интересы России в сфере экономики — индикаторы экономической безопасности, их пороговые значения — организация экономической безопасности — правовое обеспечение экономической безопасности.*

Концепция национальной безопасности включает такие основные положения, как место России в мировом сообществе, национальные интересы России, угрозы национальной безопасности, обеспечение национальной безопасности.

Национальные интересы охватывают широкий круг приоритетов, в том числе, в приложении к рыбной отрасли Дальнего Востока:

1. Способность экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства.

2. Сохранение единого экономического пространства.

Угрозы экономической безопасности включают и такие индикаторы:

1. Утрата производственного потенциала из-за высокого износа основных фондов.

2. Низкая инвестиционная активность.

3. Низкая конкурентоспособность продукции.

Рыбное хозяйство определяет размещение местных поселений на обширных приморских территориях Дальнего Востока. Будучи источником снабжения российского населения рыбными продуктами, оно вносит важный вклад в обеспечение национальной продовольственной безопасности. Хотя среднедушевое потребление рыбных продуктов за счет национальной отрасли снизилось (с 20,3 кг в 1990 г. до 9,8 кг в 2005 г.), их роль по-прежнему значительна: удельный вес рыбных продуктов в общем балансе потребления животных белков составляет около 10%.

Существуют исторические, базовые экономические предпосылки формирования перспективного развития. Реализация этих предпосылок предполагает выработку стратегического ответа, адекватного современной действительности.

Стратегия регионального развития Дальнего Востока. Развитие Дальнего Востока проистекает из стратегии социально-экономического развития России с учетом требований развития ее территорий. А.Г. Гранберг следующим образом формулирует парадигму логической и методологической базы российской стратегии. “Экономика России — не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр — регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий и входящих в систему мирохозяйственных связей”. И отсюда выводит, что “путь России — неизбежный и непре-

рывный поиск единства в региональном многообразии при усиливающемся воздействии процессов глобализации”⁷.

Таким образом, стратегия социально-экономического развития России должна выстраиваться на стратегии территориального развития.

Цели стратегии. Региональная политика в своем содержании должна осуществлять увязку формирования и реализации мероприятий сформулированной стратегии.

Прогнозируется, что Россия столкнется с рядом явлений, влияние которых на ее экономическое пространство неоднозначно:

- нарастающая зависимость российских регионов от соседних зарубежных экономических группировок;
- необходимость обеспечения экономического роста на новой качественной основе;
- ужесточение экологических требований в связи с принятием парадигмы устойчивого природопользования;
- трансформация, направленная к постиндустриальному и информационному обществу с отличительными региональными функциями.

Главной целью стратегии регионального развития провозглашается укрепление единого экономического пространства России, ее политической целостности и безопасности при гармоничном развитии регионов.

Прямые выходы к Тихому океану выдвигают развитие прибрежных регионов, освоение и использование морских ресурсов в число задач огромной экономической значимости. Развитие внешнеэкономических связей приграничных и приморских регионов должно компенсировать их удаленность от центров страны при одновременном обеспечении экономической интеграции территорий и усилении экономического единства России.

Становится необходимым трансформировать рыбную отрасль российского Дальневосточья в соответствии с вышеизложенными требованиями.

Геостратегические факторы развития рыбной отрасли. Рыбная промышленность — одна из основных отраслей экономики Дальнего Востока, ее стратегическое значение многократно возрастает в свете активно протекающих в мире и, особенно на сопредельных территориях экономических и военно-политических процессов.

К геостратегическим факторам развития рыбной промышленности в аспекте сохранения и использования геостратегических национальных преимуществ относятся:

1. Водные биологические ресурсы как предметы труда в составе средств производства и производительных сил размещены по всей государственной границе на востоке России.
2. Рыбная отрасль охватывает все приморские территории Дальнего Востока и для большинства из них является экономико-градообразующей.
3. Для приморских территорий Дальневосточья рыбное хозяйство является выходной отраслью, участвующей рыбными товарами как на внутреннем межрегиональном рынке, так и на рынках стран АТР.
4. Дальневосточная рыболовная зона России является одной из самых богатых среди национальных рыболовных зон государств АТР, обладая широким разнообразием и высокой стоимостью первичной продукции. В ряду рыболовных зон России она обеспечивает около 90% фактического изъятия (по данным ВНИРО, в 2003 г. — 87,3%, в 2004 г. — 90,8%) водных биологических ресурсов.

5. Рыбная отрасль по мере формирования ее материально-технической базы стимулирует развитие региональных производительных сил, в т.ч. судостроительной и машиностроительной отраслей.

Реализация этих основных региональных межотраслевых преимуществ обуславливает сравнительные преимущества рыбной отрасли региона как факторы социально-экономического освоения приморских территорий Дальневосточья.

Вышеизложенное указывает на настоятельную необходимость обеспечения экономического роста Дальневосточья с учетом развития исторически сложившейся рыбной отрасли как одной из основных в регионе. Отсюда проистекает и концепция формирования ее развития.

К концепции развития рыбного хозяйства Дальнего Востока

С учетом вышеизложенного, как и требований эколого-экономического согласования рыбохозяйственной практики, обоснование концепции развития рыбного хозяйства, по нашему мнению, должно выстраиваться следующим образом.

1. Сформулировать цели рыбного хозяйства как отрасли народного хозяйства страны

Во второй половине XX в. в АТР произошло качественное изменение геополитико-экономической конфигурации. Налицо мощный экономический рост зарубежных стран, которым свойственна экономическая развитость и плотная заселенность географического пространства при небогатых природных ресурсах. Этому противостоит экономически неразвитое обширное географическое пространство российского Дальневосточья с богатыми природными ресурсами и слабой заселенностью.

Данное обстоятельство становится большим геополитическим вызовом для России. Историческая обстановка предопределяет характер национальных целей государства и сообразно этому целей хозяйствования. По нашему мнению, искомым ответом на этот вызов может стать устойчиво развивающийся социально-экономический пояс по побережью российского Дальневосточья.

Вышеизложенное предопределяет постановку следующих целей развития рыбного хозяйства Дальнего Востока в современных условиях:

- на основе рыбохозяйствования в форме прибрежной деятельности обеспечивать социально-экономическое обустройство побережья;
- более весомо удовлетворять потребности населения России (участие отрасли в обеспечении продовольственной безопасности страны);
- на основе экономической самостоятельности национальной рыбной отрасли обеспечивать Дальнему Востоку паритетную экономическую интеграцию со странами АТР.

2. Сбалансировать интересы регионов Дальнего Востока при пользовании рыбными ресурсами в отечественной экономической зоне.

При обеспечении первой из указанных целей постоянство удельного веса регионов в освоении основных рыбных биоресурсов отечественной экономической зоны обеспечивает каждому региону реализацию права на ведение экономической деятельности. При этом для законодательной и исполнительной властей регионов создаются условия нормативного и административно-экономического сопровождения процессов формирования социально-эколого-экономической системы, обеспечения инвестиционной политики. Это работает на сохранение

единства экономического пространства страны, а не на выталкивание из него окраинных регионов.

3. *Формировать материально-техническую базу рыбной промышленности в реализации поставленных перед отраслью целей.*

В условиях российского Дальнего Востока необходимо переносить восполнение обрабатывающих мощностей на берег, т.е. переходить к прибрежной форме рыбохозяйственной деятельности.

Формирование модели развития рыбной промышленности переходит в плоскость концепции устойчивого регионального развития с учетом всей совокупности современных условий Дальнего Востока России и проявляется в форме *прибрежной рыбохозяйственной деятельности*, охватывающей устойчивую экологическую, экономическую и социальную деятельность хозяйствующих субъектов в условиях открытости во внешний мир. Такой подход дает возможность комплексно рассматривать ее проведение с позиций новых задач экономического и социального развития *региональной системы*⁸. Прибрежная рыбохозяйственная деятельность как форма проявления региональных процессов устойчивого природопользования представляет собой, по нашему мнению, ее возобновление на качественно новом уровне экологических, социальных и экономических региональных связей.

В основу изучения роли прибрежной рыбохозяйственной деятельности закладываются следующие *методологические предпосылки*:

— закономерности ее формирования определяются системой требований и характером региональных процессов устойчивого природопользования;

— региональная экономика рыбной промышленности представляет собой систему взаимодействующих субъектов хозяйствования, действующих в сфере природопользования;

— региональные процессы устойчивого природопользования осуществляются посредством экологических, экономических и социальных связей между субъектами природопользования;

— прибрежная рыбохозяйственная деятельность формирует среду, необходимую для функционирования всех процессов устойчивого природопользования в регионе.

С учетом вышеизложенного, развитие экономики рыбной промышленности в условиях российского Дальневосточья следует рассматривать как процесс развития прибрежной рыбохозяйственной деятельности при увязке экологических, экономических и социальных проблем. Закономерности этого процесса определяют все взаимосвязи и взаимозависимости региональной системы, обеспечивая единство региональных и межрегиональных экологических, экономических и социальных связей.

Как нам представляется, в современных условиях надлежит сформировать реальный сценарий развития, способный преодолеть пессимистический ход событий. В организационном отношении это должно начинаться с выявления исковых концептуальных основ.

Отсутствие осмысленного управления отраслью за последние более чем десять лет привело к тому, что *национальная рыбная отрасль перестала выполнять национальные задачи*.

Выдвижение экономической концепции: *“Дальневосточную рыбу на дальневосточный берег с целью валоризации уловов на дальневосточном бе-*

регу” обеспечило бы капитализацию дальневосточной рыбной отрасли экономическое развитие рыбной отрасли и Дальнего Востока России в целом.

Отсюда вытекает и социальная концепция: “Национальная дальневосточная рыбная отрасль служит социальному развитию приморских территорий дальневосточной окраины России”. Это стало бы возможным на основе реализации первой концепции и обеспечило капитализацию основных фондов социальной инфраструктуры рыбацких поселений.

Искомой является и последующая концепция: “Национальная дальневосточная рыбная отрасль служит российскому потребителю”. Это обязало бы отрасль обеспечивать российского потребителя рыбной продукцией в пределах медицинской нормы.

Эти концепции, по нашему мнению, должны быть подняты на уровни регионального и национального мышления и заложены в основу всех последующих действий. Эти установки следовало бы проводить через все Программы, наполняя их конкретным содержанием.

Ориентация “Национальная дальневосточная рыбная отрасль служит социально-экономическому обустройству дальневосточной окраины России и российскому потребителю” полностью отвергает ресурсный сценарий развития отрасли и способствует преодолению “колониальной” модели развития прибрежных территорий Дальнего Востока.

Развязка этих исходных проблем возможна на основе реализации промышленной политики, адекватной целям развития рыбной отрасли Дальнего Востока.

1. Борисов П.Г. Из истории научно промысловых ихтиологических исследований на морских и пресных водоемах СССР. М.: Высшая школа, 1960. 198 с.
2. Засельский В.И. Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923—1941 гг. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 245 с.
3. Там же.
4. Жук А.П., Распутный Н.В., Арзамасцев И.С. Исследование состояния и направления возрождения рыбной промышленности в условиях Дальнего Востока на основе прибрежной рыбохозяйственной деятельности (Проблемы. Факты. Предложения): Экспресс-бюллетень. Владивосток: Дальрыбинформцентр, 2001. № 2. 32 с.
5. Сорокин Д. Вызовы нового века и стратегический ответ России // Вопросы экономики. 2001. № 11. С. 34—50.
6. Сенчагов В. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8 С. 64—79.
7. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15—27.
8. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 200. 144

Деятельность спецслужб Дальневосточной Республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг.

© 2009

Т. Орнаукая, М. Чепик

На основе новых источников рассматривается информационное обеспечение внешнеполитической деятельности правительства ДВР в период подготовки и проведения международных конференций. Приводится содержание полученных в 1921—1922 гг. спецслужбами буферного государства разведданных и ряда секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, которые раскрывали истинные намерения Японии по отношению к российскому Дальнему Востоку.

Ключевые слова: государственная политическая охрана, военная контрразведка, переговоры в Дайрене, Вашингтонская конференция, протокол Японии.

В начале 1920 г. была создана буферная Дальневосточная республика. Она была необходима для ликвидации японской интервенции без войны между Советской Россией и Японией в условиях возрастания опасности войны с Польшей на западе и борьбы с белыми армиями Деникина и Врангеля на Юге России. Перед ней стояли также задачи прорыва экономической и политической блокады Советской России и восстановления внешнеполитических позиций страны в Тихоокеанском регионе. Создание ДВР стало уступкой империалистическим державам, и в связи с этим характерными чертами ее политического и социально-экономического устройства явились многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов. В ДВР была сохранена смешанная экономика с преобладанием частной собственности, однако, руководящую роль в ДВР играла дальневосточная организация РКП(б).

Стратегия советской внешней политики в начале 1920-х гг. состояла в следующем: сохранить мир, вывести страну из международной изоляции, укрепить деловые связи с капиталистическими государствами для восстановления народного хозяйства, ввести новую экономическую политику. Не менее важными целями оставались восстановление единства страны и ее геополитических позиций на Тихом

Орнаукая Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, начальник отдела по работе с представительствами ГОУ ВПО ДВГГУ, E-mail: ota12@yandex.ru

Чепик Михаил Васильевич, соискатель ГОУ ВПО ХПИ ФСБ России. E-mail: mchepic@ramler.ru.

океане, поддержка революционной борьбы народов. Для реализации этих стратегических целей, по мнению большевиков, необходимо было расколоть антисоветский фронт, сыграть на противоречиях держав и расстроить их агрессивные планы в отношении РСФСР. Если к весне 1920 г., когда была создана ДВР, главными целями РСФСР было недопущение войны на три фронта, выигрыш времени для ликвидации японской интервенции, то к началу 1921 г., когда гражданская война закончилась в центре страны и Сибири, стратегия внешней политики несколько изменилась. При этом смысл существования буфера остался прежним.

Строительство буферного государства осуществлялось на основе “Кратких тезисов по Дальневосточной республике”, утвержденных Политбюро ЦК РКП(б) 13 августа 1920 г., решений пленумов ЦК от 4 и 12 января 1921 г. и прямых указаний В.И. Ленина. Эти документы показывают, что буфер создавался как официально независимый от РСФСР, но в нем правящей должна была быть коммунистическая партия.

Важную роль по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг. играли информационный отдел МИД ДВР и спецслужбы республики.

Почти одновременно с Правительством в августе 1920 г. был создан МИД ДВР. Вначале и.о. министра иностранных дел был глава Совета министров ДВР А.М. Краснощёков, затем — по совместительству — глава Совмина Б.З. Шумяцкий (Червонный), затем — вновь председатель правительства ДВР А.М. Краснощёков. Позднее МИД возглавляли И.Л. Юрин (Дзевалтовский) и Я.Д. Янсон. Главным подразделением МИДа был Отдел внешних сношений в составе специалистов, знавших все основные европейские языки, одного япониста и двух китайцев. Кроме того, были сформированы информационный, шифровальный, хозяйственно-финансовый отделы, секретариат и дипкурьерская часть¹. Постепенно сложился штат ответственных работников МИДа, в который входили такие видные партийные и государственные деятели Дальневосточной республики, как П.Н. Караваев, И.Г. Кушнарёв, Э.А. Озарнин (Кистер), Ф.Н. Петров, В.Л. Погодин, Б.А. Похвалинский, Б.Е. Сквирский и др.²

О важности внешнеполитической деятельности ДВР свидетельствует то, что персональный состав делегаций республики назначало не только правительство буфера, но и правительство РСФСР. В.И. Ленин лично занимался подбором кадров не только для работы на международных конференциях, но и в аппарате МИД ДВР. Он сам давал указания о желаемых людях, которых необходимо было назначить в дипломатические миссии³.

Сбором и систематизацией всех материалов, относящихся к политической и экономической жизни, как иностранных государств, так и Дальневосточной республики занимался, Информационный отдел⁴.

Инструкция для представителей ДВР за границей гласила, что им надлежало приступить к организации при их канцеляриях осведомительной части.

Государственная политическая охрана (ГПО) ДВР создана в июне 1920 г. при Совете министров ДВР была. Основными функциями ГПО были борьба с политическими преступлениями и шпионажем на всей территории ДВР. Изначально ГПО была образована при Совете министров республики на правах особого отдела, потом управления, а затем уже и Главного управления. Цели, задачи и структура ее практически полностью копировали Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) при Совете народных комиссаров РСФСР, тем более, что непосредственное руководство ГУ ГПО осуществлялось ВЧК напрямую — через полномочного пред-

ставителя ВЧК по Сибири, а с марта 1921 г. по февраль 1922 г. и через полномочного представителя ВЧК по ДВР, а также Дальбюро ЦК РКП (б)⁵.

1 сентября 1920 г. президиумом правительства ДВР были утверждены структура и штаты ГПО при Совете министров.

Следует подчеркнуть, что внутренняя структура Главного управления ГПО видоизменялась в соответствии с изменениями внутренней структуры ВЧК, хотя имела и некоторую свою специфику.

Подтверждением "родственности" ГПО и ВЧК послужил доклад министра внутренних дел А.А. Знаменского на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) 5 декабря 1920 г., который изложил положение о Госполитохране как особом отделе ВЧК на Дальнем Востоке. Предложения министра внутренних дел сводились к следующему: сформировать органы ГПО в соответствии с образцами, схемами и штатами учреждений ВЧК, осуществлять руководство со стороны ВЧК органами ГПО через Главное управление в лице директора и помощников, в целях укрепления ГПО просить ВЧК командировать своих сотрудников для работы в органах⁶.

11 октября 1921 г. директором Главного управления ГПО был утвержден проект новой структуры (новых штатов) ГУ ГПО⁷. Главному управлению ГПО подчинялись областные отделы (Забайкальский, Прибайкальский, Амурский, Приамурский). На областные отделы замыкались уездные подотделы и железнодорожные осведомительные пункты.

В 1920—1921 гг. кардинальные структурные преобразования происходили в ГПО и по линии борьбы с военным шпионажем в Народно-революционной армии и флоте ДВР.

В 1920 г. в Дальневосточной республике была создана военная контрразведка — Военный контроль при Военном совете Народно-Революционной армии ДВР, а при отделе ГПО — уполномоченные по военным делам.

26 июня 1921 г. был создан Военный отдел ГУ ГПО при Военном совете Народно-революционной армии и флота. Он выполнял функции военной разведки и контрразведки. Военный отдел подчинялся директору ГУ ГПО и Военному Совету НРА ДВР. Военному отделу были подчинены пограничные войска ДВР. Включение военной контрразведки в общую систему органов госбезопасности Дальневосточной республики (по примеру Особого отдела ВЧК) позволило в определенной степени устранить такой серьезный недостаток, как параллелизм в работе с территориальными органами ГПО, ярко проявившийся в период существования военного контроля НРА в 1920 г.⁸

Особое внимание ВЧК, Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР уделяли кадровому вопросу в Госполитохране. Кандидатуры директоров, начальников отделов ГУ ГПО согласовывались с ВЧК и утверждались Дальбюро ЦК РКП (б)⁹.

На руководящие посты в системе ГУ ГПО назначались, как правило, проверенные члены партии, а также сотрудники центрального аппарата ВЧК и местных органов ВЧК из Европейской части России и Сибири.

В разное время начальниками отдела ГПО — директорами Управления ГПО — Главного Управления ГПО Министерства внутренних дел ДВР были:

Ротшильд, Косухин А.А., Ронинов В.А., Савельев Е.Ф., Похвалинский Б.А., Попов В.В., Лапа (Лаппа) А.С., Черных Н.Ф., Быков Г.И., Бельский (Левин) Л.Н.¹⁰

Стоит отметить, что активность спецслужб ДВР находилась в прямой зависимости от активности иностранных разведок в ДВР. Под видом различных

миссий на русский Дальний Восток приезжали высокопоставленные дипломаты, реальной целью которых, как правило, была разведывательная деятельность.

Следует отметить, что значительную долю информации Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР получали от ячеек Коминтерна в Корее, Японии и Китае, однако, авторы не ставят своей целью освещение данного вопроса.

В Главном управлении ГПО ДВР вопросами разведывательной деятельности за пределами территории страны занимался Секретно-оперативный отдел. После принятия решения 25 декабря 1921 г. ГУ ГПО и Военным советом НРА этими вопросами занимались и военно-полевые отделы, созданные в прифронтовой полосе на базе военных отделов¹¹.

При зарубежных миссиях ДВР действовали представительства ГПО, которым было вменено в обязанность вести работу по выяснению планов иностранных государств и белоэмиграции. Работа представителей спецслужб заключалась в освещении экономического и политического положения иностранных государств, в получении документов, имеющих ценность для Советского правительства. Однако нелегальным сотрудникам запрещалось поддерживать связи с официальными представительствами за границей.

При Уполномоченном осведомителе ГПО при Центральном управлении МИД был организован строго конспиративный осведомительный аппарат, всецело подчинявшийся в своей работе ГПО, которое через своего уполномоченного при ЦУ МИД руководило всей осведомительной работой в миссиях ДВР. Осведомители в миссиях за границей подбирались уполномоченными лично из сотрудников, не занимавших высокого положения в миссиях. Их назначение происходило в Чите, в каждую миссию МИД за границей направлялось не более одного осведомителя¹².

Правительство ДВР в борьбе за ликвидацию интервенции, прорыв политической и экономической блокады, активно использовало данные спецслужб. Международные переговоры стали главным средством решения тех целей, ради которых была создана Дальневосточная республика. Важнейшей составляющей успешного ведения переговоров была информация, позволявшая обнаружить истинные планы иностранных держав и, прежде всего Японии, в отношении Дальневосточной республики.

Значительную роль в процессе ликвидации интервенции, прорыве политической и экономической блокады сыграли Дайренская, Вашингтонская, Генуэзская и Чанчуньская конференции.

Летом 1921 г. Правительство ДВР в соответствии с директивами ЦК РКП(б), Дальбюро ЦК и Наркоминдела выступило с инициативой проведения новых переговоров с Японией об условиях прекращения интервенции на Дальнем Востоке. 12 июля 1921 г. Дальбюро ЦК, обсудив вопрос "О переговорах с японцами", постановило: "Поручить т. Юрину, ведение переговоров в духе указаний ЦЕКА и Наркоминдела"¹³. 13 июля И.Л. Юрин направил ноту японскому правительству об открытии этих переговоров, предложение было принято. Местом переговоров был избран Дайрен (бывший порт Дальний).

Данные аналитиков из дипломатических кругов и разведслужб ДВР свидетельствовали, что Япония пошла на Дайренскую конференцию ввиду финансовых трудностей, возникших из-за интервенции. В 1921 г. на интервенцию было истрачено 100 млн иен, а на 1922-й г. планировалось израсходовать еще 55 млн. 1921-й г. Япония закончила с бюджетным дефицитом в 400 млн иен, внешняя торговля страны оказалась в значительной степени подорвана, золотой запас

уменьшился без малого на 100 млн иен. До 1922 г. интервенция стоила Японии около 1 млрд иен и унесла несколько тысяч жизней японских военнослужащих, не считая жизней российских граждан¹⁴.

Однако милитаристы в японском руководстве не сдавались и почти открыто заявляли, что не допустят, чтобы дайренские переговоры окончились компромиссом с ДВР¹⁵. Под прикрытием переговоров японцами велась подготовка к вооруженному нападению белых сил на ДВР со стороны Южного Приморья¹⁶.

Конференция проходила в сложных условиях. Перед ее началом для запугивания ДВР и оценки общественного мнения русского Дальнего Востока японская сторона распространила ложные сведения¹⁷.

Японская делегация заняла на переговорах жесткую позицию. Возглавлявший японскую делегацию бывший генеральный консул во Владивостоке Мацусима отказался заключить договор о дружбе между Японией и ДВР. Японская делегация постоянно настаивала на безусловной секретности переговоров и т.д.¹⁸

Негативное отношение к ДВР и ее дипломатам проявляли и китайские власти. Министру иностранных дел Китая делались неоднократные заявления и протесты в связи с задержанием дипломатических курьеров, досмотра их багажа и снятия копий с документов¹⁹.

5 сентября 1921 г. делегация ДВР внесла состоящий из 29 пунктов проект соглашения "О мире, дружбе и торговле"²⁰. 26 сентября японская делегация вручила свой проект "Соглашения о торговле и прочем", который имел 17 открытых и 3 секретных пункта²¹. Принятие условий данного договора, по сути, превратило бы республику в полуколонию Японии.

Участовавший в переговорах в качестве представителя РСФСР Ю.Ю. Мархлевский, информируя НКВД РСФСР о ходе переговоров сообщил, что "японцы ведут двойную игру и на всякий случай не желают "компрометировать себя" официальными переговорами с нами...". Основанием для такого заключения было то, что японцы шантажировали Петрова и Блюхера, угрожая перевести остатки врангелевских войск из Европы на Дальний Восток и двинуть их против ДВР²².

Перед началом работы конференции в распоряжение спецслужб ДВР попал ряд телеграмм — сообщений в Вашингтон американских агентов из Шанхая и Токио о формировании нового антибольшевистского японско-французского альянса в декабре-марте 1920—1921 гг. В частности, телеграмма Министерства иностранных дел Франции французскому военному представителю в Токио от 27 декабря 1920 г., в которой недвусмысленно предлагалось "искать связи с японским правительством, чтобы известный план не был неожиданностью для японцев"²³.

Кроме того, была получена информация о содержании заключенного в феврале-марте 1921 г. соглашения об условиях японской военно-политической поддержки белогвардейским силам, из которого следовало, что в случае освобождения территории Сибири от большевиков, Япония получала в Сибири полную свободу действий (в тексте — "полное господство").

Все действия русских властей, связанные как с административным управлением, так и с деятельностью военных сил, организованных на милиционных началах, должны были осуществляться под строгим японским надзором. Все концессии на территории Сибири поступали в распоряжение Японии. Право передачи концессий и выработки условий такой передачи третьим государствам принадлежало исключительно японскому правительству.

КВЖД передавалась в распоряжение русских властей, однако управление дорогой должно было осуществляться под надзором Японии. Япония получала также исключительное право покупки дороги, в случае принятия решения русской стороной о ее продаже. Соглашение фиксировало возможность продажи КВЖД, невзирая на то, что по заключенному с Китаем контракту продажа дороги допускалась только через 27 лет.

В пунктах, имевших для Японии стратегическое значение, за императорским правительством закреплялось право держать военные силы в количестве, признаваемом им необходимым.

Ответные обязательства Японии в отношении “белого движения” сводились к следующему:

эвакуировать на Восток армию Врангеля, вооружить и обеспечить ее всем необходимым для военных действий; снабжать белую армию деньгами и военными материалами и после начала военных действий; оказывать поддержку всем борющимся с большевизмом организациям, объединяющим белых офицеров, солдат, казаков; после освобождения Сибири от большевизма, японские власти обязались оказать поддержку для неотложной транспортировки новой русской администрации и общественных организаций белого движения на освобожденные территории²⁴.

Кроме того, осенью 1921 г. в руки спецслужб ДВР попали новые материалы, в том числе радиogramмы американских агентов из Токио и Шанхая в Вашингтон, а также инструкции японского военного министра Генеральному штабу императорских экспедиционных войск во Владивостоке²⁵.

Для делегации ДВР и Советской России, ведущих переговоры в Дайрене с Японией, содержание этих радиogramм, отражавших истинные намерения их контрагентов на дипломатическом поле, представляло исключительно важную информацию и позволило занять жесткую линию на переговорах.

24 ноября 1921 г. Политбюро ЦК утвердило предложение Г.В. Чичерина о “максимальном затягивании переговоров” в Дайрене в качестве тактики российской дипломатии, с тем, чтобы иметь возможность “обождать результатов” Вашингтонской конференции²⁶. Данная позиция подкреплялась также наличием информации о возможной позиции США на предстоящих переговорах²⁷.

США опасались, что в рамках проведения переговоров в Дайрене будет заключено соглашение между ДВР и Японией. В связи с этим в Читу был направлен неофициальный представитель Колдуэлл, бывший в этот период консулом в Кобе. Миссия Колдуэлла должна была создать у руководства ДВР впечатление, будто США всерьез намерены пойти на установление отношений с республикой и тем самым помочь делегации ДВР в Дайрене устоять перед японскими притязаниями²⁸. Одновременно пребывание Колдуэлла в Чите должно было оказать сдерживающее воздействие на японскую военщину, лишить ее свободы действий на Дальнем Востоке, заставить считаться с интересами США. В Чите побывали и другие американские миссии из США²⁹. В то же время американскому консулу в Дайрене Кирджасову было поручено сообщить делегатам ДВР об отрицательном отношении Вашингтона к каким-либо территориальным или административным изменениям в Восточной Сибири (прозрачный намек на заинтересованность США в том, чтобы без их участия не было достигнуто соглашение между ДВР и Японией)³⁰.

Но 9 декабря 1921 г. Дайренская конференция была прервана из-за наступления белоповстанческих отрядов, вооруженных японским командованием.

Иницилируя поход белых сил против ДВР, Япония стремилась расширить зону своего влияния, закрепить это положение на Вашингтонской конференции, поставить США перед фактом и предотвратить их вмешательство в сибирскую политику Токио³¹.

К середине апреля 1922 г. на переговорах в Дайрене с Японией был согласован проект "Торгового и общего соглашения" и большинство статей "Соглашения о предметах военного характера". Не был согласован только вопрос о сроках вывода японских войск из Приморья³². 15 апреля японцы предложили новую редакцию уже согласованных статей и в ультимативной форме потребовали их подписания. Японская сторона отказалась от фиксации точной даты вывода своих войск из Приморья. Делегация ДВР отказалась принять требования Японии. 16 апреля 1922 г., то есть уже после окончания Вашингтонской конференции делегация Японии прервала переговоры и выехала в Токио. 24 апреля правительство ДВР в своей ноте возложило ответственность за срыв переговоров на правительство Японии³³.

Президент США У. Гардинг выступил с инициативой провести в Вашингтоне международную конференцию по ограничению морских вооружений еще в июле 1921 г. На ней также предполагалось обсудить политическую ситуацию на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Вашингтонская конференция, как и Версальская, должна была закрепить раздел мира между великими державами после первой мировой войны. Она показала с необычайной яркостью противоречия интересов между многими государствами, почти официально состоящими в союзе, и предопределила сдвиг в сторону новых дипломатических соглашений и союзов. Конференция проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г., т.е. одновременно с Дайренской конференцией.

Представителями ДВР на Вашингтонской конференции были назначены П.М. Караваев, Б.Е. Сквирский, А.А. Языков³⁴.

В начале декабря 1921 г. Делегация ДВР прибыла в Вашингтон и вручила Госдепартаменту свои полномочия на право представительства ДВР в США и на участие в Вашингтонской конференции, однако, к участию в работе конференции допущена не была. США и другие страны хотели, чтобы Япония была щитом против большевизма на Дальнем Востоке, но не желали укрепления ее позиций в регионе. Вашингтон был даже готов пойти на уступки Японии в т.н. "сибирском вопросе"³⁵. Япония же опасалась, что на Вашингтонской конференции в рамках обсуждения дальневосточного вопроса, будет принято решение, которое ущемит ее интересы в этом регионе.

В конце декабря 1921 г. делегация ДВР опубликовала в Вашингтоне серию попавших в руки спецслужб ДВР секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших цели Японии на Дальнем Востоке. Опубликованная делегацией ДВР французская нота от 2 сентября 1921 г. раскрывала существование тайного сговора этих стран относительно Вашингтонской конференции и дипломатического блока, направленного против Америки. Опубликованный текст ранее полученного договора, подписанного 12 марта 1921 г. представителями Японии, Франции и белогвардейцами, предусматривал превращение Дальнего Востока в японскую колонию. Франция и Япония должны были согласно договору, перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР. Не менее ясно политика Японии вскрывалась и в дру-

гих опубликованных делегацией ДВР документов, разоблачавших, в частности, поддержку, которую Япония оказывала атаману Семенову и барону Унгерну.

Документы, обнаруживающие существование секретного соглашения между Японией и Францией о создании на Дальнем Востоке подчиненного Японии марионеточного белогвардейского государства³⁶, были представлены прессе. Все это делалось делегацией ДВР для того, чтобы усилить разногласия между США и Японией и не допустить формирования нового объединенного фронта держав против РСФСР.

Дело в том, что японская делегация представила в Вашингтоне "Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской Империи, ныне именуемой "Дальневосточная республика"³⁷. Этот документ был разработан в январе 1922 г. по взаимному соглашению представителя Японии в Вашингтоне Сидехары и представителя Франции Бриана, которые и составили свою комиссию для уточнения и обсуждения протокола. Ранее министр иностранных дел Японии виконт Утида и представитель Франции Ж. Жоффр пришли к принципиальному согласию о совместной защите своих интересов на Генуэзской конференции. Правда, в соглашении оговаривалось, что послы Японии и Франции в Генуе могли вести сепаратные переговоры с представителями РСФСР, если они могли привести к успеху.

В основу вышеуказанного Протокола были положены материалы заседаний Вашингтонской конференции по Дальневосточному вопросу, предварительных переговоров представителей держав и многочисленные доклады и жалобы иностранных резидентов и некоторых русских политических групп (скорее всего — представителей Белого движения) "на усилившуюся анархию на Дальнем Востоке". По замыслу Утиды он должен быть представлен и реализован на предстоящей Генуэзской конференции, если Советская Россия не примет условий иностранных держав по возврату долгов, реституции имущества и компенсации за т.н. "николаевский инцидент".

В письме французскому маршалу Жоффру Утида предлагал внести в протокол требование о возобновлении торговых отношений с Советской Россией на условиях Японии и Франции. Он также требовал роспуска Президиума III Интернационала "с обязательством не созывать интернациональных съездов, направленных на коммунизацию государств и колоний".

Протокол (и другие документы, попавшие в руки разведки ДВР во Владивостоке) предполагал ввод на российский Дальний Восток международных сил, в которых главную роль должны играть японские войска. "Предварительный протокол" состоял из XXI главы и 59 параграфов. Суть документа состояла в следующем. На территории ДВР образуется одна область, включающая и Камчатку. Область должна делиться на округа (губернаторства), уезды (департаменты), волости (общины). Это административное деление закреплялось комиссией из состава представителей великих держав. Область должна управляться губернатором по назначению на 5 лет вышеуказанной комиссией. Согласно документу, генерал-губернатор должен являться главой исполнительной власти со своим штатом советников. Он назначает всех лиц администрации и судей. Ему подчиняются все военные силы, причем последние должны предоставляться "непосредственно граничащим правительствам", т.е. японскому. Милиция и жандармерия должны формироваться из местных жителей по принципу добровольческого набора, а также из частей, эвакуированных из Европы. Речь шла о бывшей армии Врангеля. Народно-революционная армия ДВР должна быть распущена (глава III, XI, XII). При генерал-губернато-

ре образуется административный совет совещательного характера. Часть советников должна назначаться Токио, еще 6 (3 русских и 3 иностранных) должны избираться областным собранием и назначаться международной комиссией.

В главе V говорилось об Областном собрании, избираемом из представителей всех народностей (или партий) на 5 лет. Собрание должно законодательствовать по всем вопросам, касающимся интересов области, но его решения должны утверждаться генерал-губернатором. Он же мог распустить собрание. Собрание должно собираться раз в год на двухмесячную сессию во Владивостоке (главы V, VII, и XIV). Однако в документе не были определены ни правила выборов, ни нормы представительства. По сути, японцы мечтали о марионеточном парламенте. Активным и пассивным избирательным правом могли пользоваться только оседлые жители.

Все законы и постановления должны издаваться на русском и японском языках. Чиновники и судьи могли назначаться из русских и японских подданных (главы XIII и XV).

В главе X была определена общая компетенция уголовных, торговых и духовных судов, но судьи должны были назначаться генерал-губернатором.

Каждая народность могла основывать частные школы, где преподавание должно вестись на родном языке. Высший надзор за школами принадлежал генерал-губернатору (глава XVI).

Права и привилегии русских подданных должны обеспечиваться особым меморандумом, который должен быть выработан в Генуе (глава XVIII). Конференция в Генуе должна была определить, по мнению разработчиков документа, и права русской буржуазии.

Статут области вырабатывается комиссией из делегатов заинтересованных держав (главы XX—XXI).

Таким образом, была создана не только модель японского оккупационного режима под международным флагом, но и предпринята попытка распространения ее по всей России.

Представителям Франции, Англии и США были направлены Препроводительные письма к Протоколу. В письме британскому послу в Токио министр иностранных дел Японии Утида предлагал поддержать прилагаемый проект в Генуе.

В депеше японскому послу в Вашингтоне барону Сидехаре от 15 февраля 1922 г. предписывалось обратить внимание правительства США на тесную связь РСФСР и ДВР и опасность, исходящую от них. Токио заявлял, что он выступает против раздела бывшей Российской империи, но целостность России зависит от умиротворения ее окраин. Если советские представители не примут условия, предложенные им в Генуе, необходимо немедленно провести реформы, обозначенные в Протоколе. В депеше также отмечалось, что белое Временное Приамурское правительство слабо и неопытно, и это не может оставлять японское правительство «равнодушным зрителем»³⁸.

Речь, таким образом, шла о попытке создания единого фронта против РСФСР и ДВР, военном шантаже и угрозе новой союзной интервенции против нашей страны. В.И. Ленин не был уверен, что конференция в Генуе не будет сорвана до того, как советской делегации удастся огласить свою программу. Вот почему важно было не допустить создания единого нового антисоветского альянса³⁹.

Барон Сидехара получил от японского правительства инструкции опровергать все заявления делегации ДВР в США и материалы в американской

прессе относительно этого документа⁴⁰. Но протокол лишний раз подтвердил наличие японо-французского сговора против РСФСР и ДВР. Эффект от публикаций японо-французских документов был колоссальный. Впечатление, произведенное ими на участников конференции, журналисты сравнивали с “взрывом бомбы”. Сенат США решил внести в свои протоколы полный текст брошюры о японской агрессии, изданной делегацией ДВР в Вашингтоне⁴¹.

23 января 1922 г. на конференции обсуждался “сибирский вопрос”, который после публикации документов делегацией ДВР уже нельзя было замалчивать. 28 января 1922 г. делегация ДВР в Вашингтоне выступила с Меморандумом к делегациям стран-участниц конференции о немедленном выводе японских войск с территории Дальнего Востока. Делегация Дальневосточной республики подчеркивала лицемерие Японии, которая только за 1921 г. одиннадцать раз давала обещание вывести свои войска с российского Дальнего Востока, но так и не выполнила их⁴².

Японское предложение не было принято ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу правильной тактики дипломатии РСФСР и ДВР, основанной на наличии достоверной информации о планах противника, из-за укрепления позиций Советской России, заинтересованности держав в экономических отношениях с Советской страной и Дальневосточной республикой, близости окончания Гражданской войны и интервенции в России. Это был успех дипломатии ДВР и РСФСР: Японии не удалось организовать новую объединенную интервенцию против Советской России⁴³. И хотя США пытались вести дело одновременно и с правительством ДВР, и с белым приморским режимом, выступая против своего конкурента Японии, они объективно способствовали прекращению японской интервенции на российском Дальнем Востоке. Кроме того, часть американских бизнесменов и политиков выступала за улучшение отношений между США и РСФСР и ДВР.

Вашингтонская конференция закончила передел мира, сложившегося после первой мировой войны. В Вашингтоне дипломатия США добилась успеха в дальневосточных вопросах. Значительные уступки сделала Великобритания в целях борьбы с Японией и Францией⁴⁴. Япония уступила США в китайском вопросе и обещала вывести свои войска с российского Дальнего Востока, правда, без указания срока⁴⁵.

Можно с уверенностью констатировать, что ослабление позиций Японии на Вашингтонской конференции способствовало твердой политике делегации ДВР на Дайренских переговорах. Однако американская администрация не признала ни РСФСР, ни ДВР, что мешало развитию сотрудничества США с нашей страной.

Вряд ли можно считать совпадением то, что именно в марте — апреле 1922 г. делегация ДВР в Дайрене отклонила возможность подписания скорректированных условий договора с Японией под тем предлогом, что этот договор по-прежнему не определил дату окончательного вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока.

Таким образом, деятельность дипломатических представителей на конференциях, ведение неофициальных переговоров, политика “сталкивания” интересов США и Японии на Дальнем Востоке, основанная на своевременной и достоверной информации, полученной, в том числе, и от спецслужб РСФСР и ДВР, дала свои положительные результаты.

Дальневосточная республика способствовала ликвидации интервенции без войны с Японией, сохранению единства страны и восстановлению геополитических позиций России на Тихом океане.

Глава советского правительства писал: "...если мы достигли того, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга нашей дипломатии"⁴⁶. В этом была заслуга и спецслужб Дальневосточной республики.

1. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 552, л. 84.
2. Там же. Д. 171, л. 106; д. 565, л. 22—23.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 140, 550—551.
4. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, л. 552, л. 208.
5. Васильченко Э.А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке, 1920—1922. Владивосток, 1984. С. 29.
6. Там же. С. 31.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Ф. 963, оп. 1, д. 1, л. 343, 388—389.
8. Зданович А.А. Организация и деятельность органов военной контрразведки в Народно-революционной армии Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 64—65.
9. Васильченко Э.А. Указ. соч. С. 32.
10. Буяков А.М. Указ. соч. С. 178, 181.
11. Зданович А.А. Структура Госполитохраны ДВР, 1920—1922 гг. // Изв. Гос. архива Приморского края. 2007. С. 71.
12. РГАСПИ, Ф. 372, оп. 1, д. 552, л. 13.
13. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922 гг.). Новосибирск, 1974. С. 106—107.
14. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 127, д. 8, л. 27.
15. Там же. Ф. 372, Оп. 1, Д. 108. Л. 52—52 об.
16. 26 мая 1921 г. остатки белой армии с помощью японцев совершили переворот в Приморье. К власти пришло Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с братьями С. Д. и Н.Д. Меркуловыми. Антибольшевистскими силами был создан, по сути, белогвардейский буфер внутри ДВР, который поначалу был ограничен небольшой территорией Приморья. С нотой протеста против поддержки японцами белогвардейцев в начале июня 1921 г. выступили правительство Дальневосточной республики и правительство РСФСР. В ноте, направленной правительствам Англии, Франции и Италии указывалось на их поддержку правительства Японии в его завоевательной политике в Сибири. В И. Ленин оценил белый переворот как начинающуюся интервенцию японцев в Дальневосточной республике (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 352; Мостовец Н.В. Дайренская конференция // Учен. зап. АОН. Вып. 2. Вопросы всеобщей истории. М., 1948. С. 283, 284, 287).
17. 24 июня 1921 г. в эмигрантской харбинской газете "Новости жизни" была помещена статья, в которой сообщалось, что заместитель министра иностранных дел ДВР И.С. Кожевников и член японской дипломатической миссии Шимада заключили временное русско-японское секретное соглашение, состоявшее из 10 пунктов. Часть пунктов прямо совпадала с японскими предложениями в Дайрене. (См.: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 548).
18. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 08, оп. 5, п. 3, л. 16, л. 38—44.
19. Там же. Ф. 492, оп. 1, п. 2, л. 4, л. 130—132, 140—141.
20. ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 724; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 гг.): Док. и материалы. Ч. 2. Владивосток, 1993. С. 166—168.

21. Там же. С. 784; С. 161—166.
22. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 1950, л. 1, 2.
23. Фукс М. Планы “сине-оранжевой войны” и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке, 1920—1923. — <http://zaimka.ru/soviet/fuchs2/shtml>.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. 9 февраля 1921 г. агент под псевдонимом “Магит” проинформировал члена Дальбюро, председателя Совмина ДВР П. Никифорова о своей встрече с неким сотрудником американской миссии во Владивостоке, по фамилии Смит. В соответствии с информацией, предоставленной Смитом, вслед за вступлением в должность нового президента США Гардинга коренным образом должна была бы измениться политика Америки по отношению к России. Американские представители во Владивостоке уже получили директивы начать корректировку курса, чтобы поворот в российской политике не был бы замечен для стороннего наблюдателя. Суть этого нового курса должна была состоять в том, чтобы воздерживаться в дальнейшем от вмешательства во внутренние дела России, “дать России самоопределяться, а также не допускать Японию хозяйничать”. По сообщению американского информанта, заметные сдвиги предполагались и в японском внешнеполитическом курсе в отношении России, поскольку возможность “сговориться о Дальнем Востоке” ассоциировалась для этой страны с именем президента Вильсона. В этой связи японская сторона начала предпринимать шаги по организации “организованного отступления” из Сибири, стараясь, чтобы эвакуация не походила на бегство. “Магит” сообщал в Читу: “Для Америки желательно, чтобы президентом был Никифоров, но не Краснощеков. (См.: Фукс М. Указ. соч.).
28. ГАРФ. Ф. 391, оп. 2, д. 7 а, л. 443.
29. 7 июля 1921 г. из Пекина выехала сначала во Владивосток, а затем в Читу, Благовещенск и Хабаровск, американская миссия в составе советника пекинского посольства Эббота, военного атташе полковника Дейвиса и вице—консула США во Владивостоке Смита. Миссия была тепло встречена в ДВР и, очевидно, составила себе о новой республике неплохое представление, Смит был оставлен в Чите в качестве “неофициального” американского консула, а Эббот срочно выехал для личного доклада в Вашингтон. Позже Смита сменил Колдуэлл, а его, в свою очередь, американский разведчик майор Феймонвилл. Летом—осенью 1922 г. в ДВР побывали американские журналисты Симон Лери и Дрю Пирсон. (См.: ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 144, л. 70; д. 159, л. 274—275; Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 73—75; Вехи, Хабаровск. 1922. 29 сент.; Парфенов П.С. (Алтайский) Борьба за Дальний Восток, 1920—1922 гг. Л., 1928. С. 324).
30. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. С. 551—552.
31. Мостовец Н.В. Дайренская конференция // Учен. зап. АОН. Вып. 2. Вопр. всеобщей истории. М., 1948. С. 287; Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. М., 1990. Т. 1—2. С. 285—287.
32. Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 179—185.
33. ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 270—272; Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 185—189; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551.
34. 7 июля 1921 г. Дальбюро ЦК РКП (б) постановило поставить вопрос перед ЦК о посылке миссии ДВР в США и отпустить для этой цели 10 тыс. руб. золотом (См. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, л. 54, л. 110).
35. Дальний Восток в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 552—554.
36. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Новый документ по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке России // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. “Амур — дорога тысячелетий”/под. ред. С. В. Гончаровой. Хабаровск, 2006. Ч. 2. С. 108—109.

37. Николаев С. "Маки-Мираж": Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 16—17; Чумаков Н.С. За рекой — главный противник // На защите Отечества. Хабаровск, 2001. С. 44; Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Указ. соч.
38. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Указ. соч. С. 109—111.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 34. В кругах европейской белоэмиграции бытовало мнение, что если Генуэзская конференция сорвется, то правительство РСФСР вынуждено будет начать "с помощью голодных масс Красной армии" военные действия против Польши и Румынии. Франция же и Сербия окажут помощь Врангелю и Петлюре и организуют новую интервенцию против Советской России. 3 марта 1921 г. между Румынией и Польшей было подписано соглашение о взаимной военной помощи в случае конфликта на восточных границах. Наблюдалось большое оживление среди белогвардейцев за рубежом. Началось формирование белых войск в Финляндии, Румынии, Болгарии, Польше. Это подтверждалось данными ОГПУ. Слухи о новой интервенции поддерживались Францией для предотвращения советско-германского сближения и для контроля над военными формированиями русской эмиграции в Европе (См.: ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 591; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 159—190; Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. I. Кн. 2. С. 26, 220, 223, 246—248, 261, 302, 609; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 123—124; Макаров В.Г., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. N 5. С. 231.
40. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, л. 1181, л. 42—43.
41. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 553.
42. ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 712.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 245—246.
44. Продолжающаяся японская интервенция на российском Дальнем Востоке вызвала обеспокоенность не только США, но и Великобритании. Кроме того, США стремились всеми силами расстроить англо-японский союз. Под давлением США, а также из-за новой расстановки сил на Тихом океане после первой мировой войны Великобритания отказалась от англо-японского союза. Более того, в Англии даже рассматривались потенциальные угрозы колониям и доминионам Лондона и планы войны с Японией. На Имперской конференции в 1921 г. подчеркивалось, что коммуникации Токио в случае войны будут перерезаны, а единственными портами, откуда японцы смогут черпать сырье и пропитание, останутся Пусан и Владивосток. Таким образом, Владивосток в то время рассматривался как важный стратегический пункт, усиливавший позиции Японии на Тихом океане (См.: Лихарев Д.В. Трудный выбор: морская политика Великобритании и англо-японский союз (1919—1922 гг.) // Международные отношения в Тихоокеанском регионе в XIX-XX веках. Межвуз. сб. науч. статей. Хабаровск, 1997. С. 105, 112—113).
45. История дипломатии. Том 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.). М., 1965. С. 144—146.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 246.

История

Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917—1920-е гг.)

© 2009

Г. Романова

Анализируются взаимоотношения Советской России и Китая в 1917—1924 гг. Рассматриваются отличия внешней политики Советской России от политики царской России. Отмечается, какие договоры и соглашения РСФСР признала неравноправными и от чего отказалась в своей внешней политике. Излагаются концепции отечественной и китайской историографий относительно первых деклараций РСФСР, Соглашения от 31 мая 1924 г., проблемы КВЖД, а также в целом внешней политики Советской России в Северо-Восточном Китае. Рассматриваются российско-китайские межгосударственные отношения с учетом новых подходов к оценке Октябрьской революции.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, внешняя политика Советской России, КВЖД.

История раннего этапа взаимоотношений Советской России с Китаем, установления дипломатических отношений и проблема статуса Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), хотя и исследовались в определенной степени в отечественной историографии, требуют переосмысления и сопоставления с новыми оценками в зарубежной, в частности китайской историографии.

После Октябрьской революции правительство Советской России стало проводить в отношении Китая политику, принципиально отличную от политики других держав — политику дружбы, мира и равноправного сотрудничества. Внешняя политика России основывалась на Декрете о мире, принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, "Декларации прав народов России", опубликованной 2 (15) ноября 1917 г. и Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября (3 декабря) 1917 г.

Харбинские большевики взяли курс на провозглашение советской власти в полосе отчуждения КВЖД. 20 ноября 1917 г. Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД), основываясь на указаниях Советского правительства

(телеграмма председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина), издал приказ о роспуске контрреволюционных русских организаций, а 30 ноября отстранил от должности управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата, отказавшегося выполнить инструкции Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) и прибыть в Петроград. Управляющим КВЖД был назначен заместитель председателя СРСД Б. Славин. Отстранялись также русские консулы в Харбине, Хайларе и Куанчэнцзы. Харбинскому СРСД поручалось предоставлять права России на территории Маньчжурии и взять под защиту русских граждан¹.

К началу 1917 г. свыше 50 тыс. российских рабочих и солдат были заняты обслуживанием Китайско-Восточной железной дороги, построенной Россией на территории Китая в Северной Маньчжурии. 2 декабря 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов в Харбине взял власть в свои руки. Советская власть была установлена по всей линии КВЖД. Опасаясь захвата КВЖД Японией, США, Англия, Франция потребовали от китайского правительства принять меры для ликвидации советской власти в полосе отчуждения. 13 декабря 1917 г. войска китайских милитаристов разгромили Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов. После падения советской власти полоса отчуждения КВЖД превратилась в базу Белого движения².

Правительство Советской России пыталось достичь соглашения с пекинским правительством, признанным мировым сообществом в качестве законного правительства Китая. Однако в марте 1918 г. правительство Китая, следуя примеру держав-победителей в Первой мировой войне, отозвало своего посланника из столицы России, разорвав дипломатические отношения. Более того, пекинское правительство, будучи в то время единственным правительством, представлявшим Китай на международной арене, в августе 1918 г. направило свои войска в Сибирь и таким образом приняло участие в иностранной интервенции против Советской России. Китайские отряды были направлены в Забайкалье, Владивосток и Хабаровск, где хозяйничали японцы; во Владивостокском порту встал на якорь китайский крейсер, а на Амуре появились китайские канонерки³.

Несмотря на фактически враждебное отношение китайского правительства к новой российской власти, Советское правительство заняло конструктивную позицию, предложив установить новые равноправные отношения между двумя народами и правительствами обеих стран.

В отечественной историографии в 1990-е гг. появились и противоположные концепции революционного движения в полосе отчуждения КВЖД. Так, Г.В. Мелихов опровергает устоявшуюся точку зрения, в частности, мнение Г.И. Андреева, о "признаках революционной ситуации" в Полосе отчуждения КВЖД, а также того, что "значительная часть трудящихся КВЖД шла за большевиками". Наоборот, Г.В. Мелихов утверждает, что "большинство населения полосы отчуждения не шло за большевиками и их действий не поддерживало", а "Союз железнодорожников одобрял действия управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата"⁴.

Как отмечает А.Д. Воскресенский, внешняя и внутренняя политика большевиков базировалась на комплексе противоречивых и утопичных идей, центром которых была теория мировой социалистической революции. В контексте этой общей идеи важная роль предписывалась подрыву и разрушению империалистической периферии посредством национально-освободительных революций. Революции в других странах рассматривались в качестве средства, способствующего выходу СССР из международной изоляции. Сначала Советская Россия возлагала надежды в первую очередь на Европу и только после 1923 г., когда ре-

волюции там потерпели крах, стала уделять больше внимания революционному движению в Китае⁵.

По мнению ряда китайских историков, сразу же после победы большевистской революции в Петрограде возникла проблема КВЖД. Например, Сюэ Сяньтянь считает, что приказ о захвате власти в Харбине и полосе отчуждения КВЖД свидетельствовал об “унаследовании” большевиками “агрессивности царской России” в Маньчжурии и явился промахом Ленина⁶.

Для установления дружественных связей между двумя странами НКВД вел переговоры с посланником Китая в России Лю Цзинжэнем. Наркоминдел разработал программу заключения общего договора с Китаем. Эта программа предусматривала аннулирование договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией 1907—1916 гг. Китайской миссии в январе 1918 г. были переданы советские предложения о КВЖД, разработанные комиссией под председательством В.Р. Менжинского. Эти предложения предусматривали передачу Госбанку Советской России всех обязательств Русско-Азиатского банка, вывод войск из полосы отчуждения КВЖД, создание для охраны дороги гражданской милиции из китайцев и русских и т.д. Советское правительство отозвало военную охрану при консульствах, заявило о своем согласии отказаться от права экстерриториальности советских граждан и т.д.⁷

Первый союзный договор между Россией и Китаем был подписан в Москве 22 мая 1896 г. (Ли Хунчжаном с С.Ю. Витте и А.Б.Лобановым-Ростовским). Он устанавливал военный союз России с Китаем против Японии в случае ее нападения на эти страны или Корею, а также закреплял согласие Китая на постройку железной дороги через Маньчжурию на Владивосток с правом перевозки по ней русских войск и правом России использовать в случае необходимости китайские порты. Согласно статье 6-й, Договор был заключен на 15 лет и вступал в силу после утверждения контракта на строительство КВЖД китайским правительством⁸.

Как подчеркивает Ю.М. Галенович, в 1896 г. Россия и Китай вступили в военно-экономический союз, “союз российского двуглавого орла и китайского дракона” на случай агрессии третьей страны. Договор предусматривал осуществление экономического проекта, который в перспективе отвечал интересам и обоих партнеров, и третьих стран — в Западной Европе и на Востоке, т.е. в Китае и Японии. Речь шла и о стремлении защитить мир и безопасность на Дальнем Востоке, и о намерениях реализовать экономические планы глобального масштаба⁹.

После русско-японской войны 1904—1905 гг. настойчивое проникновение американского капитала в Маньчжурию угрожало позициям России и Японии. Между недавними противниками быстро установилось весьма тесное сотрудничество, выразившееся, в частности, в заключении между ними ряда секретных договоров 1907, 1910, 1912 и 1912 гг. Эти договоры разграничивали “сферы влияния” России и Японии в Маньчжурии и обязывали их к взаимной поддержке специальных интересов другой страны в пределах ее “сферы”¹⁰. Именно в этих договорах и соглашениях Советская Россия увидела неравноправность и впоследствии отказалась от них. Но речь нигде не шла о договорах по пограничному вопросу и торговым связям. Только лишь по Тяньцзиньскому договору 1858 г. России были предоставлены такие же права в морской торговле, как США, Англии и Франции. Но Россия этими правами практически не пользовалась, поскольку вела традиционную сухопутную торговлю.

Переговоры о КВЖД начались в Петрограде 19 января и продолжались в течение февраля 1918 г. Наряду с официальным представителем, секретарем консульства Ли Шичжунем с китайской стороны в них принимали участие и представители общественной организации "Союз китайских граждан в России". Советскую сторону представляли начальник отдела Востока Наркомата иностранных дел, только что назначенный полномочным представителем Советской России в Китае А.Н. Вознесенский и его заместитель Е.Д. Поливанов. Российская сторона предложила для обсуждения следующие вопросы: о создании русско-китайской ликвидационной комиссии по проблеме КВЖД, о действиях китайских властей в отношении Харбинского совета, о вводе китайских войск в полосу отчуждения КВЖД, об управляющем дорогой Д.Л. Хорвате, об административном управлении полосой отчуждения КВЖД и другие. По первому вопросу не удалось прийти к соглашению из-за позиции китайского представителя, который считал, что такая комиссия должна иметь государственный уровень, однако, поскольку Советская Россия еще не признана Китаем, то говорить о ней преждевременно.

Советская делегация на переговорах уделила большое внимание судьбе управляющего дорогой генерала Д.Л. Хорвата, которого считала главным виновником обострения советско-китайских отношений на КВЖД. Советская сторона требовала от китайского правительства увольнения генерала Д.Л. Хорвата с занимаемой должности и выдачи его России.

Нежелание Китая пойти навстречу в данном вопросе Советское правительство расценивало как содействие находящимся на его территории русским контрреволюционным организациям в их подрывной работе против нового правительства России. 17 января 1918 г. большевики приняли решение об аресте в Петрограде членов Правления Общества КВЖД. Кроме того, была предпринята попытка вызвать в Петроград генерала Д.Л. Хорвата. Китайский представитель подчеркнул, что судьбу управляющего КВЖД не следует связывать с политической. Вмешательство в дела дороги со стороны Советского правительства означало подрыв китайского суверенитета и нарушение договорных обязательств между двумя государствами, с чем Китай никак не мог согласиться. Вопрос о Хорвате китайская сторона связала с проблемой сохранения своего суверенитета в полосе отчуждения КВЖД¹¹.

В соответствии с декретом ВЦИК от 14(27) декабря 1917 г. о национализации банков Русско-Азиатский банк становился собственностью государства, все его обязательства по отношению к КВЖД перешли к Государственному банку России. Однако правление Русско-Азиатского банка (РАБ) не признало своего роспуска. Его председатель А.И. Путилов и ряд других членов правления переехали во Францию и в Париже образовали новое правление банка. Старое правление Общества КВЖД в Петрограде во главе с вице-председателем А.С. Вентцелем было распущено и арестовано, и связь между правлением в Петрограде и Управлением дороги в Харбине оказалось окончательно разорванной.

15 января 1918 г. новое правление Русско-Китайского банка в Париже приняло проект создания в Пекине нового правления Общества КВЖД. 24 января в Пекине состоялось совещание, где Н.А. Кудашев (российский посланник в Пекине), Д.Л. Хорват и А.И. Путилов приняли решение о собрании акционеров дороги и образовании нового правления, которое должно признать китайское правительство. КВЖД переходила таким образом (формально) в руки Русско-Азиатского банка, однако при этом Н.А. Кудашев потребовал от правления банка

в Париже официальный документ, подтверждающий, что дорога является собственностью русского правительства, а не банка. Представители белой эмиграции делали все, чтобы сохранить право собственности России на КВЖД.

27 апреля (10 мая) в Пекине состоялось общее собрание акционеров КВЖД, принявшее решение о самостоятельности дороги как предприятия Русско-Китайского банка и избравшее новое правление Общества КВЖД. В него вошли: председатель генерал Янь Шицзин, директор-распорядитель Д.Л. Хорват, А.В. Колчак (назначенный главным инспектором Охранной стражи дороги), А.И. Путилов и др.¹²

На КВЖД претендовали Франция, действовавшая через Русско-Азиатский банк. США и Франция стремились при посредстве белой эмиграции лишить Советскую Россию юридических прав на КВЖД. Захваченная командованием Антанты дорога использовалась для бесплатной переброски иностранных войск на российский Дальний Восток и в Сибирь.

Рассматривая советские предложения об урегулировании проблемы КВЖД на переговорах в январе-феврале 1918 г. в целом, следует заключить, что они свидетельствовали об отказе от прежней политики царской России в Маньчжурии, создавшей в полосе отчуждения КВЖД, как подчеркивает китайский историк Чжан Тун, "государство в государстве" (отчуждение земли, экстерриториальность русского населения, экономические привилегии, русская полиция и войска охраны, управление и т.д.).

Китайская сторона заняла на переговорах неконструктивную позицию по отношению к советским предложениям об урегулировании проблемы КВЖД, являвшимся для Китая крайне выгодными. Основная причина заключалась в непризнании Советского правительства России союзниками, которые не признали бы любые соглашения Китая с ним, в том числе и по вопросу о КВЖД¹³.

Первый период урегулирования проблемы КВЖД в советско-китайских отношениях для России завершился неудачно, так как она полностью потеряла контроль над дорогой и ее полосой отчуждения. Китай же, наоборот, смог добиться значительных успехов: прежде всего он взял КВЖД под охрану своих войск и настоял на выводе из полосы отчуждения русских охранных частей, что явилось важным шагом на пути установления полного контроля над КВЖД. Этот результат стал возможным вследствие благоприятной для Китая международной обстановки и ослабления России из-за революции и антибольшевистской позиции стран Антанты¹⁴.

Открытое вмешательство интервентов во внутренние дела России затрагивало и сферу российско-китайских отношений, а также интересы Китая. 9 января 1919 г. США и Япония заключили "международное" соглашение относительно надзора над Сибирской железной дорогой и КВЖД, которое оформило существование "Межсоюзного железнодорожного комитета и технического совета"¹⁵. Председателем "Межсоюзного технического совета" стал американец Дж. Стивенс. Хотя при содействии союзников на КВЖД была восстановлена администрация бывшего царского правительства, только номинально руководившая дорогой, фактически управление КВЖД осуществлялось "Межсоюзным техническим советом". Пекинское правительство выражало протест в связи с его созданием, ссылаясь на то, что КВЖД проходит по территории Китая и значительно отличается от сибирской железнодорожной системы. 10 марта 1919 г. было достигнуто компромиссное соглашение. КВЖД переходила под охрану ки-

тайских частей, США получали право держать войска численностью в 1 тыс. чел. в Харбине, а Япония — на ст. Маньчжурия¹⁶.

Как считают китайские историки, перед Китаем стояла задача сохранения КВЖД от захвата Японией, белой эмиграцией и союзными державами. Китайские власти были вынуждены мириться с присутствием на КВЖД войск интервентов и отрядов атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова. Поскольку за спиной белой эмиграции стояли союзники, китайские власти добились лишь некоторого ограничения их деятельности. Открытое выступление против Семенова и Хорвата сразу привело бы к захвату КВЖД японскими войсками¹⁷.

В исследовательской литературе нет единого мнения о позиции правительства большевиков относительно КВЖД в первые годы советской власти. По мнению китайских историков, действия новой российской власти преследовали две цели: “прорвать блокаду великих держав, заставить Китай признать Советское правительство” и “стимулировать антиимпериалистические настроения китайцев”. Согласно первой декларации, “советская сторона, безусловно, передавала КВЖД безо всякого вознаграждения Китаю”. Во второй декларации от 27 сентября, предлагалось лишь “совместное использование дороги в интересах РСФСР, Китая и ДВР”, т.е. Россия фактически отказывалась от своего прежнего обещания вернуть дорогу Китаю. Китайские историки причину этого отказа видят в победе советской власти в гражданской войне.

Оценка первых деклараций РСФСР как “орудия коммунистической пропаганды”, прочно утвердилась в работах тайваньских и гонконгских историков. Гоминьдановские историки подчеркивают, что РСФСР имел особый дипломатический план в отношении Китая, основным содержанием которого стала организация подрывной работы против Китайской Республики с помощью Коминтерна. “Этот план соответствовал тактике “мировой революции”¹⁸.

В отечественной историографии существует точка зрения о неизменности взглядов Совета народных комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел в отношении КВЖД. Разногласия в трактовке позиции советского правительства возникли, прежде всего, из-за публикации В.Д. Виленским (Сибиряковым) в 1919 г. брошюры “Китай и Советская Россия. Из вопросов нашей дальневосточной политики”, в которой он привел вариант проекта обращения правительства РСФСР к китайскому народу, содержащий отказ от КВЖД. Этот проект обсуждался, но не получил одобрения советского руководства в пункте, касающемся КВЖД. Но именно в этом виде он стал известен китайскому консулу в Иркутске и передан в Пекин. Несколько позднее был отправлен по телеграфу из Владивостока в Шанхай с произвольным добавлением абзаца, гласившего, что советское правительство будто бы возвращает Китаю КВЖД без всякого вознаграждения¹⁹.

В Обращении Совнаркома РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая 25 июля 1919 г. и в ноте Народного комиссариата иностранных дел китайскому правительству 27 сентября 1920 г. четко сформулированы моменты прежних русско-китайских отношений, от которых отказалась Российская Федерация. В первом Обращении Советское правительство предложило Китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений царской России с Японией с 1907 по 1916 гг. Правительство РСФСР провозглашало отказ от русской доли в боксерской контрибуции, особых привилегий российских куп-

цов в Китае и прав экстерриториальности. Однако об отказе от КВЖД не говорилось. Напротив советское правительство предлагало возобновить прерванные в марте 1918 г. под давлением западных союзников Китая переговоры. Сформулированное предложение свидетельствует о нежелании советской стороны без переговоров отдать КВЖД Китаю.

Более определенно позиция РСФСР по отношению к КВЖД была сформулирована в Обращении к правительству Китайской Республики от 27 сентября 1920 г. В тексте содержался отказ Российской Федерации от боксерской контрибуции и от права экстерриториальности, предлагалось установление регулярных торговых и экономических отношений, взаимное открытие дипломатических и консульских представительств. Последний, VIII пункт Обращения был посвящен проблеме КВЖД. Советская сторона предлагала заключить “специальный договор о порядке пользования Китайской Восточной железной дорогой для нужд РСФСР” между Китаем, Россией и ДВР²⁰.

Как подчеркивает Г.В. Мелихов, в Декларации об образовании ДВР имелась ошибочная формулировка о вхождении в ее состав и полосы отчуждения КВЖД, являвшейся территорией суверенного Китая. Параграф шестой Декларации был сформулирован в следующем виде: “Вся территория Дальневосточной республики от озера Байкал до Тихого океана, включая Забайкальскую, Амурскую и Приморские области, Сахалин, Камчатку и территорию Китайско-Восточной железной дороги объявляется независимым единым государством и никакие территориальные концессии не будут предоставляться иностранным государствам”.

ДВР должна была проводить активную внешнюю политику, главными задачами которой являлись: недопущение военного столкновения с Японией, нормализация советско-китайских отношений с решением вопроса о КВЖД, установление дружбы с китайским соседом ДВР и РСФСР. Вопрос о КВЖД в тот период являлся важнейшей частью советско-китайских отношений, и советское правительство официально передало ДВР право представлять его интересы в переговорах с Китаем о КВЖД.

16 апреля 1920 г. правительству ДВР из Москвы было указано на ошибочность приведенной формулировки относительно пункта шестого Декларации. Наркоминдел РСФСР потребовал выдвинуть перед пекинским правительством предложения о совместном установлении способа сосуществования в полосе отчуждения. Ошибка, таким образом, была отмечена, но по каким-то причинам позднее повторена уже в тексте Правительственной декларации, опубликованной в газете “Дальневосточная республика” от 28 сентября 1920 г. Тем не менее, именно этот текст был получен и опубликован в Пекине, вызвав соответствующие комментарии и возмущение китайских средств массовой информации, переросшие в настоящую кампанию против ДВР и ее мнимых попыток “захвата” китайской территории (полосы отчуждения) и т.п. Официальными кругами Пекина текст был признан неприемлемым. Китайское правительство также отменило экстерриториальность для российских граждан в Маньчжурии и в Китае в целом, введенную для русских подданных русско-китайскими Тяньцзинским и Пекинским трактатами 1858—1860 гг.²¹

31 мая 1924 г. Л.М. Караханом и представителем пекинского правительства Гу Вэйцзюнем было подписано “Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой”, состоявшее из 15 статей. Это был пер-

вый равноправный договор Китая в новейшее время. В этом документе определялось общее направление советско-китайских отношений, основывавшихся на принципах полного равенства и уважения государственного суверенитета и т.д. В ст. IV Соглашения Советское правительство отметило недействительность всех договоров между правительством царской России и третьими странами, ущемляющими суверенитет и интересы Китая. Кроме того, было сделано специальное заявление о необходимости отмены прав экстерриториальности и консульской юрисдикции в Китае. Советское правительство также отказалось от российской части "боксерской контрибуции". Подписание комплекса документов знаменовало немедленное восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Одновременно в развитие ст. IX указанного документа было подписано соглашение о временном управлении КВЖД. Зафиксированная в рассматриваемых документах договоренность относительно КВЖД целиком базировалась на признании ее собственностью Советского Союза. В основном соглашении предусматривалось (ст. IX), что вопрос о КВЖД будет урегулирован на предстоящей советско-китайской конференции, исходя из следующих принципов: КВЖД объявляется чисто коммерческим предприятием, за исключением вопросов, касающихся деловых операций, переданных в непосредственное ведение дороги;

правительство СССР согласно на выкуп КВЖД правительством Китая при посредстве национального капитала. Размер и условия выкупа должны быть определены на советско-китайской конференции²².

Советское правительство сохраняло права собственности и совместно-го управления в отношении железной дороги, мотивируя это тем, что Китай еще не готов принять дорогу под свое одностороннее управление. С другой стороны, Советская Россия с юридической точки зрения со всей определенностью заявила о своем признании прав китайских органов судебной и гражданской власти, а также прав Китая в сферах военных вопросов, полицейского надзора, муниципального управления, налогообложения и земельных вопросов на территории, за исключением той зоны отчуждения, которая использовалась непосредственно под железную дорогу²³. Советско-китайское соглашение получило широкий резонанс на международной арене. Оно имело огромное значение для упрочения позиции обеих стран.

Советско-китайские договоры и соглашения, подписанные до образования КНР и, в частности, в 1924-м г. оцениваются в каждой из двух стран по-разному, т.е. более позитивно в России и менее позитивно в Китае. Следует отметить несовпадение оценок и отсутствие единого мнения в анализе истоков и процесса нормализации советско-китайских отношений. При этом, однако, и в России, и в Китае единодушно признают выгоды нормализации для обеих стран, в то время как на Западе к оценке этого процесса подходят более критично²⁴.

Как подчеркивает Ю.М. Галенович, в КНР считали, что содержащиеся в Соглашении 1924 г. положения относительно совместного управления КВЖД Советским Союзом и Китайской Республикой отражали недостаточную последовательность правительства СССР в отказе от политики Российской империи в этом вопросе, ущемляя суверенитет Китая и нарушая обещания, данные Л.М. Караханом в обращениях к Китаю. КВЖД, полагали в КНР, явилась "продуктом" неравноправного договора, навязанного Китаю империалистической Россией, "концентрированным выражением агрессии против Китая". Поэтому позиция китайской стороны на переговорах 1924 г. состояла в том, что все права на эту железную

дорогу, включая право административного и хозяйственного управления ею, должны были быть целиком и полностью переданы или “возвращены” Китаю.

Советская сторона имела свой взгляд на эту проблему, считая, что необходимо разделять два вопроса. Во-первых, вопрос о суверенитете Китая, который не должен никоим образом ущемляться зарубежными государствами — власти Китая имели право в полной мере осуществлять свои функции на всей территории Китая, в том числе и применительно к КВЖД. Во-вторых, право собственности на коммерческое предприятие на китайской территории. Кроме того, сложилась целая колония граждан России, которые десятилетиями работали на железной дороге и жили здесь со своими семьями²⁵.

КВЖД, действительно, была построена на российские деньги, но не на российской территории, что отражало идею царского правительства о создании под своим экономическим контролем “буферных зон”, посредством которых должна обеспечиваться безопасность России и ее национальных интересов на Дальнем Востоке. Будучи в принципе готовой согласиться с восстановлением суверенитета Китая, советская сторона в то же время старалась обеспечивать собственные государственные интересы, т.е. получить возмещение средств, затраченных на строительство железной дороги и таким образом укрепить Советское государство, а также компенсировать по меньшей мере один компонент внешнего фактора, найти противовес Японии, которая стремилась к бесконтрольным действиям на китайской территории. Подобное стремление Японии наносило ущерб национальным интересам Китая и косвенно Советской России²⁶.

В соответствии с Соглашением 1924 г. Советский Союз и Китай вступали в управление дорогой, а Русско-Азиатский банк был отстранен от дел КВЖД. С.И. Мякиньков подчеркивает, что последующие события показали: победа над Русско-Азиатским банком в 1924 г. обернулась для советской стороны постоянными конфликтами на КВЖД с Китаем. Изменение формально “частного” статуса дороги, проходящей по территории иностранного государства, на государственный, не могло не привести к тому, что с китайской стороны рано или поздно должны были быть выдвинуты обвинения в “нарушении суверенитета”. Поэтому череда советско-китайских конфликтов на КВЖД была предопределена²⁷. Однако “частный” статус КВЖД возможен был в открытом обществе, когда в России существовала рыночная экономика. В условиях же централизованной экономики в СССР и постоянной борьбы за КВЖД ведущих капиталистических держав это было практически нереально.

В работах китайских ученых в последнее время Соглашение 1924 г. рассматривается как Соглашение, подписанное на равноправной основе, но с учетом определенных условий, в том числе справедливого возвращения КВЖД Китаю²⁸. Китайский ученый Чжан Фэнмин подчеркивает: “несмотря на то, что КВЖД не передали Китаю (хотя согласно первому Обращению Советского правительства дорога должна была быть возвращена Китаю), Соглашение 1924 г. явилось первым равноправным договором между двумя государствами. Его значение заключается в том, что он установил новый тип равноправных межгосударственных отношений”. Позитивная оценка дается автором Мукденскому Соглашению от 20 сентября 1924 г., по которому срок передачи КВЖД Китаю сокращался с 80 до 60 лет и которое открыло дорогу экономическому сотрудничеству Северо-Восточного Китая и СССР²⁹.

Подводя итог, можно отметить, что в основе внешней политики Советской России и ее первых внешнеполитических актов содержались принципы полити-

ки равноправности в межгосударственных отношениях, отличавшие ее от политики западных держав, принцип “социалистического” интернационализма. Тем не менее, с учетом переосмысления исторического процесса в России, произошедшего в результате Октябрьской революции, а также анализа современной отечественной и китайской историографий необходимо констатировать, что и во внешней политике Советской России были эпизоды, обоснованные, в частности, стремлением экспортировать советскую власть в зоне КВЖД, на территории Китая. Новый подход к оценке деятельности белой эмиграции позволяет думать, что Правление Общества КВЖД, хотя и не поддержало идеи Октября, но стремилось сохранить КВЖД как собственность Российского государства.

Различное толкование в России и Китае Обращения Совнаркома РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. а также ноты Народного комиссариата иностранных дел китайскому правительству от 27 сентября 1920 г. и, в первую очередь, проблемы КВЖД вызывало разногласия в межгосударственных отношениях двух стран. Когда в 1920 г. Советской Россией уже ставился вопрос о “совместном управлении КВЖД”, в Китае осуществлялась ее критика за непоследовательность действий, хотя в первом Обращении не говорилось о передаче КВЖД Китаю. Не совсем обоснованным было включение зоны КВЖД в состав ДВР. Современная историография КНР в целом позитивно оценивает Соглашение от 31 мая 1924 г., рассматривая его как равноправный договор в межгосударственных отношениях. При этом в Китае существует собственная точка зрения на проблему КВЖД, в связи с чем в Соглашении не особенно акцентируется внимание на коммерческой значимости КВЖД.

1. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1974. С. 5, 16; *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 7—8, 13.
2. *Андреев Г.И.* Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг. Новосибирск, 1983. С. 4, 177.
3. *Галенович Ю.М.* “Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений. Т. 1. М., 1992. С. 44—45; *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 433—434.
4. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М., 1997. С. 18—19, 21—22.
5. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 186—187; *Он же.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927.
6. *Сон До Чжин.* Китайские историки о проблеме КВЖД // Двадцать седьмая научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1996. С. 160—161; Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулуцзюнь юй Дунбэй бяньцзян чжэнцзюй [Охранные войска на КВЖД и политическая обстановка в приграничных районах Северо-Востока]. Пекин, 1993. С. 188, 196, 200.
7. *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 10—11; *Персиц М.А.* Дальневосточная Республика и Китай: Роль ДВР в борьбе советской власти за дружбу с Китаем в 1920—1922 гг. М., 1962. С. 50—51; *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922). Новосибирск, 1983. С. 132—133.
8. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 105—106.
9. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай: шесть договоров. М., 2003. С. 4.
10. Сб. договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927. С. 191—192; *Терентьев Н.* Японский капитал в Маньчжурии. М.,

1932. С. 9; *Аварин В.* "Независимая" Маньчжурия. Изд. 2-е доп. М., 1934. С. 41—42; *Manchuria: Treaties and Agreements.* Wash., 1921. P. 116—118, 141—143.
11. *Сон До Чжин.* Первые переговоры о КВЖД Советской России и Китая // Двадцать седьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1996. С. 105—108; *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 52.
12. *Мелихов Г.В.* Указ. соч. С. 41.
13. *Сон До Чжин.* Первые переговоры о КВЖД Советской России и Китая. С. 108—109; *Он же.* Китайские историки о проблеме КВЖД С. 160.
14. *Светачев М.И.* О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке // Новая и новейшая история. М., 1970. № 5. С. 38; *Сон До Чжин.* Первые переговоры о КВЖД ... С. 109—110; Чжунсу гоцзя гуаньсиши цзыляо хуэйбянь (1917—1924) [Сборник материалов по истории китайско-советских межгосударственных отношений (1917—1924)]. Пекин, 1993. С. 507.
15. Сб. договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927. С. 198—199.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6081, оп. 1, д. 36, л. 21; *Капица М.С.* Указ. соч. С. 19; *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 7; *Аварин В.* Империализм и Маньчжурия. М.; Л., 1931. С. 171—173; *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 152—153; *Чжан Фэнмин.* Чжунго Дунбэй юй Эго (Сулянь) цзинцзи гуаньси [История экономических отношений Северо-Восточного Китая с Россией (СССР)]. Пекин, 2003. С. 131.
17. *Сон До Чжин.* Китайские историки о проблеме ... С. 161; Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу... С. 222, 283—284, 303, 309; *Романова Г.Н.* Россия и Китай: Проблема КВЖД. Концепции отечественной и китайской историографий 1917—1920 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2000. N 2. С. 85.
18. *Сон До Чжин.* Китайские историки о проблеме ... С. 161 —162; *Хуан Тунцю.* Эго цинь Хуа ши ди тоуши [Очерк истории русского империализма в Китае]. Сянган, 1953. С. 84; *Романова Г.Н.* Указ. соч. С. 86.
19. *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 55.
20. Советско-китайские отношения, 1917—1957: Сб. документов. М., 1959. С. 43—45, 51—53; *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 56—57.
21. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февр. 1920 — нояб. 1920 г.): Документы и материалы. В 2-х ч. Ч. I. Владивосток:, 1993. С. 163—165; *Мелихов Г.В.* Указ. соч. С. 88—89.
22. Советско-китайские отношения ... С. 82—85; *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 51—64; *Капица М.С.* Указ. соч. С. 116—125.
23. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии... С. 441—442.
24. Там же. С. 310.
25. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай: шесть договоров ... С. 64.
26. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии ... С. 437.
27. *Мякиньюков С. И.* Послеоктябрьская судьба КВЖД: Поиски решения (1922—1924) // Восток. 2004. N 5. С. 41.
28. Чжунсу цзинцзи маои ши [История китайско-советских торгово-экономических отношений]. Харбин, 1992. С. 256; *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дицзюй шицзи чжицзяоды чжун-э гуаньси [Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке за столетие]. Харбин, 2000. С. 197—198.
29. *Чжан Фэнмин.* Указ. соч. С. 132—133.

Малоизвестные страницы российско-китайских отношений. Визит посольства Цинской империи в Санкт-Петербург в 1870 г.

© 2009

Н. Самойлов

В статье на основе китайских и российских источников рассказывается о пребывании в Санкт-Петербурге китайской дипломатической миссии во главе с Ансоном Бурлингэмом, Чжи Ганом и Сунь Цзягу. Приводятся неизвестные детали этого визита, показывающие, что российское правительство принимало китайскую делегацию на самом высоком уровне с соблюдением основных правил и норм дипломатического этикета того времени. Отмечается, что именно в Санкт-Петербурге ввиду кончины главы посольства американского дипломата Бурлингэма произошла смена реального руководителя миссии. Это первое официальное посольство Цинской империи в страны Запада стало значительной вехой в развитии отношений между Россией и Китаем и способствовало переходу их на качественно новый уровень, открыв путь для создания в России постоянного дипломатического представительства Китая.

Ключевые слова: Россия, Китай, дипломатические миссии, Бурлингэм, Чжи Ган, Санкт-Петербург

История российско-китайских отношений XIX в. изучена достаточно хорошо. Однако до настоящего времени исследователей привлекали в первую очередь крупные события во взаимоотношениях России и Цинской империи. Наибольшее внимание уделялось перипетиям подписания важнейших межгосударственных договоров и вопросам установления российско-китайской границы. Если же результатом той или иной дипломатической миссии не становилось подписание какого-либо судьбоносного документа, историки обычно обходили своим вниманием подобные контакты между двумя государствам. Вместе с тем, рассмотрение этих малоизвестных эпизодов российско-китайских отношений может оказаться интересным прежде всего с точки зрения изучения процесса взаимодействия двух государств, представлявших по своей сути два разных социокультурных типа. Приезды китайских дипломатических миссий в Россию в условиях вхождения Китая в западную систему международных отношений стали важной вехой в процессе становления нового типа отношений между Российской и Цинской империями.

После поражения Китая во второй “опиумной” войне и подписания серии неравноправных договоров с западными державами цинское правительство начало всерьез задумываться об изменении содержания и методов взаимоотношений с иностранными государствами. Постепенно среди реалистично мыслящей части цинских сановников возникло представление о необходимости установления равноправных, с точки зрения общепринятых международных норм того времени, отношений со странами Запада. Руководство специально созданного внешнеполитического ведомства — Цзунли ямэня, во главе которого стоял великий князь Гун, стремилось вывести Китай из той дипломатической изоляции, в которой страна продолжала пребывать в силу господства традиционных представлений о месте Срединного государства в мире.

Новые руководители внешней политики страны постепенно осознали, что без знания западных реалий и соблюдения китайской дипломатией общемировых норм и стандартов межгосударственных отношений более невозможно вести дела с другими державами и развивать с ними какие-либо связи. Поэтому в целях ознакомления с жизнью зарубежных стран и подготовки условий для установления постоянных дипломатических отношений с ними в Цзунли ямэне было принято решение направить за пределы Китая специальные миссии, участникам которых вменялось в обязанность ведение дневниковых записей и составление соответствующих отчетов.

После возвращения в Китай в 1866 г. миссии во главе с Бинь Чунем¹ началась подготовка к отправке нового посольства с более широкими полномочиями, перед участниками которого была поставлена конкретная задача выяснения условий для создания постоянных дипломатических представительств Цинской империи в зарубежных странах.

Великий князь Гун и руководство Цзунли ямэня пришли к заключению, что успех посольства во многом будет зависеть от знания норм международного права, соблюдения дипломатического протокола и этикета и умения вести переговоры так, как это принято на Западе. Поскольку китайские чиновники имели обо всем этом весьма смутное представление, возникла идея обратиться к кому-либо из западных дипломатов с просьбой возглавить китайскую миссию в США и европейские государства (при этом учитывался удачный опыт успешной деятельности Роберта Харта по организации миссии Бинь Чуня).

На этот раз выбор пал на американца Ансона Бурлингэма², пользовавшегося расположением великого князя Гуна и некоторых других высокопоставленных цинских сановников.

А. Бурлингэм родился 14 ноября 1820 г. в штате Нью-Йорк. Получил юридическое образование в Мичиганском университете, работал адвокатом в Бостоне. Трижды избирался в Конгресс США. В 1861 г. американское правительство предложило А. Бурлингэму занять пост посла Соединенных Штатов в Австро-Венгрии, однако австрийские власти отказались его принять из-за его сочувствия к итальянскому и венгерскому национально-освободительному движению. 14 июня того же года президент США Авраам Линкольн назначил Ансона Бурлингэма американским посланником в Цинской империи. За время работы в Пекине у него сложились доверительные отношения с великим князем Гуном. Показательно, что когда в 1865 г. он временно покидал китайскую столицу, самые высокие официальные лица посетили американское посольство, чтобы пожелать ему счастливого пути. После того, как в 1867 г. А. Бурлингэм прекратил исполне-

ние обязанностей американского посланника в Китае, именно ему от имени Цзунли ямэня было предложено возглавить китайское посольство на Запад.

В конце 1867 г. началось формирование состава миссии. Официально во главе ее были поставлены три человека, имевшие ранги Чрезвычайных Посланников и Полномочных Министров: Ансон Бурлингэм, Чжи Ган и Сунь Цзягу. В состав посольства также входили: секретарь, обязанности которого выполнял француз Е. де Шан (в прошлом — секретарь миссии Бинь Чуня), три драгомана и врач. К посольству были также прикомандированы несколько студентов школы иностранных языков Тунвэньгуань.

Чжи Ган, назначенный одним из руководителей посольства, до этого служил в Министерстве церемоний (Ли бу), а затем, выдержав экзамены, занял должность правителя канцелярии в Цзунли ямэне. Он вошел в историю как автор дневниковых записей, которые вел во время пребывания посольства в зарубежных странах. Его дневник был опубликован в КНР в 1981 г. в рамках серии “Цзоу сян шицзе” (“Идти навстречу миру”)³ и переиздавался в дальнейшем. Информация, собранная Чжи Ганом, и его впечатления об увиденном на Западе являются ценным источником, позволяющим реконструировать события, связанные с ходом той миссии.

Посольство отбыло из Шанхая 25 февраля 1868 г. и вернулось в Китай в октябре 1870 г. В меморандуме, обнародованном в связи с направлением посольства в страны Запада, говорилось, что важнейшей его целью является знакомство с условиями жизни и источниками силы иностранных государств. Миссия имела и конкретные дипломатические поручения.

После посещения Соединенных Штатов, где 28 июля 1868 г. был подписан договор между США и Цинской империей устанавливались формально дружественные отношения, и Китай получал право иметь своих консулов в американских портах (этот договор также известен как Договор Бурлингэма). Затем посольство побывало в столицах крупнейших европейских государств: Париже, Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Берлине.

В феврале 1870 г. китайские послы прибыли из Пруссии в Россию. В Санкт-Петербурге их принимали на еще более высоком уровне, чем миссию Бинь Чуня. Анализ соответствующих страниц дневника Чжи Гана, документов, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), а также публикаций в петербургских газетах того времени позволяет воссоздать основные события, связанные с пребыванием этого официального китайского посольства в России.

Министерство Императорского Двора, проведя консультации с Министерством иностранных дел, приняло решение организовать прием китайской делегации в соответствии с нормами и правилами, применявшимися при приемах европейских посольств, тем самым высоко оценив статус данной миссии. Церемония встречи и приема китайских гостей в императорском дворце была проведена в соответствии со всеми требованиями придворного этикета того времени. При этом сохранившиеся документы позволяют реконструировать ее практически полностью.

4(16) февраля 1870 г. в Зимнем дворце состоялась аудиенция у императора Александра II. Утром к 12 часам к гостинице Клея на Михайловской улице, где разместились китайские посланники, были присланы три придворные кареты, которые по Невскому проспекту направились к Иорданскому подъезду Зимнего дворца. В первой карете ехали все три Чрезвычайных Посланника в сопро-

вождении переводчика Азиатского департамента МИД Оларовского. В Фельд-маршальском зале Зимнего их встречал комендант дворца и был выставлен почетный караул из казаков. В Гербовом зале китайских посланников приветствовал пехотный караул. Гофмаршал князь Голицын встретил китайскую делегацию в Желтой комнате, где гостям были предложены чай и сладости. После небольшого отдыха члены посольства прошли в Белый зал, где был выставлен караул из роты дворцовых гренадер. Там их встретили Обер-церемониймейстер граф Ливен и директор Азиатского департамента МИД Стремоухов.

Граф Ливен ввел трех китайских посланников в Золотую гостиную на аудиенцию к императору Александру II и императрице Марии Александровне. На аудиенции присутствовали государственный канцлер князь Горчаков, товарищ министра Императорского Двора граф Адлерберг, великий князь Владимир Александрович, вице-адмирал Посыет, генерал Перелешин, обер-камергер граф Шувалов, директор Азиатского департамента МИД Стремоухов и др.

Посланники, войдя в гостиную, несколькими поклонами приветствовали российского императора. Затем Бурлингэм зачитал письмо китайского императора и передал его Александру II. В своей речи американский дипломат, выступавший в роли китайского посланника, говорил о “двухсотлетней дружбе между Россией и Китаем”⁴, повторив тем самым фразу, которую во время своего визита в Россию в 1866 г. постоянно произносил Бинь Чунь. Российский император в ответной речи, произнесенной на французском языке, весьма одобрительно отзывался о “дружелюбных отношениях Китая и России и о процветании международной торговли обоих государств”⁵.

В конце аудиенции в Золотую гостиную была введена свита посланников Цинской империи, и Бурлингэм представил ее царю. Затем состоялась достаточно непринужденная беседа, в ходе которой Александр II представил китайским посланникам своего сына великого князя Алексея Александровича — большого любителя морских путешествий. Показательно, что в следующем году он был назначен старшим офицером на фрегат “Светлана” и совершил длительное плавание, в ходе которого посетил Китай и Японию.

Супруга А. Бурлингэма была отдельно представлена императрице в ее будуаре.

Однако столь успешно начавшийся визит китайского посольства в Санкт-Петербург имел трагическое продолжение. На следующий день после аудиенции в Зимнем дворце Бурлингэм заболел и через несколько дней скончался от воспаления легких в гостинице Клея. Согласно сообщениям петербургских газет, смерть главы китайского посольства наступила утром 11 (23) февраля⁶, в то время как в архивных материалах указывается 10 (22) февраля⁷. По всей видимости, А. Бурлингэм скончался в Санкт-Петербурге в ночь с 10 на 11 февраля (ст. стиль).

Отпевание происходило 14 (26) февраля в 14.00 в Англиканской церкви (здание на Английской набережной, д. 56 сохранилось до наших дней). Помимо семьи покойного и членов китайского посольства в траурной церемонии участвовали многочисленные представители дипломатического корпуса, российские сановники, генералы. Все были в парадной форме. Среди присутствовавших при отпевании находились товарищ министра иностранных дел, тайный советник и сенатор Вестман, директор Азиатского департамента МИД Стремоухов, российский посланник в Китае генерал Влангали, генерал-адъютанты свиты Его Императорского Величества князь Урусов, Трепов и Анненков, а также послы США, Великобритании, Франции и др. Тело Бурлингэма было забальзамировано и пе-

ревезено для погребения в Соединенные Штаты⁸. Чжи Ган с чувством глубокого сожаления и печали описал в своем дневнике обстоятельства его кончины и процедуру отпевания⁹. Похоронен Ансон Бурлингэм на кладбище в Кембридже (штат Массачусетс)¹⁰.

Таким образом, именно в Петербурге произошла смена фактического главы первого официального посольства Цинской империи в страны Запада. Эти обязанности принял на себя Чжи Ган. Связавшись по телеграфу с Пекином, Чжи Ган и Сунь Цзягу получили указание не только продолжить свой визит в Петербург, но и посетить все заранее запланированные европейские столицы.

Кончина Бурлингэма повысила интерес российских журналистов к послам из Китая. Информация об их пребывании в Петербурге и дальнейших планах появилась в основных столичных газетах. Была продолжена прерванная из-за болезни и смерти главы миссии программа аудиенций, встреч и переговоров.

О значении, которое придавалось в российской столице визиту китайской делегации, свидетельствует тот факт, что она была принята многими высокопоставленными особами, в том числе членами императорской фамилии. Чжи Ган и остальные члены миссии были удостоены аудиенции у наследника-цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III) и цесаревны Марии Федоровны. «При приеме Их Высочествами китайских посланников со свитой придерживались приема европейских посланников». Их также принимали братья императора: великий князь Константин Николаевич, занимавший пост председателя Государственного совета, и великий князь Николай Николаевич (Старший) — член Государственного совета и генерал-инспектор кавалерии, а также его супруга — великая княгиня Александра Петровна. С китайскими дипломатами встречались сыновья Александра II: великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, великая княгиня Елена Павловна (вдова дяди императора, великого князя Михаила Павловича), принц Петр Георгиевич Ольденбургский, великая княгиня Екатерина Михайловна и ее супруг герцог Георг Мекленбургский¹¹. Все они проявили нескрываемый интерес к гостям из Китая.

Обширной и насыщенной оказалась также и культурная программа визита. Члены китайской делегации смогли познакомиться с достопримечательностями российской столицы и ее окрестностями, посетили музеи, которые, судя по дневнику Чжи Гана, произвели на них большое впечатление¹².

Пребывание китайского посольства в Петербурге продолжалось более двух месяцев. 4 (16) апреля в Зимнем дворце состоялась прощальная аудиенция у российского императора, в которой участвовал канцлер А.М. Горчаков. Чжи Ган отметил в дневнике, что во время аудиенции Александр II осведомился у китайских посланников о том, как они переносят холодную русскую погоду, что было не случайно, учитывая простуду, вызвавшую кончину первого главы посольства, и выразил надежду на дальнейшее развитие взаимовыгодной торговли между двумя странами. На прощание он пожелал членам китайской делегации счастливого пути¹³. В свою очередь Чжи Ган представил Александру II секретаря миссии англичанина Брауна.

После отъезда из России цинское посольство, возглавляемое Чжи Ганом, посетило Бельгию, Италию и Испанию и направилось на родину.

Подводя итоги, следует признать большое значение посольства Ансона Бурлингэма — Чжи Гана в деле развития китайской дипломатии нового времени. Оно стало первым официальным посольством Цинской империи в стра-

ны Запада, в то время как миссия Бинь Чуня носила скорее ознакомительный характер. Более высокий статус этого посольства позволил его руководителям встретиться с широким кругом официальных лиц, что отчетливо проявилось во время пребывания в Санкт-Петербурге. В ходе визитов в различные государства руководители и сотрудники миссии смогли подробно познакомиться с жизнью западных стран и на практике начать освоение приемов и методов современной дипломатии.

Данное посольство стало значительной вехой в развитии отношений между Россией и Китаем и способствовало переходу их на качественно новый уровень, открыв пути для создания в России постоянного дипломатического представительства Китая.

Миссии, направлявшиеся во второй половине XIX в. из стран Азии в США и Европу, способствовали распространению в азиатских государствах знаний о западных странах, давали возможность собственными глазами увидеть отличия экономики, политической и культурной жизни, нравов, обычаев и традиций этих стран от стран Азии. Естественно, что процесс осмысления увиденного происходил сквозь призму традиционного мировосприятия. Но новое все активнее пробивало себе дорогу. Таким образом, китайские дипломатические миссии в XIX в., в том числе и цинское посольство во главе с Бурлингэмом, Чжи Ганом и Сунь Цзягу, играли роль своеобразных трансляторов коммуникационного кода социокультурного взаимодействия Китая со странами Запада, включая Россию.

1. Подробнее см.: *Новгородская Н.Ю.* Малоизвестный визит китайского дипломата в Россию // *Проблемы Дальнего Востока.* 1991. № 4. С. 105—111.
2. В данной статье мы будем придерживаться именно этого варианта написания его имени и фамилии, как это уже принято в отечественной китаеведной литературе. См. упоминание о его миссии: *Новая история Китая.* М., 1972. С. 244. Существует и иной вариант транскрибирования фамилии: Бурлингейм.
3. *Чжи Ган.* Чу ши тай си цзи [Записки о первом посольстве на Запад]. Чанша, 1981.
4. Там же. С. 89.
5. РГИА. Ф. 516, оп. 125/2382, д. 178. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20об.
6. *Голос.* 1870. № 43; *Новое время.* 1870. № 42; *Правительственный вестник.* 1870. № 35; *Санкт-Петербургские ведомости.* 1870. № 43.
7. РГИА. Ф. 473, оп. 1, д. 1349. О приемной аудиенции у Государя Императора китайским посланникам и о представлении их Великим Князьям и Великим Княгиням. Л. 61об.
8. *Голос.* 1870. № 47.
9. *Чжи Ган.* Указ. соч. С. 90—91.
10. Память об Ансоне Бурлингэме увековечена в названиях двух американских городов в штатах Калифорния и Канзас.
11. РГИА. Ф. 473, оп. 1, д. 1349, л. 24—52.
12. *Чжи Ган.* Указ. соч. С. 90, 93—94.
13. Там же. С. 97.

Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932-1937 гг.)

© 2009

А. Сидоров

Рассматривается ход подготовки пакта о ненападении, подписанного СССР и Китаем 21 августа 1937 г. С привлечением архивных материалов АВП РФ и РГАСПИ анализируются основные этапы разработки этого договора, сопоставляются различные его проекты, прослеживается эволюция переговорных позиций обеих стран в широком контексте их политических взаимоотношений.

Ключевые слова: договор, Китай, ненападение, отношения, пакт о ненападении, подписание, Советский Союз.

В отношениях между Москвой и Нанкином по государственной линии после их нормализации в декабре 1932 г. ключевое значение имел вопрос о заключении нового общеполитического договора, который мог бы стать правовой базой взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в условиях нарастания японской агрессии в регионе Дальнего Востока. Переговоры, посвященные его разработке, велись, начиная с июня 1932 г., и завершились подписанием 21 августа 1937 г. пакта о ненападении между СССР и Китаем.

* * *

К началу 1930-х гг. советско-китайские отношения переживали глубокий кризис. В декабре 1927 г. Нанкинское правительство, стоявшее на антикоммунистических позициях, заявило о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. Он, в свою очередь, тоже не признал режим Чан Кайши и оказывал через Коминтерн всестороннюю помощь КПК.

Первые признаки улучшения, казалось, безнадежно испорченных отношений наметились в сентябре 1931 г., после начала агрессии Японии в Маньчжурии. В марте 1932 г. здесь было провозглашено прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-Го. Лига Наций и ведущие западные державы заняли позицию невмешательства в конфликт и в нарушение Устава Лиги не ввели против агрессора никаких санкций. В создавшейся крайне опасной ситуации затянувшаяся ссора с Москвой становилась для Чан Кайши непозволительной роскошью. 25 июня 1932 г. делегат Китая в Лиге Наций Янь Хуэйцин (В.В. Иен) на встрече в Женеве с наркомом по иностранным делам М.М. Литвиновым официально предложил СССР восстановить дипломатические отношения. В тот же день в Москве об этом заявил и китайский представитель Мо Дэхой в беседе с

заведующим Вторым восточным отделом НКВД Б.А. Козловским¹. Нанкин, однако, выдвинул в качестве дополнительного условия одновременное подписание пакта о ненападении. Так этот вопрос был впервые поставлен в отношениях между СССР и Китаем — причем по инициативе последнего.

В Нанкине отнюдь не опасались советского вторжения. Предложенный формат договора был избран китайской стороной по другим причинам. Во-первых, она учитывала то обстоятельство, что подписание договоров о ненападении и нейтралитете было провозглашено Москвой одним из ее ключевых внешнеполитических приоритетов. Во второй половине 1920-х гг. СССР заключил такие договоры с Германией (1926 г.), Литвой (1926 г.), а также с Турцией (1925 г.), Афганистаном (1926 г.) и Ираном (1927 г.). В 1932 г. ввиду ухудшения международной обстановки началась “вторая волна” заключения пактов о ненападении: в январе 1932 г. СССР подписал пакт с Финляндией, в феврале 1932 г. — с Латвией, в мае 1932 г. — с Эстонией. Близилась к завершению переговоры с Польшей, в разгаре были переговоры с Францией². В результате в июле 1932 г. СССР имел договоры о ненападении и нейтралитете с восемью из девяти своих соседей на западных и южных границах (в Европе ему не удалось договориться только с Румынией из-за нерешенного территориального спора из-за Бессарабии). Так что китайская инициатива весьма удачно вписывалась в общий контекст советской внешней политики.

В декабре 1931 г. СССР выступил с инициативой заключения пакта о ненападении с Японией. Она носила демонстративно примирительный характер: части Квантунской армии в это время быстро продвигались вглубь Маньчжурии в направлении советской границы³. Японская сторона взяла долгую паузу для изучения этого предложения и к июню 1932 г. еще не дала на него определенного ответа.

Таким образом, Китай был единственным соседом Советского Союза, с которым не было заключено и которому даже не предлагалось заключить договор о ненападении⁴. Думается, что в Москве сознательно не поднимали этого вопроса, желая сохранить за собой свободу рук для стимулирования революционных процессов в Китае.

Еще одной причиной инициативы Нанкина стала его растущая озабоченность советской политикой в маньчжурском кризисе. Желая ни в коем случае не допустить военного столкновения с Японией, СССР еще весной 1932 г. признал “де-факто” Маньчжоу-Го и дал согласие на открытие консульств Маньчжоу-Го в Чите и Благовещенске. Прежние китайские члены правления КВЖД, назначенные с согласия гоминьдановского правительства, были заменены на представителей марионеточных маньчжурских властей, а саму железную дорогу было разрешено использовать для перевозок японских войск. Эти и другие шаги были восприняты в Нанкине как свидетельство стремления Москвы достичь компромисса с Японией в ущерб территориальной целостности Китая.

О намерениях правительства Чан Кайши советскому руководству стало известно заблаговременно из разведывательных источников⁵. 16 июня 1932 г. Молотов и Каганович сообщили о них Сталину, находившемуся на отдыхе в Сочи. “Считаем, что решение Нанкина, — предупреждали они, — в основном определяется опасениями нашего сближения с Маньчжоу-Го. Восстановление отношений, да еще путем подписания пакта о ненападении, будет ставить своей целью затруднить нам установление нужных нам отношений с Маньчжоу-Го. Можно быть уверенным, что китайцы прямо включают в пакт о ненападении какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике”⁶. Сталин с этими аргументами согласился.

Китайское предложение вызвало острую полемику в руководстве Наркоминдела. Нарком М.М. Литвинов, находившийся в тот момент в Женеве, высказался в пользу его принятия, считая необходимым восстановить отношения как можно скорее. Однако его первый заместитель Н.Н. Крестинский и замнаркома Л.М. Карахан, курировавший Дальний Восток, выступили резко против. Крестинский обратился в этой связи с пространным письмом к оставшемуся “на хозяйстве” в Москве вместо Сталина секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, в котором детально аргументировал свою позицию. “Если мы приступим к переговорам о пакте, — писал Крестинский, — сразу же встанет вопрос о границах Китая. Нам придется сказать, включаем ли мы Маньчжурию в состав территории, о ненападении на которую мы договариваемся с Нанкином, или не включаем. Если мы скажем, что включаем, это поведет к конфликту с Японией и Маньчжурией (имеется в виду Маньчжоу-Го. — А.С.). Если мы скажем, что не включаем, это сразу поссорит нас с Нанкином и сорвет как пакт, так и возобновление дипломатических отношений... Если мы изберем промежуточный путь и откажемся включать в пакт вопрос о северных границах Китая, то переговоры не приведут к результатам, и у нас не будет ни пакта, ни возобновления нормальных отношений”⁷. Возражая наркому, Крестинский отмечал: “Тов. Литвинов... боится ссылок Китая на то, что мы согласились разговаривать о пакте с Румынией, с которой у нас также нет дипотношений. Очень легко разбить этот аргумент. Мы стали разговаривать с Румынией о заключении пакта без предварительного возобновления дипотношений только потому, что от этого зависело заключение пактов с другими нашими западными соседями... В наших отношениях с Китаем нет никакой аналогии с тем, что имеется на нашей западной границе... Тов. Литвинов в качестве компромисса предлагает не заключать пакт до нормализации отношений..., но переговоры немедленно начать. Это предложение имеет все минусы китайского предложения и не дает нам никаких дополнительных плюсов”. Поэтому, резюмировал Крестинский, “если мы настаиваем на том, чтобы сначала были возобновлены нормальные отношения, и только после этого приступим к переговорам о пакте, то ...неудача переговоров о пакте при наличии возобновленных дипотношений для нас большого значения иметь не будет”⁸. Поддерживая своего коллегу, Карахан писал Кагановичу: “Так как мы не заинтересованы в быстром начале переговоров с Нанкином, то мы должны сделать так, чтобы переговоры о пакте начались после фактического обмена диппредставителями”⁹.

В результате вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро, которое поддержало позицию Крестинского и Карахана. 29 июня 1932 г. оно предложило Литвинову заявить китайскому представителю в Женеве: “Совпра (Советское правительство. — А.С.) не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений”¹⁰. Молотов и Каганович в телеграмме Сталину в Сочи поясняли мотивы принятого решения: “Нанкин рассчитывает переговорами о пакте или связать нас в отношении Маньчжоу-Го, или, прощупав нас и убедившись, что мы сохраняем свободные руки в отношении Маньчжоу-Го, на этом порвать”. Сталин вновь их поддержал¹¹.

Советско-китайские контакты в Женеве и в Москве продолжались всю вторую половину 1932 г. В конце концов китайцы были вынуждены уступить, и 12 декабря 1932 г. дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены без всяких предварительных условий. Это событие вызвало резко негативную реакцию Японии — она в ответ официально отклонила советскую инициативу о заключении пакта о ненападении.

В апреле 1933 г. в Китай прибыл советский полпред Д.В. Богомолов. На первой же встрече с ним, состоявшейся 8 мая 1933 г., министр иностранных дел Лу Вэньгань вновь поднял вопрос о заключении договора, а 11 мая вручил Богомолову его проект, разработанный китайским МИДом. Нанкин стремился подписать договор как можно скорее, поскольку "ползучая" японская агрессия в Китае продолжалась. В феврале 1933 г. Квантунская армия захватила провинцию Жэхэ, а 27 марта 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций. В сложившейся ситуации Китай стремился добиться от Москвы признания своей территориальной целостности и суверенных прав на Маньчжурию. Поэтому, как отмечалось в подготовленной Наркоминделом экспертизе китайского проекта, наряду с обычными сформулировками в нем содержалась и статья, "придававшая ему особый характер... а именно предусматривающая отказ от всякого признания де-юре и де-факто положений, созданных агрессией третьей державы. Эта статья, очевидно, имела в виду воспрепятствовать продаже КВЖД, а также поддержанию официальных отношений с Маньчжоу-Го"¹².

В Москве, однако, не собирались ставить проводимый курс на недопущение вооруженного конфликта с Японией в зависимость от устремлений Нанкина. 15 мая 1933 г. Литвинов официально заявил о планах Советского Союза продать КВЖД властям Маньчжоу-Го. Советская сторона решила затянуть изучение китайского проекта и тем временем прояснить намерения Токио относительно судьбы КВЖД (а возможно, и заключить соглашение о ее продаже), после чего вновь вернуться к вопросу о договоре с Китаем. 10 июня 1933 г. коллегия НКВД постановила "не форсировать переговоров" с Нанкинским правительством¹³. По этому поводу сменивший Карахана в должности куратора дальневосточных дел замнаркома Г.Я. Сокольников 17 июня 1933 г. писал Богомолову: "У китайцев не должно быть впечатления, что мы отклоняем переговоры, не хотим заключить пакта и т.д. Конечно, они поймут, что мы несколько медлим, но, кажется, в Китае медлительность еще не считается очень плохим тоном..."¹⁴. В ответ Богомолов в письме от 23 июня 1933 г. отмечал: "Я вполне согласен с установкой НКВД, что в настоящий момент нецелесообразно форсировать вопрос о пакте о ненападении". При этом полпред признавал: "Если мы придем к соглашению с Маньчжоу-го и Японией о продаже КВЖД, конечно, нужно будет считаться с некоторым ухудшением советско-китайских отношений"¹⁵.

Переговоры о продаже КВЖД начались в Токио в июне 1933 г. Они проходили исключительно трудно. Очень скоро стало очевидно, что рассчитывать на их скорое завершение не следует. 16 августа 1933 г. Д.В. Богомолов сообщил, наконец, китайской стороне о согласии СССР на заключение пакта. Однако представленный ею проект был решительно отвергнут: в Москве даже не захотели взять его "за основу". 10 сентября 1933 г. коллегия НКВД поручила правовому отделу составить контрпроект "на базе пакта с Турцией"¹⁶, а спустя несколько дней утвердила подготовленный юристами документ. Он, по замечанию Соколова, "примыкал к турецкому образцу, ...который оказался наиболее удобным с точки зрения формулировок, позволяющих избегать именно тех вопросов, которые особенно подчеркнуты в китайском проекте (вопросы, связанные эвентуально с Маньчжоу-Го и т.п.)"¹⁷. Принципиально важная для Нанкина статья о непризнании результатов агрессии третьей державы была из него исключена. Вместе с тем в нем появился раздел, который должен был обеспечить советской стороне свободу экономической деятельности в МНР и Синьцзяне. Наконец, из преамбулы проекта была удалена ссылка на Пекинское соглашение от 31 мая 1924 г., согласно которому СССР обязывался не продавать КВЖД третьим стра-

нам, а также признавал суверенитет Китая над Внешней Монголией. В таком виде концепция договора, безусловно, не могла заинтересовать официальный Нанкин.

13 октября 1933 г. Богомоллов вручил контрпроект Ван Цзинвэю. Из состоявшейся беседы полпред неожиданно узнал, что позиция Нанкинского правительства изменилась, и оно “в данный момент уже не хочет торопиться с пактом”¹⁸. Время шло, а ответа на советский проект не было. 16 декабря 1933 г. Сокольников в очередном письме полпреду сделал вывод: вопрос о пакте в Нанкине решили “основательно замариновать”¹⁹.

По мнению руководства Наркоминдела, причины подобной “пассивности и медлительности” заключались в следующем: “1) Китайское правительство было убеждено в неизбежности войны между СССР и Японией и поэтому решило не спешить с заключением пакта... 2) Китпра... опасалось ухудшения японо-китайских отношений и репрессий со стороны Японии в случае заключения пакта... 3) Некоторые деятели (группа Т.В. Суна) (Сун Цзинвэя — министра финансов и самого богатого человека Китая. — А.С) считали, что пакт о ненападении не представляет большой ценности..., так как он предусматривает только нейтралитет договаривающихся сторон”²⁰. 30 января 1934 г. Т.В. Сун прямо заявил Богомоллову, что Китай не может позволить себе пойти на заключение пакта, так как это “приведет к усилению японской агрессии в Северном Китае”. Китайцы, — резюмировал полпред, — решили “похоронить с вежливым приличием пакт о ненападении”²¹.

Советский Союз, в свою очередь, тоже рассматривал данный вопрос прежде всего через призму своих отношений с Токио. 8 августа 1934 г. Сокольников писал Богомоллову: “Учитывая продолжающееся еще кризисное состояние наших отношений с Японией, мы не должны делать никаких шагов... в отношении Китая, которые могли бы обострить наши отношения с Японией. Мы по-прежнему не заинтересованы в заключении с Китаем пакта о ненападении”²².

Казалось, этот внешнеполитический проект был окончательно похоронен. Обе державы не собирались воевать друг с другом, прекрасно об этом знали и не нуждались в правовых гарантиях ненападения. В формате пакта каждая из них пыталась разрешить те или иные интересовавшие ее конкретные внешнеполитические вопросы, не имевшие к нему прямого отношения.

Советско-китайские переговоры проходили на фоне нового всплеска гражданской войны между Гоминьданом и КПК и тяжелых поражений коммунистов. 30 сентября 1934 г. Исполком Коминтерна дал согласие на уход главных сил китайской Красной армии из Центрального советского района в Хунань. На время знаменитого Великого похода радиосвязь Коминтерна с Красной армией была утрачена. В период с октября 1934 г. по апрель 1936 г., когда ее удалось наконец восстановить, в Москве имели весьма скудные и отрывочные сведения о судьбе Красной армии, получаемые, в основном, по каналам разведслужб. К лету 1935 г. советское движение в Китае было почти полностью разгромлено, погибла основная масса членов КПК.

Одержав победу над коммунистами, правительство Чан Кайши вместе с тем потерпело провал в попытках поиска компромисса с Токио. Дальнейшее расширение японской агрессии, наряду с явным уменьшением “коммунистической опасности”, заставило руководителей Китая сделать в 1934 г. решительные шаги навстречу СССР. 6 июня 1934 г. Богомоллов доложил в Москву о беседе с Чан Кайши, в которой тот заявил, что “в случае конфликта СССР с Японией китайский народ будет на стороне русского”²³. Полпред указывал на эволюцию взглядов руководителя Гоминьдана, который “отходит от прежней прояпонской позиции и ищет пути к соглашению с нами”. Это желание Чан Кайши “вызвано в известной

мере также ослаблением Центрального советского района". Полпред обращал внимание НКИД и на укрепление властных позиций Чан Кайши, "авторитет которого за последний год среди китайской буржуазии чрезвычайно возрос"²⁴.

В Центре к этим донесениям отнеслись очень серьезно. Богомолов был вызван в Москву для доклада. В ноябре 1934 г. в Наркоминделе состоялось большое совещание с участием его и Стомонякова, нового заместителя наркома по Дальнему Востоку. На нем было признано необходимым "продолжить линию на дальнейшее сближение с Чан Кайши"²⁵ и вынести данный вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). Вместе с тем заключение двустороннего пакта о ненападении, "ввиду позиции Китая", было решено пока считать неактуальным²⁶.

По итогам совещания Стомоняков 8 января 1935 г. направил Сталину и Молотову концептуальную записку "Касательно отношений с Китаем". В ней подробно анализировались причины "сдвигов во внешнеполитических установках Чан Кайши и его стремление к установлению отношений с нами"²⁷. "Нет никаких оснований, — делал вывод Стомоняков, — продолжать далее держать наши отношения с Китаем в том состоянии "консервации", в котором они пребывают в настоящее время. Постепенное улучшение наших отношений с Китаем привело бы к дальнейшему росту нашего международного значения, в частности в Азии. В то же время, нося совершенно мирный и недемонстративный характер, это сближение не могло бы повредить и нашим отношениям с Японией"²⁸. Ему должно было способствовать и то обстоятельство, что "Чан Кайши не стремится к заключению с нами каких-либо формальных политических договоров или к публичным демонстрациям китайско-советского сближения"²⁹. К записке прилагался перечень конкретных мероприятий, согласованный с Литвиновым.

Инициатива НКИД была одобрена руководством страны, хотя и не сразу. Необходимо было дождаться завершения переговоров о продаже КВЖД и реакции на это событие в Китае. 23 марта 1935 г. соглашение между СССР и Маньчжоу-Го было подписано. В Нанкине встретили эту новость спокойно, воздержавшись от острой критики и обвинений в адрес Москвы. А уже 19 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программное постановление: "Об активизации наших отношений с Китаем". В нем Богомолову поручалось по возвращении в Нанкин "заявить Чан Кайши и Ван Цзинвэю, ... что Советское правительство проникнуто желанием установить дружественные отношения с Китаем, основанные на полном уважении взаимных прав и интересов, ...специально заверить Нанкинское правительство в абсолютном уважении Советским Союзом суверенных прав Китая, целостности и неприкосновенности его территории, в том числе и в Синьцзяне"³⁰. (Последнее было особенно актуально в свете активного советского проникновения в эту китайскую провинцию, где у власти находился демонстрировавший лояльность Москве дубань Шэнь Шицай). В постановлении намечался ряд конкретных мер по улучшению двусторонних отношений (переговоры о торговом договоре, открытие паромной линии Владивосток — Шанхай, развитие работы по культурному сближению и т.д.). Наконец, второй пункт постановления гласил: "Считать целесообразным предложить Нанкинскому правительству заключение пакта о ненападении. Поручить НКИД представить проект пакта"³¹. Как видим, Политбюро решило пойти навстречу Нанкину даже дальше, чем предлагалось Наркоминделом.

Уже 23 марта 1935 г. Литвинов направил Сталину новый проект договора, который кардинально отличался от предыдущего и действительно учитывал основные китайские озабоченности. Наряду с более четко сформулированными статьями о взаимном ненападении, включая отказ от прямой или косвенной поддержки третьих стран, совершивших агрессивные действия (речь, очевидно,

шла о Японии. — А.С.), в нем содержались обязательства, на которых особенно настаивали китайцы — “не нарушать территориальную целостность” друг друга, не вмешиваться во внутренние дела и “воздерживаться от всякого возбуждения или поощрения агитации, пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью изменение силой политического и социального строя” другой стороны³². Такой проект имел все шансы получить одобрение Нанкина, будь он ему предложен.

Дисциплинировано исполнив поручение Политбюро, Литвинов вместе с тем обращал внимание Сталина на то, что китайские официальные лица “в последние месяцы проявляют определенное нежелание заключать пакт” и, по сведениям Богомолова, связаны в этом отношении обещаниями, данными ими Японии. Нарком сослался в этой связи и на состоявшийся у него двумя днями ранее разговор с китайским послом, в котором тот заявил: “Нанкин считает пакт особенно излишним теперь, когда мы вошли в Лигу Наций и связаны с Китаем Уставом Лиги”³³. (СССР вступил в Лигу Наций 18 сентября 1934 г. — А.С.). “При таких обстоятельствах, — предостерегал Литвинов, — нам вряд ли стоило бы напрашиваться с пактом... Не давая никаких результатов, наше новое предложение... портило бы и наши отношения с Японией”. Нарком предлагал пересмотреть постановление Политбюро от 19 марта 1935 г. и поручить Богомолову заявить Чан Кайши, что СССР готов продолжать переговоры о пакте и даже внести изменения в его первоначальный проект с учетом китайских пожеланий, но оставляет дальнейшую инициативу за Нанкином. Аргументы Литвинова были признаны обоснованными и 25 марта 1935 г. были одобрены на Политбюро³⁴. Как видим, неосторожные высказывания китайского посла привели к тому, что новый, весьма выгодный правительству Чан Кайши советский проект договора о ненападении весной 1935 г. не был представлен на его рассмотрение.

Тем не менее, в политике СССР на китайском направлении наметился явный поворот. И хотя советская сторона не стремилась афишировать свою заинтересованность в сближении с Нанкином, что могло обострить ее и без того напряженные отношения с Токио, она ясно дала понять, что желает установить дружественные отношения с правительством Чан Кайши. В этих условиях идея пакта приобретала новое политическое звучание.

Китайское руководство незамедлительно оценило открывшиеся перед ним перспективы. 4 июля 1935 г. министр финансов Кун Сянси, замещавший мининдела Ван Цзинвэя, впервые поставил перед Богомоловым вопрос о новом формате общеполитического договора — о взаимопомощи вместо ненападения. Реакция полпреда была негативной: отметив, что “китайское правительство отказывается от пакта о неагрессии вследствие японского давления, затягивает ответ на торговый договор... и вдруг сразу говорит о пакте взаимной помощи”, он подчеркнул, что военно-политический союз “предполагает отношения, при которых и торговый договор, и пакт о неагрессии были бы делом давно решенным”³⁵. 9 октября 1935 г. Кун Сянси поинтересовался у Богомолова, “сможет ли китайское правительство получить из СССР военное снаряжение через Синьцзян”, если оно “вынуждено будет оказать вооруженное сопротивление Японии”, учитывая, что “морским путем оно едва ли что-нибудь сможет получить”. Полпред уклонился от определенного ответа, пообещав запросить Москву³⁶.

19 октября 1935 г. Богомолова принял Чан Кайши. Он предложил заключить секретное военное соглашение, добавив при этом, что хотя Япония недавно ставила перед ним вопрос о “военном союзе против большевизма”, он не даст на это согласия³⁷. Заявления Чан Кайши были услышаны в Москве. 19 ноября 1935 г. Стомоняков сообщил полпреду, что Советский Союз готов продавать Нанкину военное снаряжение³⁸, а 14 декабря 1935 г. информировал его, что Москва

готова пойти еще дальше и обсудить возможность заключения с Нанкином секретного военного соглашения³⁹. Разъясняя мотивы принятого решения, Стомоняков писал Богомолу 28 декабря 1935 г.: "Мы готовы оказать посильную поддержку Китаю, если бы он действительно вступил в освободительную войну против Японии. Мы думаем, однако, что, несмотря на несомненное распространение в Китае идей борьбы с Японией, может быть, еще не настал момент для того, чтобы связывать себя соглашением с Чан Кайши по вопросу об оказании взаимной помощи... Чан Кайши все еще... идет на уступки требованиям японских империалистов"⁴⁰. Богомолу было предписано выяснить "действительные намерения" руководителя Гоминьдана: какими он мыслит обязательства сторон и условия их вступления в силу, каков его план защиты Китая против Японии. "Особо надо остановиться, — продолжал Стомоняков, — на проблеме взаимоотношений Чан Кайши и китайских красных армий. Надо указать, что этот вопрос интересует нас потому, что нам неясно, каким образом Чан Кайши мыслит себе вооруженную борьбу с Японией, если его главные вооруженные силы будут заняты с китайскими красными армиями". В Москве, подчеркивал он, убеждены, что "без реализации единого военного фронта войска Чан Кайши с частями Красной армии Китая невозможна серьезная борьба против японской агрессии"⁴¹. Таким образом, советская сторона ясно давала понять, что предварительным условием оказания военной помощи Гоминьдану должна стать приостановка вооруженной борьбы против КПК.

Переговоры Богомолу с руководителями Китая продолжались в течение всего 1936 года. Им не помешало даже заключение без консультаций с Нанкином 12 марта 1936 г. советско-монгольского протокола о взаимопомощи. Китайский МИД ограничился дежурным протестом по этому поводу. 10 апреля 1936 г. Стомоняков в письме Богомолу расценил "поведение Китпра и особенно китпрессы" в монгольском вопросе как "приличное"⁴². Вопросы об отношениях СССР с Маньчжоу-го, МНР и Синьцзяном в контексте переговоров о пакте китайскими представителями больше не поднимались. В Москве крепло убеждение, что "складывающаяся в Китае ситуация создает чрезвычайно благоприятную обстановку для советско-китайского сближения"⁴³, а его сопротивление японской агрессии "несомненно, растет"⁴⁴.

Полпред Богомолу был горячим сторонником сближения с Нанкином. Он настойчиво убеждал Центр в том, что установление между двумя странами "действительно дружественных отношений... не только приостановило бы японскую агрессию против Китая, но чрезвычайно затруднило бы всякую японскую акцию против СССР". 22 января 1936 г. он писал в НКВД: "Если полгода тому назад... казалось, что от улучшения отношений может выиграть только Китай, а для СССР существовала угроза вовлечения в чужой конфликт, то теперь... создается такое положение, когда советско-китайская дружба может быть единственным фактором, который может содействовать укреплению мира на Дальнем Востоке"⁴⁵.

Москва, однако, занимала более осторожную позицию. Она под разными предлогами тянула время, чтобы "прояснить намерения" Чан Кайши и дождаться от него новых уступок, в первую очередь по вопросу примирения с коммунистами. Богомолу получил на сей счет вполне определенные инструкции⁴⁶. Следуя им, он, в частности, уверял своих китайских собеседников, что ввиду технических причин у него якобы временно нет возможности пользоваться шифром, и он не может запросить мнение Центра. Китайцы, впрочем, отнеслись к этому доводу "хотя и соглашаясь", но "весьма скептически"⁴⁷.

15 июля 1936 г. видный деятель Гоминьдана Чэнь Лифу предложил, чтобы советско-китайский пакт был составлен по образцу советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., но без ссылки на Лигу Наций, в которой Нанкин к тому времени полностью разочаровался. Кроме того, в нем устанавливался бы определенный срок (один-два месяца) после официального начала военных действий между Китаем и Японией, по истечении которого СССР должен был оказать помощь Нанкинскому правительству. Москва, однако, не ответила на это предложение. 2 сентября 1936 г. Богомолов докладывал Стомонякову: "Хотя у нас и был целый ряд уважительных предлогов, благодаря которым мы затянули переговоры на целый год, но несмотря на эти предлоги, у китайцев, возможно, имеется представление, что... у нас нет большой заинтересованности в этом соглашении..."⁴⁸. Сам Богомолов, считая заключение пакта о взаимопомощи в принципе "весьма желательным", полагал, что внутреннее положение в Китае оставалось все же слишком неясным, чтобы СССР мог в обозримой перспективе пойти на такой шаг. Он предлагал и дальше затягивать переговоры, "не нарушая той достаточно дружественной атмосферы, которая существует в настоящее время"⁴⁹. Удачным ходом он считал свою возможную поездку в СССР на съезд Советов, посвященный принятию новой Конституции (полпред был членом ВЦИК). Перед отъездом Богомолов предлагал ответить Чэнь Лифу, что СССР признает его заявление "известным сдвигом в благоприятную сторону... однако считает необходимым выяснить еще ряд вопросов"⁵⁰.

21 октября 1936 г. Стомоняков направил Сталину, Молотову, Кагановичу и Ворошилову записку, посвященную заключению пакта с Китаем. Не согласившись с мнением полпреда, он предложил обойти инициативу Чэнь Лифу молчанием, но при этом сообщить ему, что СССР согласен вести переговоры о продаже и отправке в Китай военных самолетов⁵¹. "Это было бы полезно, — пояснял Стомоняков, — потому что наши переговоры с Китаем продолжаются уже ровно год, и у китайских лидеров... постепенно сложилось представление, что у нас нет желания помочь Китаю, и что мы их "водим за нос". При нынешнем нажиме Японии... следовало бы избежать такого положения, при котором Чан Кайши и прояпонские лидеры Китая использовали бы наше "нежелание помочь..." как аргумент в пользу уступок Японии"⁵². 25 октября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание Богомолову выехать в Москву, предварительно заявив, что советская сторона готова обсудить вопрос о продаже военных самолетов через Синьцзян⁵³.

В декабре 1936 г. в Сиани разыгрались драматические события — Чан Кайши был арестован "молодым маршалом" Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном, которые потребовали от него создать "единый фронт" Гоминьдана и КПК, а также более решительно противостоять японской агрессии. Для советско-китайских отношений "Сианьский инцидент" стал настоящим "моментом истины". По прямому указанию Сталина Исполком Коминтерна потребовал от КПК обеспечить "мирное решение конфликта" и спасти жизнь руководителю Гоминьдана⁵⁴. Он был благополучно освобожден во многом благодаря вмешательству Москвы. В ходе Сианьского кризиса Чан Кайши получил убедительные доказательства того, что СССР действительно заинтересован в сохранении у власти Гоминьдана как главной силы, способной противостоять Японии, хотя, конечно, хотел бы при этом сохранить КПК как фактор китайской внутривнутриполитической жизни. В свою очередь, Чан Кайши выполнил обещание, данное им в Сиани эmissару ЦК КПК Чжоу Энляо: в феврале 1937 г. третий Пленум ЦИК Гоминьдана принял постановление, создававшее предпосылки для примирения с коммунистами. Наконец, в марте 1937 г. в Нанкин из СССР вернулся единственный сын Чан Кайши Цзян Цзинго. В советско-китайских отношениях скла-

создавалась новая, более доверительная атмосфера, в которой вопрос о заключении двустороннего политического договора становился особенно актуален.

11 февраля 1937 г. вернувшийся в Москву Богомолов направил Литвинову обстоятельную записку, в которой излагал свое видение перспектив развития отношений с Китаем. Он не только настаивал на продолжении переговоров о пакте взаимопомощи, но и высказался в пользу его подписания, "если у нас будут сопредельные гарантии безоговорочной перемены Китпра своей позиции и определенной ориентации китайской внешней политики на СССР". В этом случае, подчеркнул Богомолов, "заключение советско-китайского пакта взаимопомощи не только не ускорит возможную японо-советскую войну, но наоборот, отдалит момент ее возникновения"⁵⁵. В качестве примера он сослался на советско-монгольский протокол о взаимопомощи 1936 г., который заставил Токио отказаться от намеченной на 1936 г. крупной вооруженной провокации против МНР⁵⁶. Гарантии, которые Богомолов предлагал получить от Нанкина, заключались в первую очередь в легализации КПК и китайской Красной армии, а также в "ясном заявлении Чан Кайши", что в основе его внешней политики отныне будет лежать дружба с СССР. Вместе с тем, полпред предложил и альтернативный вариант: заключить многосторонний пакт о взаимопомощи с участием СССР, Китая, США и Великобритании под эгидой Лиги Наций — по примеру европейского Восточного пакта, переговоры о котором велись в 1934—1935 гг. В пропагандистских целях можно было бы предложить участвовать в нем и Японии (так же, как к участию в Восточном пакте приглашалась нацистская Германия). На случай же, если соглашение между Гоминьданом и КПК к моменту возвращения полпреда в Китай "еще не созреет", Богомолов предлагал заключить между двумя странами договор о дружбе и ненападении (этот вариант он считал "наиболее реальным для данного момента")⁵⁷. И наконец, "независимо от хода переговоров о том или другом пакте", Богомолов считал "крайне необходимым продолжить и довести до благоприятного конца" переговоры о военно-технической помощи Китаю, "назвав сроки и конкретные цифры, в каких наша помощь могла бы выразиться"⁵⁸.

5 марта 1937 г. Литвинов доложил об инициативах полпреда Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. "Нанкинцы хотят союзного договора, — пояснял он. — Тов. Богомолов рекомендует принять их предложение и заключить пакт о взаимной помощи. Он исходит при этом из предположения, что заключение такого пакта может отпугнуть Японию от дальнейших военно-агрессивных мер на Дальнем Востоке как в отношении Китая, так и СССР"⁵⁹. Нарком, однако, не разделял этой точки зрения. "Союзный договор, — предостерегал он, — ...представляет собою огромный риск, ибо если он не остановит агрессии японской военщины в Китае, то война между нами и Японией может быть значительно ускорена". Вместе с тем, отмечал Литвинов, "мы не можем и дальше продолжать тактику затяжных и неопределенных ответов и... должны все же предложить, если не союз, то некоторое сотрудничество с Нанкином". Нарком представил на суд Политбюро собственные предложения, "которые Богомолов мог бы сделать Нанкину и которые являются максимумом того, на что мы могли бы теперь пойти"⁶⁰.

8 марта 1937 г. Политбюро на основе записки Литвинова приняло развернутое постановление "О Китае". Оно поручало Богомолову "возобновить предложение касательно пакта о ненападении". Нанкинскому правительству была обещана поддержка СССР в случае выдвижения им инициативы о Тихоокеанском пакте. Предусматривался также ряд практических мер по налаживанию военного сотрудничества — продажа в кредит самолетов и танков,

подготовка кадров летчиков и танкистов⁶¹. Теперь Богомолов возвращался в Китай не с пустыми руками.

Литвинов, однако, опасался, как бы отказ СССР от подписания союзнического договора не привел к “новому прояпонскому повороту политики Чан Кай-ши”. 13 марта 1937 г. он направил Сталину еще одну записку, в которой убеждал его “оставить Нанкину некоторую надежду на возможность заключения пакта в дальнейшем”⁶². С этой целью нарком, как и Богомолов, считал целесообразным “направить все усилия на заключение Тихоокеанского регионального пакта с участием, по возможности, всех тихоокеанских держав, включая и Японию”. При этом у Литвинова не было иллюзий: “не только Япония будет возражать против такого пакта, но и Англия, и США вряд ли проявят склонность участвовать в нем”⁶³. Однако дипломатическая проработка данного проекта позволила бы Москве выиграть время, а также разоблачить политику попустительства японской агрессии, проводимую западными державами; “когда же... выяснится окончательно невозможность заключения регионального пакта, можно будет подумать о более ограниченном соглашении (т.е. пакте о ненападении. — А.С.)”⁶⁴.

Предложенная Наркоминделом тактическая комбинация была одобрена Политбюро. По возвращении в Нанкин Богомолов на встрече с министром иностранных дел Ван Чжунгуем 12 апреля 1937 г. посоветовал последнему взять на себя инициативу продвижения Тихоокеанского пакта. “В случае, если Китпра это сделает, — добавил полпред, — то мы: а) ответим утвердительно на подобное предложение, б) окажем со своей стороны всемерное содействие Китпра в этом деле”⁶⁵. Он также подчеркнул “необходимость и желательность немедленного начала переговоров о пакте неагрессии”⁶⁶.

В мае-июне 1937 г. китайская и советская дипломатия пытались добиться поддержки Тихоокеанского пакта в Лондоне и Вашингтоне. Однако президент США Ф. Рузвельт без обиняков заявил советскому полпреду А.А. Трояновскому, что “пакт без Японии не имеет смысла”⁶⁷. Схожую позицию заняли и англичане. Не желая продолжать бесплодную тяжбу с западными державами, китайская сторона настаивала на скорейшем подписании двустороннего договора. В Москве, впрочем, тоже прекрасно понимали, что без него не обойтись. 2 апреля 1937 г. Сталин одобрил новый, третий по счету проект пакта о ненападении, подготовленный Наркоминделом. Он был близок по формулировкам к не дошедшему до китайцев проекту от 23 марта 1935 г., но стал более компактным. Сталин внес в него единственную правку — вычеркнул первую статью, содержащую ссылку на Пекинское соглашение об установлении дипломатических отношений от 31 мая 1924 г.⁶⁸ В таком виде проект договора 7 апреля 1937 г. был утвержден Политбюро⁶⁹ и вскоре передан китайской стороне.

Однако в Нанкине не спешили с его обсуждением, по-прежнему рассчитывая убедить СССР заключить договор о военном союзе. Такому поведению китайцев способствовали и некоторые неосторожные заявления самого Богомолова. На одной из встреч с Ван Чжунгуем он, в частности, не исключил, что “в случае если из Тихоокеанского пакта ничего не выйдет, мы готовы будем в будущем вновь обдумать вопрос о возможности заключения... пакта взаимопомощи”⁷⁰. И хотя полпред добавил, что такому договору в любом случае должен был предшествовать договор о ненападении, китайская сторона получила “зацепку” для того, чтобы затягивать с обсуждением последнего. В Москве высказывания полпреда вызвали явное недовольство. “Вы неправильно говорите китайцам о нашей готовности вести переговоры о двустороннем пакте о взаимной помощи, — говорилось в телеграмме, направленной ему Литвиновым 19 июня 1937 г. — Мы

на это согласия не давали, а говорилось лишь о возможности перехода к двусторонним переговорам в случае неудачи многосторонних⁷¹.

Причина, по которой Советский Союз уклонялся от создания полномасштабного военно-политического союза с Китаем, была очевидна — он не желал помимо своей воли быть втянутым в войну с Японией. Вместе с тем, скорого возникновения этой войны в Москве не прогнозировали. Напротив, по оценкам наших дипломатов, политика Японии в отношении Китая в начале 1937 г. “несколько смягчилась”⁷², а курс нового кабинета, пришедшего к власти в Токио в феврале 1937 г., оценивался как “умеренный”. “Я склоняюсь к мысли, что этот “мягкий” период затянется на продолжительное время, — докладывал Богомолов в Центр 5 мая 1937 г.⁷³ 13 июня 1937 г. он же писал в НКВД: “Японцы в ближайшее время не рискнут ни на какую новую большую авантюру к югу от Великой Стены... К большой войне в Китае японцы не готовы”⁷⁴. Аналогичные оценки поступали в Москву и по каналам разведслужб.

Необъявленная, но полномасштабная и кровопролитная война Японии против Китая, начавшаяся 7 июля 1937 г., стала для Кремля неожиданностью. Здесь внимательно наблюдали, как поведет себя Чан Кайши. Лидер Гоминьдана решился на открытое сопротивление агрессору. Боевые действия приобретали невиданный размах. Китайские официальные лица все более настойчиво ставили перед советской стороной вопрос о немедленной закупке вооружений — поскольку, по оценке Чан Кайши, “своих запасов у Китая хватит только на шесть-семь месяцев”⁷⁵, западные державы в военной помощи ему отказали, и единственным возможным источником снабжения для него оставался СССР. 29 июля 1937 г. Политбюро, обсудив сложившуюся ситуацию, постановило “увеличить поставку Китаю оружия в кредит до 100 млн кит. долл.” и поставить ему 200 самолетов со снаряжением и 200 танков в течение года. В качестве предварительного условия оказания военной помощи было выдвинуто подписание пакта о ненападении⁷⁶. 31 июля 1937 г. Литвинов телеграфировал Богомолову о принятом решении⁷⁷. При этом нарком подчеркнул, что “для заключения пакта о взаимопомощи момент ныне менее подходящий, чем раньше, ибо такой пакт означал бы наше немедленное объявление войны Японии”⁷⁸. Впрочем, Чан Кайши и сам это понимал. Он был вынужден согласиться на подписание двустороннего договора, могущего стать правовой основой военного сотрудничества, в формате, на котором настаивала Москва.

В начале августа 1937 г. переговоры вышли на финишную прямую. Они велись в Нанкине Богомоловым под неусыпным контролем Политбюро ЦК ВКП(б). С 5 по 13 августа 1937 г. оно приняло три постановления по этому вопросу. И в Москве, и особенно в Нанкине спешили побыстрее “оформить отношения”, чтобы затем перейти к согласованию конкретных объемов военной помощи. 8 августа 1937 г. Богомолову был вручен китайский контрпроект договора, а уже на следующий день Стомоняков направил Сталину, Молотову, Кагановичу и Ворошилову записку с его обстоятельным анализом. Заместитель наркома обращал внимание прежде всего на то, что советское определение главного обязательства сторон — “воздерживаться от всякого нападения” было заменено в контрпроекте формулировкой “не совершать никаких актов агрессии”. “Она менее выгодна на нас, — пояснял Стомоняков, — ибо под нее в будущем, под влиянием разжженных нам сил, Нанкинское правительство могло бы подвести и некоторые наши действия в МНР или в Синьцзяне”⁷⁹. Предложенный Нанкином срок действия договора в три года Стомоняков предлагал увеличить до пяти лет, а вместо процедуры ратификации, на которой настаивали китайцы, предусмотреть вступление договора в силу с момента его подписания. Наконец, замнарком-

ма предлагал “решиительно отклонить” статью 3 контрпроекта, предполагавшую отказ сторон от поддержки “подрывных антиправительственных организаций и групп” (то есть китайских коммунистов. — А.С.) и даже “дать понять Китпра, что его предложение произвело на Совпра самое неблагоприятное впечатление”⁸⁰. 10 августа 1937 г. основные положения записки Стомонякова были утверждены в виде постановления Политбюро⁸¹, а уже 12 августа Ван Чжугуй согласился со всеми советскими требованиями и фактически отозвал свой контрпроект⁸².

В ходе переговоров был поднят и вопрос о характере отношений между Москвой и Токио в условиях японо-китайской войны. Китай желал получить от СССР обещание не заключать с Японией договора о ненападении вплоть до ее окончания. В свою очередь, советские переговорщики ссылались на статью 2 советского проекта, в которой содержалось обязательство сторон “воздерживаться от всяких действий, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде подвергнувшегося нападению”. Они полагали, что эта статья снимает китайские озабоченности, и предлагали ею удовлетвориться. Ван Чжунгуй, однако, настаивал на более ясной и обязывающей формулировке, прямо указывающей на Японию.

В этой связи Стомоняков в записке от 9 августа 1937 г. высказался за то, чтобы при подписании договора с Китаем представитель СССР сделал бы устное заявление о том, что Советский Союз не будет подписывать договора о ненападении с Японией. Взамен он предлагал потребовать “обязательства Китая, также в устной форме, не заключать ни с кем ...антикоммунистического соглашения, которое, как это уже показал опыт японо-германского соглашения, является лишь маскировкой и на самом деле направлено против СССР”⁸³. Речь шла об Антиминтерновском пакте, подписанном Германией и Японией 25 ноября 1936 г. и носившем открыто антисоветский характер. Весной и летом 1937 г. представители этих держав вели консультации с китайскими официальными лицами (в том числе с Ван Цзинвэем) относительно возможности присоединения Китая к пакту, обещая ему помощь в борьбе против КПК. И хотя после “Сианьского инцидента” такой ход событий представлялся маловероятным, в Москве считали полезным “подстраховаться”, связав Нанкин соответствующим обязательством.

10 августа 1937 г. Политбюро одобрило предложение НКВД об устной декларации, а на следующий день Богомолов довел его до сведения Ван Чжунгуя. Первая реакция китайского министра была негативной, что явно встревожило Москву. 13 августа 1937 г. Стомоняков докладывал Сталину и некоторым другим членам Политбюро: “Несмотря на спешность заключения пакта, нам следует добиться от китайцев обязательства, что они не будут заключать т.н. антикоммунистических договоров. Правда, устное обязательство Китпра не гарантирует нам полностью, что оно будет выполнено, все же известной гарантией — хотя бы на некоторое время — оно является (требовать письменного обязательства нецелесообразно, ибо китайцы потребовали бы от нас письменного обязательства не заключать пакта о ненападении с Японией)”⁸⁴. Как видим, советская сторона стремилась сохранить свободу внешнеполитического маневра в отношениях с Токио. Поэтому, по мнению Стомонякова, требование Нанкина “не заключать пакта о ненападении с Японией в безусловной форме, на все время действия договора, т.е. независимо от того, находится ли Китай в состоянии войны с Японией или нет”, следовало отклонить, “указав на то, что антикоммунистические договоры являются договорами открыто враждебными СССР, а пакт ненападения с Японией не заключает ничего враждебного Китаю”⁸⁵. “В крайнем случае, — резюмировал Стомоняков, — можно было бы дать тов. Богомолову разрешение заявить Ван Чжун-

тую, что если по окончании состояния войны между Китаем и Японией стал бы вопрос о заключении пакта о ненападении между нами и Японией, то мы включили бы в текст этого пакта условие, согласно которому пакт может быть расторгнут в случае нападения Японии на третью сторону, т.е. на Китай⁸⁶.

13 августа 1937 г. предложения Наркоминдела были одобрены на Политбюро. Путь к успешному завершению переговоров был открыт. В тот же день НКВД поручил Богомолу подготовить окончательную редакцию устного заявления и решительно настаивать на "безусловном формальном обещании Китая" не подписывать антикоммунистических договоров⁸⁷.

Советско-китайский договор о ненападении был подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине полпредом Богомолу и министром иностранных дел Ван Чжунгем. Его содержание в основном соответствовало советскому проекту от 2 апреля 1937 г. Стороны обязались "воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами" (ст. 1). В случае же если одна из сторон подвергалась нападению одной или нескольких третьих держав, другая сторона обязывалась не оказывать им "ни прямо, ни косвенно никакой помощи... в продолжении всего конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим... к невыгоде стороны, подвергшейся нападению" (ст. 2). Срок действия пакта составил пять лет, и он не подлежал ратификации, а вступал в силу с момента подписания (ст. 4).

По просьбе Нанкина в договор была включена ст. 3, в которой говорилось, что обязательства сторон не противоречат ранее заключенным ими международным договорам. Ее смысл, по оценке руководства НКВД, заключался в том, чтобы "еще раз подтвердить оставление в полной силе той статьи Пекинского договора 1924 г., которая запрещает пропаганду"⁸⁸. (Упоминание об этом соглашении, как отмечалось выше, из советского проекта договора вычеркнул лично Сталин). Советская сторона явно не желала вновь подтверждать содержащиеся в нем обязательства по признанию территориальной целостности Китая (включая Внешнюю Монголию), отказу от ведения коммунистической пропаганды, поддержки "враждебных группировок" и т.д.

При подписании договора Богомолу от имени правительства СССР сделал устную декларацию о толковании его статьи 2, "никогда не подлежащей оглашению ни официально, ни неофициально". "Советский Союз, — заявил он, — не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены". В свою очередь, Ван Чжунгуй от имени Нанкинского правительства заявил, что "Китайская Республика не заключит в течение действия договора о ненападении... какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР"⁸⁹.

Декларация была секретной и в Советском Союзе никогда не публиковалась. Правда, в XX томе "Документов внешней политики СССР", вышедшем в свет в 1976 г., факт ее существования косвенно признавался, но конкретное содержание не разглашалось⁹⁰. Текст декларации был впервые опубликован в 1994 г. Б.Н. Славинским⁹¹, а в 2000 г. помещен в четвертом томе сборника документов "Русско-китайские отношения в XX веке"⁹².

В Кремле, однако, остались недовольны той редакцией, которую в рамках своих полномочий дал устной декларации полпред Богомолу. 5 сентября 1937 г. первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, информировал об этом находившегося в Швейцарии Литвинова. "К сожалению, — писал он, — не-

смотря на повторные и совершенно четкие директивы, тов. Богомолов дал китайцам провести себя при установлении текстов двух устных деклараций”⁹³. “В одной декларации, — пояснял Потемкин, — мы, в развитие статьи 2-й пакта... приняли на себя обязательство не заключать “какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены”⁹⁴. Однако сам Потемкин накануне предлагал полпреду ограничить незаключение пакта временем, “пока продолжается фактическое состояние войны между Китайской Республикой и Японией”, мотивируя это тем, что “китайская формула содержит для нас фактически полный запрет заключения пакта ненападения с Японией, поскольку японо-китайские отношения долго еще не будут нормальными и еще дольше не будут формально урегулированы”. Богомолов все-таки счел возможным пойти на уступку Нанкину. “Куцей”, по определению Потемкина, вышла и вторая декларация, содержавшая обязательство Китая не заключать с третьей державой антикоммунистического договора, “который практически направлен против СССР”. “Я своевременно разъяснил тов. Богомолову, — оправдывался первый заместитель наркома, — что китайцы при этой формулировке смогут в будущем заключить все-таки какой-нибудь антикоммунистический договор, утверждая, что он практически не направлен против СССР”, однако полпред его мнение вновь проигнорировал⁹⁵.

Вряд ли “недостатки” декларации были раскритикованы Потемкиным по собственной инициативе; скорее всего, это было сделано с ведома или даже по прямому указанию Сталина. Претензии к ней, на наш взгляд, были не более чем перестраховкой и желанием “дожать китайцев”, которое Богомолов не разделял. Впоследствии устная декларация не помешала Советскому Союзу подписать 13 апреля 1941 г. договор о нейтралитете с Японией, который противоречил если не ее букве (здесь была игра в слова: “нейтралитет” и “ненападение” якобы не одно и то же), то, по крайней мере, ее духу. Как видим, в Москве с самого начала считали декларацию не более чем неофициальным “джентльменским обещанием”, которое Советский Союз вправе взять обратно, если того потребуют его национально-государственные интересы (в 1941 г. они определялись стремлением избежать войны на два фронта).

Дальнейшая судьба Богомолова была трагичной: в сентябре 1937 г. он был вызван в Москву и арестован. Сталин подозревал, что за предложением заключить с Нанкином договор о взаимопомощи, за его неумением предвидеть начало летом 1937 г. японо-китайской войны, его оплошностями при подготовке устной декларации мог стоять сознательный “вражеский” расчет: столкнуть лбами СССР и Японию. В беседе с маршалом Ян Цзе 18 ноября 1937 г. Сталин охарактеризовал Богомолова как “троцкиста” и “плохого информатора”, зло добавив при этом: “А плохих информаторов мы арестовываем”. На полпреда вождь взвалил вину за все трудности и проблемы, возникавшие в советско-китайских отношениях в 1933—1937 гг. Вскоре его расстреляли⁹⁶.

Тем не менее, сам договор, в разработку которого Богомолов внес огромный вклад, явился, на наш взгляд, крупным внешнеполитическим успехом Советского Союза. Он знаменовал собой завершение трудного и болезненного процесса нормализации отношений СССР с гоминьдановским Китаем, а долгие и сложные переговоры о его подготовке отразили глубокую эволюцию двусторонних отношений в период 1932—1937 гг. от откровенной враждебности к тесному военно-политическому взаимодействию и сотрудничеству. В результате договор обрел принципиально иной внешнеполитический смысл, нежели тот, который изначально закладывался в него в 1932 г. Нанкином. В

нем не были отражены спорные вопросы двусторонних отношений, связанные с Маньчжурией, Внешней Монголией, Синьцзяном, а также взаимоотношениями между СССР, Коминтерном и КПК. Это, безусловно, отвечало интересам советской стороны. Договор не возлагал на нее прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, что могло бы дать последней повод для агрессии против СССР. Вместе с тем, формула “ненападения” не мешала Советскому Союзу оказывать гоминьдановскому Китаю военную помощь, выступая в роли его “нейтрального союзника”, а также регулировать по своему усмотрению объемы и сроки предоставления этой помощи.

Заключение договора было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами — прямой японской агрессией против Китая. Для Чан Кайши это решение было не из легких — оно означало, что Китай окончательно оставил надежду достичь мирного соглашения с Токио будет сопротивляться агрессору, сотрудничая при этом с коммунистическим соседом, несмотря на коммунистическую угрозу внутри страны. Нанкинский договор, безусловно, значительно укрепил международные позиции Китая, создав необходимую правовую базу для сотрудничества с СССР. 14 сентября 1937 г. в Москве была достигнута договоренность о поставках ему советской военной техники. Только в 1937—1939 гг. СССР поставил в Китай 904 самолета, 1600 артиллерийских орудий, 82 танка, 14 тыс. пулеметов, много другого оружия и снаряжения. Для осуществления этих закупок он предоставил правительству Чан Кайши несколько льготных кредитов на общую сумму 450 млн долл. Значение этой помощи невозможно переоценить: ведь в те годы Советский Союз был единственной державой, поставлявшей Китаю вооружения, а своей военной техники (за исключением винтовок) Китай в то время не производил.

Как справедливо отмечает Р.М. Мировицкая, Нанкинский договор стал “инструментом мира, ибо был направлен на помощь жертве агрессии и приближал сроки победы китайского народа”⁹⁷. В 1937—1945 гг. он во многом определил характер и формат взаимоотношений двух государств. Пакт помог им выжить в смертельной схватке с агрессорами и положил начало формированию антифашистской коалиции. Будучи с 21 августа 1937 г. союзниками де-факто, а с 1 января 1942 г. (после их присоединения к Декларации Объединенных Наций) и де-юре, СССР и Китай, однако, вплоть до самого конца Второй мировой войны продолжали строить отношения на базе пакта о ненападении (в 1942 г. он был продлен на новый пятилетний срок). Заменивший его двусторонний договор о дружбе и союзе был подписан только 14 августа 1945 г. — в день, когда Япония объявила о решении капитулировать и менее чем за 20 дней до окончания Второй мировой войны.

1. См. об этом: АВП РФ. Ф. 08, оп. 15, п. 140, д. 67, л. 76, 84.
2. Советско-польский договор был подписан 25 июля 1932 г., советско-французский договор — 29 ноября 1932 г.).
3. Впервые советская дипломатия предприняла конфиденциальные зондажи относительно возможности заключения пакта о ненападении с Японией в 1926-1928 гг., однако, столкнувшись с ее негативной реакцией, предпочла не выступать по данному вопросу с публичной инициативой.
4. В ноябре 1927 г. глава советской делегации на Конференции по разоружению М.М. Литвинов по поручению Политбюро заявил, что СССР готов “поддерживать максимально дружественные отношения ... и заключить пакты о ненападении со всеми без исключения пограничными с СССР государствами”, однако этот сигнал был оставлен в

- Китае без внимания и никаких последствий не имел. См.: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 5, л. 126.
5. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4, ч. 1. М., 2003. С. 165–166.
 6. Там же.
 7. АВП РФ. Ф. 09, оп. 15, п. 135, д. 8, л. 75.
 8. Там же.
 9. Там же, л. 132.
 10. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы/Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х частях. Ч.1. М., 2003. С. 171.
 11. Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 215–216.
 12. АВП РФ. Ф. 13а, оп. 1, п. 4, д. 51, л. 201.
 13. Там же. Ф. 09, оп. 16, п. 156, д. 48, л. 6.
 14. Там же. Ф. 0100, оп. 17, п. 171, д. 1а.
 15. Там же. п. 71, д. 2, л. 30.
 16. Там же. п. 173, д. 18, л. 42.
 17. Там же. п. 171, д. 1а, л. 12.
 18. Там же. л. 90.
 19. Там же. л. 20.
 20. Там же. Ф. 13а, оп. 1, п. 4, д. 51, л. 202.
 21. ДВП СССР. Т. 17. М., 1971. С. 804–805.
 22. АВП РФ. Ф. 0100, оп. 18, п. 186, д. 1103, л. 9.
 23. Там же. п. 179а, д. 4, л. 166.
 24. Там же, л. 162.
 25. Там же. оп. 18, п. 186, д. 1103, л. 12.
 26. Там же. Ф. 09, оп. 21, п. 78, д. 23, л. 7.
 27. Там же. оп. 30, п. 8, д. 109, л. 14.
 28. Там же. л. 16.
 29. Там же.
 30. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 155.
 31. Там же.
 32. АВП РФ. Ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 134–135.
 33. Там же. л. 131. Запись беседы см.: АВП РФ. Ф. 0100, оп. 19, п. 182, д. 6, л. 4.
 34. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 158.
 35. ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 437.
 36. Там же. С. 662–663.
 37. Там же. С. 537–538.
 38. Там же. С. 663.
 39. Там же. С. 590.
 40. Там же. С. 601–602.
 41. Там же. С. 602.
 42. АВП РФ. Ф. 09, оп. 25, п. 97, д. 14, л. 122.
 43. Там же. д. 15, л. 9.
 44. Там же. п. 101, д. 44, л. 7.
 45. Там же. оп. 25, п. 97, д. 15, л. 7.
 46. См. об этом: АВП РФ. Ф. 05, оп. 16, п. 115, д. 4, л. 167.
 47. Там же.
 48. Там же.
 49. Там же. С. 168.
 50. Там же.
 51. Там же. С. 163–164.
 52. Там же, л. 164.
 53. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 110.
 54. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 742.

555. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 126, д. 1, л. 94.
556. Там же. л. 95.
557. Там же. л. 96-97.
558. Там же. л. 98.
559. Там же. л. 103.
560. Там же.
561. См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. М., 2000. С. 40.
562. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 126, д. 1, л. 113-114.
563. Там же.
564. Там же.
565. Там же. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 134.
566. Там же. л. 133.
567. Цит. по: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 8.
568. См.: АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 9.
569. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 13.
570. ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 167-168.
571. Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е гг. XX в. С. 135.
572. ДВП СССР. Т. 20. С. 232, 302.
573. АВП СССР. Ф. 013а, оп. 1, п. 4, д. 51, л. 219.
574. Там же.
575. Цит. по: Усов В.Н. Указ. Соч. — С. 137.
576. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 115.
577. Там же.
578. Цит. по: Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20-30-е гг.). С. 194.
579. АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 29.
580. Там же. л. 30.
581. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 143.
582. АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 37.
583. Там же. л. 28-29.
584. Там же. л. 36.
585. Там же.
586. Там же.
587. ДВП СССР. Т. 20. С. 746.
588. Там же.
589. Русско-китайские отношения. Т. 4. Форзац.
590. См.: ДВП СССР. Т. 20. С. 469, 746-747.
591. См.: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М., 1995.
592. По свидетельству Р.А. Мировицкой, составители сборника "по чисто техническим причинам ... получили оригинал данного документа... только на заключительном этапе работы над томом, когда книга находилась в типографии. И составители приняли решение: опубликовать документ на форзаце книги 1-го тома". См.: Восток — Россия — Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика РАН В.С. Мясникова. С. 567.
593. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 137, д. 128, л. 56.
594. Там же.
595. Там же.
596. Подробнее см. об этом: Соколов В.В. Забытый дипломат Д.В. Богомолов // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 195.
597. Восток — Россия — Запад: исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика РАН В.С. Мясникова. С. 573.

От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX века

© 2009

А.Кошкин

Рассматриваются перипетии российско-японских отношений в начале XX века от Портсмутского мирного договора до интервенции Японии на Дальнем Востоке России. Дается подробный анализ интересов России и Японии в Корее, Северном Китае, в промысловой зоне Японского и Охотского морей. Выявляется совпадение и расхождение интересов сторон по различным проблемам региона. Дается описание основных этапов японской интервенции на российском Дальнем Востоке и организации отпора японским войскам силами регулярных войск и партизанских отрядов ДВР.

Ключевые слова: Портсмутский мирный договор, восстановление дипломатических отношений, рыболовная конвенция, интервенция, десант, эвакуация.

Заклученный в 1905 г. в силу внутренних обстоятельств обеих стран российско-японский Портсмутский мирный договор не мог разрешить существовавшие между ними противоречия. Он лишь закрепил на некоторое время сложившийся статус-кво. В Токио понимали, что война была выиграна "по очкам", и в будущем неизбежны новые раунды российско-японской схватки за влияние в Северо-Восточной Азии. В России же и вовсе рассматривали результаты войны как "ничью". В официальных сводках и правительственных изданиях слово "поражение" являлось табу.

С тем, чтобы ослабить обвинения правительства в неспособности отстаивать интересы страны и согласии на унижительные условия мирного договора, царские чиновники не останавливались перед фальсификацией итогов переговоров в Портсмуте. Вопреки фактам сдачи Южного Сахалина и выплаты в завуалированной форме контрибуции министр иностранных дел России А.П. Извольский утверждал, что "условия Портсмутского договора, принимая во внимание обстоятельства, сопровождающие его заключение, были весьма льготны для России. Российская империя не платила военных издержек, сохраняла свой флот и не теряла ни пяди своей национальной территории"¹. В действительности же царское правительство не только уступило часть территории империи, но и согласилось под видом "расходов на содержание военнопленных" выплатить Японии 46 млн иен, то есть сумму, которая почти покрывала дефицит японского бюджета.

Кошкин Анатолий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Восточного университета. Тел.: 8 (909) 978-14-62.

О том, что националистические круги Японии не были удовлетворены условиями России и требовали от нее неизмеримо больших денежных выплат "за победу" свидетельствовали массовые антиправительственные выступления в сентябре 1905 г. в Токио под лозунгами аннулирования Портсмутского договора, как не отвечающего интересам Японии. Предлагалось в качестве минимальных условий добиваться контрибуции в несколько миллиардов иен, перехода под японский контроль всего Сахалина и всей КВЖД, аренды Ляодунского полуострова, отказа России от всех ее прав в Корее и Маньчжурии. В целом, как в Японии, так и в России определились два подхода к дальнейшей дальневосточной политике: одни выступали за продолжение соперничества вплоть до возобновления войны, другие же, исходя из соображений обеспечения спокойствия внутри своих стран, предлагали установить мир и добрососедство. Однако последним было трудно преодолевать сопротивление сторонников конфронтации. Имевшие немалое влияние помещичье-монархические и военно-бюрократические круги обеих стран были заинтересованы в поддержании напряженности для обоснования увеличения военных расходов. Достаточно сказать, что с 1906 по 1911 г. их доля в бюджете Японии возросла с 23,8 до 40 %².

Хотя в январе 1906 г. Токио и Санкт-Петербург восстановили дипломатические отношения, период послевоенного урегулирования продолжался. Проходил он на фоне попыток японской дипломатии, произвольно толкуя пункты мирного договора, добиваться все больших преимуществ. Особенно явственно это проявилось на переговорах о заключении торгового договора и русско-японской рыболовной конвенции.

Так как по настоянию японской стороны в связи с войной все ранее заключенные между двумя странами соглашения считались утратившими силу, необходимо было заново создавать систему договоров, регулирующих отношения в различных областях деятельности соседних государств. В частности, надлежало выработать и заключить новый договор о торговле и мореплавании. Считая себя победителем в войне, японское правительство выдвинуло целый пакет требований, существенно расширявших торговые и иные преимущества Японии. Не скрывая целей широкого проникновения на русский Дальний Восток, Токио потребовал облегчить для своих граждан визовый режим при въезде на территорию России и отменить пошлины на ввозимые японскими торговцами в Приморский край товары. В российском МИДе эти требования были расценены как неприемлемые, ибо "могли бы привести к мирному экономическому захвату этого непечатого края...". Тем не менее, стремление как можно скорее нормализовать отношения со своим дальневосточным соседом побуждало российское правительство изыскивать пути к компромиссам. Так, например, стороны согласились, что визы японцам будут оформляться лишь на полгода при взимании за это незначительной суммы в 50 коп. Вместе с тем прибывающим на российскую территорию японцам на основах взаимности предоставлялось право приобретать недвижимость в России, заниматься земледелием, ремеслами и промыслом.

Если в вопросах установления правил на своей территории русские власти еще могли вести с японцами дипломатический торг, то по отношению Маньчжурии такие возможности были ограничены декларацией принципа "открытых дверей". Здесь приходилось мириться с реально существовавшим соотношением сил. МИД России разъяснял правительству: "В неравной борьбе за преобладание в Маньчжурии нам как слабейшей стороне придется уступать, притом не

только в пределах бесспорного японского влияния, но даже в северной Маньчжурии в сфере наших реальных интересов..."³.

С большим трудом продвигались и переговоры о заключении русско-японской рыболовной конвенции. Согласно статье 11-ой Портсмутского договора, Россия принимала на себя обязательство "войти в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в Японском и Охотском морях". Японцы с самого начала переговоров стремились расширить толкование этого положения, выторговать для себя дополнительные преимущества и привилегии. В японском проекте соглашения речь шла уже не только о "рыбной ловле", но о праве добывать в русских территориальных водах любые морепродукты. Предлагалось предоставить японским подданным "право рыбной ловли и добывания всякого рода рыбы и продуктов моря во всех частях русских территориальных вод морей Японского, Охотского и Берингова, где русским подданным разрешается заниматься рыболовством...". При этом предъявлялись претензии на добычу млекопитающих — китов, котиков, нерп, бобров. В результате был достигнут компромисс — японцам предоставлялось право на добычу в русских водах не всех животных, а только китов. По подписанной 28 июля 1907 г. одновременно с договором о торговле и мореплавании рыболовной конвенции японским подданным предоставлялось право участвовать в торгах на рыболовные участки, использовать арендованные участки для обработки и хранения рыбы, починки судов, снастей и других надобностей. При этом японцы добились равенства с русскими подданными в правах на аренду участков, размерах налогов и пошлин. Более того, русское правительство обязалось не взимать пошлин с рыбы и продуктов моря, предназначенных для вывоза в Японию. Так как японские рыбаки значительно превосходили русских в области промышленного лова рыбы, они, по сути дела, взяли рыбные богатства Приморья в свои руки. Достаточно сказать, что из 90 рыболовных участков, сданных в аренду в 1907 г., из-за нехватки ресурсов и кадров только 5 достались русским промысловикам. Использовалась и практика проникновения японских рыбопромышленников через подставных лиц русской национальности в зоны, где японское рыболовство не допускалось. Отмечались многочисленные случаи и других нарушений японцами рыболовной конвенции. Япония применяла практику направления в русские воды вместе с рыболовецкими судами военных кораблей. В результате хищнического вылова японцами рыбные запасы у российских берегов и в Амуре неуклонно сокращались⁴.

Уступки царского правительства при выработке условий рыболовной конвенции объяснялись его стремлением достичь с японским государством общеполитического соглашения с тем, чтобы с большей свободой рук сосредоточиться на политике в Европе. С другой стороны, готовя аннексию Кореи и имея общие интересы в Маньчжурии, Токио также был заинтересован в известном политическом сближении с Россией. Немаловажное значение имело то, что нормализация русско-японских отношений отвечала интересам стремившихся сотрудничать с Японией в Китае Великобритании и Франции. В Лондоне и Париже рассчитывали, что улучшение русско-японских отношений будет способствовать закреплению России на стороне Антанты. Со своей стороны, царское правительство стремилось использовать помощь западных союзников в получении от Японии известных гарантий безопасности своих дальневосточных границ.

Инициативу переговоров о заключении общего политического соглашения проявила российская сторона. С таким предложением Извольский обратил-

ся к японскому посланнику Мотоно в начале февраля 1907 г. Уже 10 февраля из Токио был получен положительный ответ. Для Японии было важно в договорном порядке оформить разграничение сфер влияния в Маньчжурии. В подписанной 30 июля 1907 г. общеполитической русско-японской конвенции провозглашалась “территориальная целостность” Китая и “сохранение статус-кво” на Дальнем Востоке. Однако в секретной части конвенции Маньчжурия разграничивалась на японскую (Южная Маньчжурия) и русскую (Северная Маньчжурия) сферы влияния. Россия признавала “особые права” Японии в Корее, а Япония — “специальные права” России во Внешней Монголии⁵.

В Токио с энтузиазмом были восприняты соглашения с Россией — выгодные японцам торговая, рыболовная и общеполитическая конвенция были утверждены органами верховной власти страны единогласно. Участники переговоров были отмечены высокими наградами и возведены в баронские титулы. Как важное дипломатическое событие были восприняты соглашения с Японией и в Санкт-Петербурге. Витте отмечал, что договор “дал возможность России быть более или менее спокойной на Дальнем Востоке и заняться делами на Западе”.

Однако достижение “равновесия сил” и сглаживание противоречий в Маньчжурии не могли быть достигнуты лишь в результате компромиссов между Японией и Россией. О своих интересах в этом регионе открыто заявляли США, которые, оказав разнообразную помощь Японии в войне, настаивали на соблюдении принципов политики “открытых дверей” в Китае, включая Маньчжурию. Рассчитывая на взаимное ослабление в войне России и Японии, вашингтонские политики в первую очередь заботились об осуществлении собственной экспансионистской программы на Дальнем Востоке. Если вытеснение из Китая потерпевшей поражение России не представлялось столь уж сложной задачей, то претензии Японии на главенствующую роль для начала в Маньчжурии и Корее создавали для американцев непростую проблему. Правительство США все больше убеждалось в том, что Япония намерена расширять завоеванные позиции в Китае и не заинтересована в политике “открытых дверей”.

Последовавшие за русско-японской войной годы были отмечены укреплением японского господства в Корее, углублением экономического и политического влияния в Южной Маньчжурии, ростом напряженности в японо-американских отношениях. Противоречия между двумя странами усугублялись иммиграционной политикой США, ставившей под строгий контроль въезд в страну японских переселенцев. Одновременно началась гонка военно-морских вооружений США и Японии, не скрывавших своих намерений обеспечить господство на Тихом океане. При дипломатических контактах японское правительство заявляло о желании достичь договоренности, регулирующей японо-американские отношения. В ноябре 1908 г. оно даже подписало с государственным секретарем США соглашение, провозглашавшее сохранение статус-кво на Тихом океане и политику “открытых дверей” в Китае. Однако все это не выходило за рамки вербальных заверений. В действительности же Токио изыскивал пути противодействия американской экспансии в Восточную Азию, рассматривая ее как зону своего преимущественного влияния. Единственной державой, способной оказать поддержку в таком противодействии, была Россия, также озабоченная защитой от США своих интересов в Маньчжурии.

Подобные опасения еще больше усилились после того, как США выдвинули в ноябре 1909 г. план “интернационализации” КВЖД и ЮМЖД путем их выкупа. Желая привлечь Россию к осуществлению этого плана, американцы запугивали

русских японской угрозой, предлагая объединить усилия с тем, чтобы оказывать ей совместное противодействие. При обсуждении же этого плана с японцами представители США использовали метод торга. В обмен на согласие допустить американский капитал в Маньчжурию США соглашались мириться с превращением Кореи в японскую колонию. Одновременно японцам давали понять, что они смогут компенсировать возможные потери от реализации плана за счет России, которая характеризовалась как “подлинный враг Японии”. Однако японское правительство, верно оценив подлинные замыслы США, пришли к выводу, что тактика Вашингтона направлена на поочередное изгнание из Маньчжурии России и Японии и закрепление этого района за американским капиталом⁶.

Намерения США были настолько явными, что при всем недоверии и сохранении враждебности к России правящие круги Японии сочли за благо попытаться создать с ней единый фронт. С осени 1909 г. между Японией и Россией начались переговоры о защите интересов двух стран в Маньчжурии. По итогам переговоров 4 июля 1910 г. было подписано соглашение, которое, по сути дела, явилось ответом на происки американцев. В соглашении провозглашалось обязательство Японии и России поддерживать статус-кво в Маньчжурии и выступать совместно в случае возникновения угрозы сложившемуся положению в этом районе Китая. В секретной части документа подтверждалась установленная соглашением 1907 г. линия разграничения сфер влияния двух стран в Маньчжурии и обязательства сторон “не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах”. Вместе с тем подтверждалась взаимная свобода действий для ограждения, защиты и дальнейшего укрепления интересов сторон, воздержание от всякой политической активности в сфере специальных интересов друг друга⁷.

Из содержания соглашения видно, что обе стороны рассматривали Северо-Восточный Китай как протекторат и были озабочены лишь тем, чтобы никто не пытался оспорить это положение. Расчленив Маньчжурию на “зоны влияния”, имелось в виду со временем полностью подчинить себе эти китайские земли. Один из высокопоставленных японских деятелей маркиз Иноуэ однажды с предельной откровенностью сказал русскому послу, что “обеим соседним державам надлежит иметь в виду, что в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая”⁸.

Начавшаяся в 1911 г. антимонархическая революция в Китае в условиях ослабления центральной власти в стране способствовала упрочению позиций России и Японии в Маньчжурии, а также в Монголии, где скоро начались антикитайские выступления местного населения. В декабре 1911 г. в административном центре Монголии — Урге был свергнут маньчжурский режим и объявлено о создании независимого монгольского государства. Дабы не допустить вовлечения в этот процесс государственного строительства и Внутренней Монголии, где японский капитал имел большие интересы, японцы стали добиваться от России признания этих интересов. Токио предложил русскому правительству зафиксировать сферы влияния в Монголии подписанием специальной конвенции. При этом Япония претендовала на контроль над всей Внутренней Монголией. После нескольких месяцев переговоров стороны пришли к компромиссу. Подписанной в июле 1912 г. новой русско-японской конвенцией Западная Маньчжурия и Внутренняя Монголия были разграничены на русскую и японскую сферы влияния.

В подписанных конвенциях и соглашениях Россия шла на различного рода компромиссы главным образом во имя поддержания с Токио мирных отношений. Видя это, японское правительство попыталось оформить японо-русский со-

союз, который должен был помочь Японии продолжить экспансию в Китае, укрепить позиции в борьбе с западными державами. Проект документа об оформлении союзнических отношений был летом 1914 г. официально представлен царскому правительству. Однако в Санкт-Петербурге не захотели таскать каштаны из огня для Японии и от обсуждения этого предложения уклонились. С началом же Первой мировой войны внимание русского правительства переключилось на Запад, что объективно затруднило активную политику в Китае.

Союзный договор

Начавшуюся 1 августа 1914 г. Первую мировую войну в Японии стремились использовать для установления своего контроля над приморскими районами Китая и северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне вступать в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать на стороне Германии против Антанты было опасно и еще не по силам Японии. Немаловажное влияние на выбор формы участия Японии в войне оказывала позиция входившей в Антанту Российской Империи. Выступить на стороне противника России — Германии означало вновь вступить в конфронтацию с северным соседом. Это противоречило японским планам создания японо-русского союза для совместного противодействия колониальному владычеству в Восточной Азии западноевропейских держав и США.

До японского правительства стали доходить слухи о якобы имевшем место "тайном сближении между Великобританией и Россией, направленном против Японии"⁹. О намерении Лондона не допустить активного японского участия в военных действиях против Германии в Китае свидетельствовали настойчивые "советы" англичан ограничиться действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей в целях защиты торговых путей. Более того, еще 1 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута без участия Японии¹⁰. Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские владения и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. В Токио укреплялось мнение, что "ограничения для Японии проистекают из условий сепаратного сговора между Великобританией и Россией, игнорирующих интересы японской империи в Китае". Не желая мириться с этим, правительство Японии отдало приказ о спешной подготовке экспедиционного корпуса для захвата германских колониальных владений в Китае и на Тихом океане (Маршалловы, Каролинские и Марианские острова).

23 августа в Японии был обнародован манифест об объявлении войны Германии. В тот же день японская корабельная артиллерия обстреляла крепость Циндао, которую занимали немцы. После продолжавшейся два с половиной месяца осады японцы овладели этим германским форпостом, а затем и всей провинцией Шаньдун. В октябре-ноябре 1914 г. силами японского флота были оккупированы и островные владения Германии на Тихом океане.

На этом участие Японии в военных действиях в Первой мировой войне ограничилось. Воспользовавшись занятостью великих держав на фронтах борьбы с Германией и ее союзниками в Европе, японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии в этой стране. 18 января 1915 г. китайскому правительству был вручен документ,

получивший в истории название “21 требование”. Требования были разделены на пять групп. Четыре из них включали условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, и других инфраструктурных объектов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50% необходимого ему вооружения, создавать объединенные японо-китайские арсеналы. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, вело к установлению японского протектората над этой страной.

После того, как Япония для “подкрепления” своих требований увеличила свою группировку в Южной Маньчжурии и Шаньдуне дополнительно на 7 тыс. военнослужащих, китайское правительство вопреки протестам народных масс подписало соответствующие японо-китайские соглашения. Хотя в условиях мировой войны на Западе США и Великобритания не желали обострять отношения с японцами, они не собирались уступать им Китай. Это в Токио хорошо понимали и разрабатывали планы по изменению баланса сил в Китае в свою пользу. Союзником Японии в противоборстве с западными державами могла стать Россия, которая, несмотря на вхождение в Антанту, продолжала рассматривать Великобританию как своего традиционного соперника. Сближение с Японией на антибританской основе отвечало стратегическим целям России. К тому же в условиях затяжной войны в Европе она нуждалась в военных поставках из Японии.

Хотя заключенные в 1907, 1910 и 1912 гг. российско-японские соглашения о разделе Маньчжурии на сферы влияния сыграли определенную роль в сдерживании проникновения американского капитала в этот район Китая, американцы не оставляли надежд под флагом “интернационализации” укрепить здесь свои позиции в железнодорожном и строительном бизнесе. Задача совместного противодействия экономической экспансии США в Маньчжурии объективно требовала углубления политического взаимодействия России с Японией.

Наконец, политику Японии в отношении России в данный период во многом определяло стремление использовать влияние северного соседа как одного из главных партнеров Антанты при решении судьбы захваченных Японией германских владений на Дальнем Востоке и Тихом океане. Это побуждало Токио повысить уровень отношений двух стран, придав им союзнический характер.

С конца 1915 г. между правительствами России и Японии начались переговоры о заключении союзного договора. В качестве компенсации за поставки вооружения Япония вопреки условиям Портсмутского договора выдвинула требование о передаче ей участка КВЖД Куаньчэнцзы—Харбин, а также о предоставлении новых концессий на добычу морских биоресурсов в русских водах и других льгот¹¹. Это затруднило переговоры, которые растянулись на месяцы. Российское правительство отказалось обсуждать японские требования о пересмотре в свою пользу условия разграничения КВЖД и ЮМЖД. В ответ японцы не спешили брать на себя обязательства по поставке России необходимого ей оружия и боеприпасов. Лишь 3 июля 1916 г. был подписан договор, устанавливавший союзные отношения на случай войны.

В соответствии с опубликованным текстом стороны приняли взаимные обязательства не присоединяться к каким-либо союзам, которые были бы направлены против интересов одной из сторон, и в случае угрозы со стороны других стран согласовывать и осуществлять меры по совместной защите своих интересов на Дальнем Востоке. В секретной части договора речь шла о конкретном объекте договора — Китае: «Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии, вступят в открытые и дружеские сношения каждый раз, когда обстоятельства того потребуют, и согласятся относительно мер, которые должны быть приняты, дабы воспрепятствовать тому, чтобы создалось подобное положение»¹²

Привлекая на свою сторону в качестве военного союзника Россию, Токио шел на риск вызвать серьезное недовольство Великобритании, которая в 1911 г. пролонгировала на 10 лет англо-японский союзный договор. Было очевидно, что под упомянутой в русско-японском договоре «третьей державой», которой надлежало противостоять, подразумевались США и Великобритания. Внимательно анализирувавший тогдашнюю международную политику В.И. Ленин утверждал, что между Россией и Японией «заключен уже во время теперешней войны новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 году Россию и теперь осторожно подготавливает возможность при помощи России побить Англию»¹³.

Однако в Лондоне решили воздержаться от заявления протеста, дабы не подтолкнуть Японию к дальнейшим изменениям своего внешнеполитического курса, в частности, в отношении Германии. Для того, чтобы добиться от стран Антанты признания своих новых территориальных приобретений, японское правительство прибегло к шантажу, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление Германией войны, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на западный фронт против Германии, долго не присоединялось к лондонской декларации о незаключении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект — страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытается захватить их дальневосточные владения.

Одной из причин того, что Россия активно поддержала японские претензии на «германское наследство» на Дальнем Востоке и Тихом океане, было, как уже отмечалось, стремление получать из Японии вооружение. Ослабленная войной и внутренними проблемами Россия рассчитывало на поставки из Японии 700 тыс. винтовок и другого вооружения и боеприпасов на 300 млн иен.

Великобритания и США не скрывали своего недовольства заключением русско-японского союзного договора. Госдепартамент США направил правительствам обеих стран ноту, в которой отмечалось на отсутствие в тексте договора подтверждения намерения следовать политике «открытых дверей» в Китае. Хотя Санкт-Петербург и Токио в ответ на ноту на словах подтвердили приверженность этому принципу, действовать они намеревались, руководствуясь исключительно своими интересами.

Союз с Россией позволил усилить позиции Японии в отстаивании претензий на германские колонии. С другой стороны, заключенный союз нейтрализовал Россию при расширении японской экспансии в Китае. 16 февраля 1917 г. японское правительство добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японо-французским, а 5 марта — русско-японским соглашениями. Поддержка японских притязаний, оформленная в этих соглашениях оставалась в тайне до начала Версальской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены. Имея согласие русского правительства на получение “германского наследства”, Японии стало гораздо легче добиваться от западных держав признания перехода Шаньдуна и германских островных владений в Тихом океане в состав японских владений.

Взросший экономический и военный потенциал позволил Японии претендовать наряду со странами Антанты и США на руководящее положение на открывшейся 18 января 1919 г. мирной конференции в Париже. Хотя поначалу западные державы сомневались в целесообразности предоставления Японии равных с ними прав, японское правительство все же добилось включения своих представителей в состав рабочего органа парижской конференции “Совет десяти”, в который вошли по два делегата от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии.

Китайское правительство рассчитывало добиться на мирной конференции согласия великих держав по следующим основным пунктам: 1. Возвращение Китаю Шаньдуна и ликвидация договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе “21 требования”; 2. Ликвидация всех особых прав и привилегий иностранных держав в Китае. Под этим понимались: а) ликвидация сфер влияния; б) вывод с территории Китая иностранных военных и полицейских частей; в) ликвидация почтовых учреждений и радиостанций иностранных держав в Китае; г) отказ от консульской юрисдикции; д) возвращение Китаю “арендованных” территорий и селтльментов; е) предоставление Китаю таможенной самостоятельности; 3. Ликвидация всех политических и экономических прав Германии и Австро-Венгрии в Китае.

Так как удовлетворение этих требований прямо затрагивало интересы западных держав, они отказались рассматривать их. Особо непримиримую позицию по поводу сохранения своих прав в Китае заняла делегация Японии, требовавшая официального подтверждения в мирном соглашении перехода к ней всех германских владений к северу от экватора. При этом японцы ссылались на секретные соглашения 1916 и 1917 гг., в которых Великобританией, Францией и Россией признавались права Японии на эти территории. Заметим, что делалось это в условиях, когда подписывавшее тайные договоры с Японией царское правительство уже не существовало. Тем не менее, представители западноевропейских держав и США сочли доводы убедительными и предпочли удовлетворить территориальные требования Японии. В обмен на эти и другие уступки западные политики ждали от Японии активного участия в подавлении революции в России. Известный японский дипломат С. Того отмечал: “Союзники также страстно желали, чтобы Япония поставила в 1918 г. львиную долю войск для совместного экспедиционного корпуса в Сибири и взяла на себя командование”¹⁴.

Проводимая в годы Первой мировой войны крупными державами мира, в том числе Россией, политика умиротворения Токио за счет интересов Китая не только не ограничила японскую экспансию, но и наоборот, поощряла все новые вооруженные захваты Японии в Восточной Азии, стимулировала японские пра-

Влияние круги устранить в этом обширном регионе мира влияние как западных стран, так и России, не останавливаясь при этом перед войной с ними.

Вторжение в Сибирь

Февральскую революцию 1917 г. в России политические и военные круги Японии восприняли относительно спокойно и даже с оптимизмом. Считалось, что переход от монархии к власти буржуазии в условиях продолжения кровопролитных сражений на европейском фронте мировой войны надолго отвлечет русских от дальневосточных проблем, позволит Японии беспрепятственно завоевывать Китай, внедряться в экономику Приморья и других районов России. Совершенно иную реакцию вызвало известие о рождении в результате Октябрьской революции нового государства — Советской России. “Уже сам факт свержения монархии и капитализма вызвал у господствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к советской власти — отмечали японские историки. Она была объявлена “самым опасным и злейшим врагом”, и началась спешная разработка планов “преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта”¹⁵. Имелось в виду “собственными силами захватить Сибирь, задуть революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим”¹⁶.

8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской военной академии выступил один из идеологов милитаризма генерал Кадзусигэ Угаки, который обрушился на большевиков, обвинив их в том, что они “сломали столетиями существовавшую империю, растоптали принципы демократии и создали анархическую систему власти безответственных интеллигентов и нищих”. Страшась воздействия революционных идей на умы японцев, генерал требовал создания “правительства твердой руки и великой решимости в борьбе против национальных предателей, выставляющих себя революционерами”¹⁷.

Японские генералы не считали революционную Россию серьезным противником и предсказывали быстрое овладение японскими войсками “обширными азиатскими территориями вплоть до границ между Азией и Европой”. О том, что выдвинутые впоследствии в качестве обоснования интервенции “гуманитарные причины” были лишь прикрытием, свидетельствуют откровенные призывы к агрессии, публиковавшиеся в японской прессе сразу после сообщений об Октябрьской революции. О том, что писала в ноябре-декабре 1917 г. газета “Хоти симбун” рупор реакционных кругов Японии, свидетельствуют заголовки статей: “Смута в России и требования отправки японских войск”, “Один из путей — независимость Сибири”, “Неотложная задача отправки войск в Сибирь. Пр продемонстрируем мощь Японии”, “Послать войска!”.

Правительство молодой Советской республики, сознавая нависшую над российским Дальним Востоком и Сибирью опасность вторжения, искало возможность вступить в переговоры с Японией. Еще в декабре 1917 г. оно обратилось к японским представителям в Петрограде с предложением пересмотреть все договорные обязательства между царской Россией и Японией и заключить новое торгово-экономическое соглашение. Однако взявшее курс на подавление революции и захват российской территории японское правительство не желало нормальных отношений с новой Россией.

С конца 1917 г. между США, Англией, Францией и Японией велись активные переговоры об организации интервенции. Было решено, что свержением советской власти на Дальнем Востоке и в Сибири будут заниматься в основном японские войска. Однако в отличие от западноевропейских держав США не собирались полностью отдавать эти богатые природными ресурсами земли япон-

цам. Вашингтонских политиков озаботили попытки Токио заранее оговорить свои права на получение рыболовных, горнорудных и лесных концессий в Сибири, что означало установление там единоличного экономического и политического контроля Японии. С тем, чтобы воспрепятствовать этому, было решено направить на российский Дальний Восток и американские войска.

Поводом для начала вторжения было убийство во Владивостоке в ночь на 5 апреля 1918 г. неизвестными двух сотрудников японской торговой конторы "Исидо". Это походило на спланированную провокацию, явившуюся сигналом для начала задуманной операции. Не дожидаясь выяснения обстоятельств происшедшего, в тот же день под прикрытием артиллерии вошедших во внутреннюю гавань порта военных кораблей во Владивостоке высадились две роты японских пехотинцев и подразделение английской морской пехоты. Быстро заняв центр города, японское командование пыталось представить свои действия как чисто полицейскую акцию с целью поддержания общественного порядка. Однако уже на следующий день масштабы операции были расширены — силами десантного отряда в 250 чел. был захвачен прикрывавший Владивосток с моря хорошо укрепленный остров Русский.

То, что проведенная японцами акция знаменовала собой начало вооруженной интервенции, не вызывало сомнений. В день высадки японских войск правительство Советской республики выступило с сообщением, в котором было заявлено: "Давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян"¹⁸. В директиве правительства Владивостокскому совету содержалось предупреждение: "Не делайте себе иллюзий: японцы, наверное, будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил".

Чтобы двинуться в глубь Сибири, японцы и американцы спровоцировали так называемый "мятеж чехословаков". Входившие ранее в состав австро-венгерской армии чехи и словаки по решению советского правительства направлялись на родину через Владивосток. К концу мая 63 эшелона с объединенными в так называемый Чехословацкий корпус 40 тыс. репатриантов растянулись по всей Сибири от Пензы до Приморья. Советские власти беспокоило то, что корпус следовал через незащищенную российскую территорию с оружием. С тем, чтобы исключить по пути следования какие-либо инциденты и столкновения, был отдан приказ о сдаче оружия. Воспротивившись этому, корпусное командование призвало своих солдат и офицеров к неповиновению, вылившемуся затем в открытый мятеж¹⁹.

В Токио и Вашингтоне тотчас же решили воспользоваться ситуацией. 6 июля 1918 г. Белый дом санкционировал посылку в Сибирь войск "для оказания помощи чехословакам". Для начала было решено направить на территорию России японские и американские войска численностью в 7 тыс. штыков. Однако японцы, для которых главным было быстро занять как можно больше стратегически важных районов Дальнего Востока и Сибири, не собирались вводить какие-либо ограничения для численности своих интервенционистских войск. Уже 2 августа они под прикрытием миноносцев, высадив десант в устье Амура, овладели городом Николаевск-на-Амуре, а 12 августа перебросили во Владивосток пехотную дивизию, численностью около 16 тыс. чел. Наряду с японцами город оккупировали также меньшие по численности контингенты английских, французских и американских войск.

Командующим оккупационными войсками на российской территории был назначен японский генерал Отани. По официальным американским данным, на российский Дальний Восток было направлено 72 тыс. японских и свыше 9 тыс. американских военнослужащих. При этом следует иметь в виду, что численность японских интервенционистских войск менялась. Так, в литературе существуют указания на то, что в различные периоды оккупации на Дальнем Востоке и в Сибири действовало до 100 тыс. японских солдат и офицеров²⁰.

Хотя в принятом 7 ноября 1918 г. VI Чрезвычайным съездом Советов обращении к правительствам великих держав, в том числе Японии, было сделано предложение начать переговоры о мире, интервенция на востоке России не только продолжалась, но и охватывала все новые районы — Приморье, Приамурье и Прибайкалье. В условиях острой нехватки здесь регулярных войск повсеместно разворачивается партизанское движение. К осени 1919 г. под руководством подпольных большевистских организаций в партизанских отрядах насчитывалось 45—50 тыс. бойцов: в Забайкалье — 15—20 тыс., в Амурской области — 10 тыс., в Приамурье и на Северном Сахалине — 6 тыс., в Приморье — 10—15 тыс.²¹.

Имея многократное преимущество в численности, оккупанты тем не менее не могли своими силами контролировать захваченную территорию восточной части России. Это вынуждало их использовать своих ставленников из числа укрывшихся на территории Китая и возглавлявших вооруженные формирования атаманов — Семенова, Калмыкова, Гамова. С их помощью на оккупированных японскими войсками территориях отменялись все законы и установления Советской власти, реставрировались старые, дореволюционные порядки. Были восстановлены дореволюционные права офицерства, чины и звания царских чиновников, казачье сословие. Национализированные предприятия возвращались прежним владельцам. Крестьянам было позволено пользоваться только “теми земельными гранями, кои были до марта 1917 года”²².

В ходе Гражданской войны значительная часть Сибири была захвачена войсками Колчака, который, присвоив себе звание Верховного правителя России, координировал свои действия с японским командованием и получал от него материальную помощь. Все выступавшие за свержение Советской власти силы, будь то интервенты или белогвардейцы, применяли крайне жестокие методы борьбы с политическими противниками и партизанами.

По всему Дальнему Востоку и Сибири развернулись кровавые расправы с представителями Советской власти и сочувствующими. С целью запугать местное население сжигались целые деревни и устраивались массовые показательные расстрелы, проводились карательные операции. Существует множество свидетельств бесчинств и бесчеловечного обращения оккупантов с местным населением. Вот лишь одно из них. Жители деревни Круглая Рождественской волости сообщали в марте 1919 г.: “Расстреляно японцами 25 человек, после которых осталось 25 душ семейств. Японские отряды входили деревню 2 раза:

17 февраля 1919 г. было сожжено 23 двора, 25 октября 1919 г. сожжено 67 дворов, имущество разграблено. Общий убыток от пожара и грабежей выражается в 201 315 рублей золотом”²³.

В результате активных боевых действий созданной после революции Красной Армии и сибирских партизанских формирований к концу 1919 г. армия Колчака была разгромлена. Потеряв надежду на восстановление в России прежнего режима, правительства США и стран Антанты приняли решение об отзыве своих войск из Сибири. Однако правительство Японии, не пожелав присоеди-

ниться к этому решению, продолжало оккупацию российской территории. С тем, чтобы добиться вывода японских войск с Дальнего Востока,²⁴ февраля 1920 г. советское правительство официально предложило Токио “начать с мирных переговоров с целью гарантировать обоим народам мирное сожительство, добрососедские отношения и взаимное удовлетворение их обоюдных интересов”.²⁴

Хотя в японской оккупационной армии началось брожение и отмечались факты заключения соглашений о перемирии с местными русскими отрядами, далеко не все в Японии соглашались вернуть войска на родину, отказаться от целей интервенции. Предлогом для продолжения пребывания японских войск на российском Дальнем Востоке стали так называемые “николаевские события”. Так как эти события и по сей день используются в Японии в качестве обоснования затянувшейся на годы интервенции, приведем как японскую, так и российскую версию происшедшего.

Японские историки пишут: “Революция в России 1917 года оказала глубокое влияние на капиталистические государства во всем мире. Борьба в каждом из таких государств рабочего класса и коммунистических организаций против капитализма увеличила социальную напряженность. Появление в России пролетарского государства усилило у рабочих всех стран чувство солидарности с Россией как государством, порожденным революцией. В результате этого у них не могло не возникнуть мечты осуществить мировую революцию, которую провозгласили большевики.

Капиталистические государства стали на сторону представителей старого строя и их войск — Белой армии, что представляло вмешательство в Гражданскую войну. По настоянию трех государств Антанты два других государства — Япония и Соединенные Штаты под предлогом спасения Чехословацкого корпуса приняли решение о военной экспедиции в Сибирь. В августе 1918 г. войска Англии, Канады, Франции, Соединенных Штатов и Японии высадились во Владивостоке. Японские войска, нарушив договоренность о том, что их численность, как и американских вооруженных сил, будет составлять 7 тыс. чел., продолжали наращивать свою мощь и довели численность войск до 72,4 тыс. чел.

Что касается Гражданской войны, то, начиная с 1920 г., преимущество Красной Армии стало очевидным, и в марте того же года американские войска были полностью выведены на родину. Однако японская армия так не поступила. В феврале 1920 г. произошел так называемый “Николаевский инцидент”, в результате которого жертвами партизан в городе Николаевске-на-Амуре стали 384 японских местных жителя и 351 японский военнослужащий. Поэтому японские войска продолжали находиться в России до октября 1922 г. (а на Северном Сахалине — до 1925 г.)”²⁵.

В одном из недавних российских изданий на эту тему дается более подробная картина событий: “Николаевский инцидент” произошел 12—14 марта 1920 г. Еще в начале февраля отряды красных партизан низовьев Амура захватили крепость Чныррах и до 28 февраля держали с суши в блокаде город Николаевск-на-Амуре, который занимали японский гарнизон и белогвардейцы. Японское командование заключило с партизанами соглашение, по которому обязывалось соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в жизнь освобожденного партизанами города.

Однако нейтралитет интервенты соблюдали недолго. В ночь на 12 марта японский гарнизон под командованием майора Исикава, по-самурайски вероломно нарушив недавнее соглашение, внезапно атаковал казармы партизан и их штаб. Однако нападавшие не добились желаемого и не застали амурских парти-

зан врасплох. В ходе кровопролитных трехдневных боев японский гарнизон оказался наголову разгромленным и изгнанным из города.

Несколько позднее, после очищения Амура ото льда, в Николаевск-на-Амуре на военных судах прибыл крупный японский экспедиционный отряд с карательными функциями. Партизаны из-за своей малочисленности, скудного оснащения и отсутствия боеприпасов не могли защищать освобожденный город и ушли из него вместе с местными жителями. Японцам, по сути дела, без боя достался обезлюдивший город, который прикрывал собой устье реки Амур²⁶.

Желая отомстить за поражение в Николаевске-на-Амуре, японские каратели организовали в Приморье массовую резню — было убито и ранено свыше 50 тыс. чел., в том числе в топке паровоза сожжен один из руководителей Дальнего Востока Сергей Лазо. В апреле японцы силой разогнали во Владивостоке и других городах Приморья и Хабаровске органы власти, разоружили местные войска. Под предлогом “защиты жизни и собственности соотечественников” в этом же месяце японские войска оккупировали северный Сахалин.

Так как изгнание японских войск с российской территории было признано “сейчас непосильным”, советское правительство в целях временного мирного урегулирования в восточных районах страны решило пойти на создание “буферного” демократического государства на Дальнем Востоке. 6 апреля 1920 г. учредительный съезд трудящихся Забайкалья в Верхнеудинске провозгласил образование самостоятельной Дальневосточной республики (ДВР), включившей в свой состав территорию от Байкала до Тихого океана. Одновременно советское правительство предложило Японии прекратить военные действия на Дальнем Востоке.

Неся потери в столкновениях с частями армии ДВР и партизанами, японцы согласились на переговоры. 14 июля 1920 г. между правительством ДВР и командованием экспедиционных войск на Дальнем Востоке был подписан договор о перемирии, после чего японские войска были выведены из Забайкалья. Потеряв поддержку японцев, бежали в Маньчжурию банды атамана Семенова. После освобождения Чита стала столицей Дальневосточной республики. Хотя японцы продолжали оккупировать Приморье и не желали отказываться от планов подчинения себе входящих в ДВР сибирских территорий, ситуация складывалась не в их пользу. В принятом 4 августа 1920 г. постановлении японского правительства говорилось: “Общее положение в Европе, победы советских армий на польском фронте, возрастающая опасность со стороны Советского правительства, ощущаемая антипатия со стороны Соединенных Штатов и Китая, шаги, принятые Америкой в вопросе о Сахалине, общая подготовка Соединенных Штатов к войне... препятствуют нам полностью проводить наши политические проекты в Сибири... Операция против Амурской области должна быть приостановлена, но войска следует держать наготове”²⁷.

Понимая, что Москва рассматривает ДВР как временное образование, японское командование стремилось устранить из Народного собрания и правительства республики коммунистов и способствовать захвату власти в Приморье контрреволюционными силами. С этой целью в начале декабря 1920 г. при прямом участии японцев в Приморье были переброшены из Маньчжурии три дивизии белогвардейцев. Эти войска были использованы при организации переворота и передаче в мае 1921 г. власти выполнявшему волю японцев “правительству Меркулова”. Однако расширить масштабы мятежа за пределы Южного Приморья не удалось²⁸.

Продолжение вооруженной борьбы Красной Армии и партизан с интервентами, факты разложения и дезертирства солдат и офицеров японской экспедици-

онной армии вынудили Токио вступить в переговорный процесс. Обсуждение условий мирного урегулирования велось между ДВР и правительством Японии с августа 1921 по апрель 1922 г. в китайском городе Дайрене. Делегация ДВР предложила подписать договор, предусматривавший обязательства Японии эвакуировать все войска с Дальнего Востока. Однако японская сторона, отклонив это предложение, выдвинула свой проект, обязывающий ДВР уничтожить все укрепления на границе с Кореей и в районе Владивостокской крепости, уничтожить военный флот на Тихом океане, признать свободу проживания и передвижения японских военных чинов в ДВР, приравнять японских подданных к подданным ДВР в области торговли, ремесла, промыслов, предоставить японским подданным право собственности на землю, свободу плавания японским судам по рекам Амуру и Сунгари, передать Японии в аренду на 80 лет остров Сахалин, не вводить в ДВР коммунистического режима и др.²⁹ Расценив подобные требования как направленные на превращение российского Дальнего Востока в японскую колонию, делегация ДВР решительно их отвергла. В ответ японская делегация заявила 16 апреля, что “в соответствии с указанием своего правительства она прерывает конференцию”.

Чтобы укрепить свои позиции на переговорах, японцы организовали наступление белогвардейских частей из Приморья на Хабаровск. Пользуясь превосходством в силах, насчитывавшие 20 тыс. штыков формирования белогвардейцев овладели Хабаровском и, координируя свои действия с японским командованием, изготавились к броску в Амурскую область. Однако эти планы были сорваны. В начале 1922 г. армия ДВР нанесла поражение белогвардейцам при Волочаевке, а 14 февраля был освобожден Хабаровск. Последовавшие попытки японцев и белогвардейцев вновь перейти в наступление были сорваны.

Негативное отношение к продолжению интервенции как внутри страны, так и за рубежом, в частности в США, побудило японское правительство вступить в переговоры уже не только с ДВР, но и с РСФСР. Конференция открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне. Началу переговоров способствовало заявление японского правительства о готовности до 1 ноября 1922 г. вывести войска из Приморья. Объединенная делегация ДВР и РСФСР потребовала эвакуации японских войск также с Северного Сахалина. Японцы, заявив о своем несогласии прекратить оккупацию острова, выдвинули прежний вариант своих условий. Это завело конференцию в тупик — 26 сентября она была прервана.

Вопреки обещанию об эвакуации войск японское правительство стало открыто готовить отторжение Приморья. Было заявлено о намерении, объединив Приморье и Маньчжурию, создать на их территории “буферное образование” под протекторатом Японии. Японская газета “Кокумин” в сентябре опубликовала высказывание начальника генерального штаба японской армии о том, что без создания русско-маньчжурского буфера “нельзя осуществить японские планы в Сибири и Маньчжурии”³⁰. Становилось ясно, что по своей воле японские интервенты российский Дальний Восток не оставят.

1 сентября 1922 г. белогвардейцы вновь попытались перейти в наступление из Приморья на север. Однако силы армии ДВР и партизанские отряды отбили их атаки, а затем, перейдя в октябре в контрнаступление, овладели опорным пунктом белых в районе Спасска. 15 октября был освобожден Никольск-Уссурийский и войска ДВР вплотную подошли к Владивостоку. Здесь им путь преградили японские войска. 21 октября правительства РСФСР и ДВР направили ноту правительству Японии, в которой заявили решительный протест против “затягивания эвакуации и недопущения русских войск во Владивосток”³¹. Оказавшись в окружении стянутых

кк Владивостоку подразделений регулярной армии и партизанских отрядов ДВР японское командование вынуждено было подписать соглашение об эвакуации своих войск не позднее 25 октября 1922 г. В этот день Владивосток и весь Дальний Восток перешли под власть правительства Дальневосточной республики.

13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР объявило власть Советов на всем Дальнем Востоке, а 16 ноября 1922 г. ВЦИК провозгласил ДВР составной частью РСФСР.

11. Извольский А.П. Воспоминания; М., 1924. С. 91.
22. Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914): Очерки истории отношений. М., 1974. С. 21.
33. Там же. С. 30.
44. См. подробнее: Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965. С. 126—131.
55. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 240.
66. Канторович А. Америка в борьбе за Китай. М., 1935. С. 130—131.
77. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 91—92.
18. Маринов В.А. Указ. соч. С. 85.
9. Японский милитаризм: (военно-историческое исследование). М., 1972. С. 71.
10. Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 233.
11. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 283—284.
12. Гримм Э.Д. Указ. соч. С. 191.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 188.
14. Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 49.
15. Имаи Сэйдзиро. Рококу какумэй дзицудзе [Истинное положение революции в России]. Токио, 1918. С. 82—83.
16. Тайхэйе сэнсо си [История войны на Тихом океане]. Т. 1. Токио, 1972. С. 45.
17. Кадзухигэ Угаки. Гумби то сэйсин кеику [Подготовка армии и моральное воспитание]. Токио, 1921. С. 9—10.
18. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 225.
19. См.: Шишов А. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 279—280.
20. История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 128. Приводятся и другие цифры: “Подсчитано, что с августа 1918 года по октябрь 1919-го Япония ввела на территорию дальневосточного края 120 тысяч своих войск. Общая же численность войск интервентов здесь в начале 1919 года составила 150 тысяч человек”. (Шишов А. Указ. соч. С. 289).
21. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922). Новосибирск, 1974. С. 15.
22. Там же. С. 13—14.
23. Цит. по: Шишов А. Указ. соч. С. 297.
24. Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 389.
25. Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. М., 2000. С. 57—58.
26. Шишов А. Указ. соч. С. 314.
27. Japanese Intervention in the Russian Far East. Washington, 1922. P. 60. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 32.
28. См. подробнее: Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1974. С. 164—175.
29. Там же. С. 180.
30. Шерешевский Б.М. Указ. соч. С. 172.
31. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1960. С. 624.

Природопользование

Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды

© 2009

Н. Приходько, В. Черная, Чан Янь

Рассматриваются экологические проблемы, стоящие перед современным Китаем, которые носят комплексный характер и затрагивают все основные компоненты биосферы. Говорится о мерах, предпринимаемых китайскими властями по охране окружающей среды, и сотрудничестве с другими странами, особенно с Россией, в этом направлении.

Ключевые слова: проблемы опустынивания, сокращение лесного покрова, пылевые бури, кислотные дожди, дефицит воды, экологические проекты

Экологическая проблема является для Китая одной из актуальнейших проблем современности. Причем наиболее остро она стоит в последние годы. Причины кризиса обусловлены принятой моделью экстенсивного экономического развития, при которой главное внимание уделяется темпам наращивания производственной мощи, а природа рассматривается как источник бесплатных ресурсов. Кризис усугубляется огромной численностью населения и низкой обеспеченностью ресурсами из расчета на душу населения.

В современных условиях, при необходимости выхода КНР на более высокий уровень социально-экономического развития китайское руководство уделяет повышенное внимание экологической проблематике.

В настоящее время перед Китаем стоит ряд следующих экологических проблем.

Одной из самых актуальных является *проблема опустынивания*. Этому процессу подвержено не менее 1/3 территории КНР, то есть около 3 млн кв. км¹. Площадь земель, подвергшихся опустыниванию, ежегодно увеличивается в среднем на 3436 кв. км². Главной причиной является состояние степей. Сейчас около

Приходько Николай Николаевич, директор центра геополитических исследований Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: nicolas@amur.ru

Черная Валентина Юрьевна, референт центра геополитических исследований Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: 4tv@rambler.ru

Чан Янь (КНР), аспирантка Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

90% степей подвержено деградации: опустыниванию — 35,6%, потенциальному опустыниванию — 46,7%, засолению — 5,7%. Строительство в верховьях рек ирригационных объектов стало одним из факторов, вызывающих засухи в районах. Опасны также вырубка и уничтожение пескозакрепляющих растений в ското-водческих районах. Большой ущерб степям Китая наносят грызуны и чрезмерный выпас скота (каждая особь вытаптывает за сезон почти 2 га земли)³.

Кроме того, остается актуальной проблема эрозии черноземов. В результате "глубокой" вспашки и нарушения растительного покрова, а также широко-го использования химических удобрений качественные характеристики почв ухудшаются. Значительные масштабы приобрело сокращение и истощение земельного фонда. Большой вред нанесла в 50-е гг. прошлого века установка "зерно — главное звено". Упор на производство зерна вызвал истощение пахотных земель⁴. В настоящее время площадь подвергающихся эрозии земель составляет 3,56 млн кв. км, или 37% общей территории страны. В Китае из-за эрозии слой почвы ежегодно уменьшается на 5 млрд т⁵. Этот процесс также сопровождается рядом стихийных бедствий, включая оползни, селевые потоки и др⁶.

Неправильные методы орошения послужили причиной засоления земель к северу от реки Хуайхэ на Северо-Китайской равнине. Этому процессу подвержено от 10 до 20% орошаемых земель⁷. Китай страдает также от накопления избыточной влаги в почве, подъема грунтовых вод, заболачивания и биологической деградации поверхностного слоя, также приводящих к снижению почвенного плодородия⁸.

Леса в КНР расположены неравномерно. Их площадь составляет около 13% территории⁹. КНР занимает пятое место в мире по площади лесов, однако на душу населения приходится лишь 0,11 га, то есть в 6 раз меньше, чем в среднем в других странах. Стремительный рост экономики Китая вызвал увеличение спроса на продукцию лесной промышленности, в результате чего площадь лесов стала сокращаться. Страна в настоящее время переживает кризис, характеризующийся повышенным спросом на древесину и экологический потенциал лесов, быстрым истощением природных лесов и низким качеством искусственных лесопосадок¹⁰. Таким образом, проблема сокращения лесного покрова является одной из самых актуальных.

Насущной также является проблема пылевых бурь. Они становятся все более опасными для здоровья людей. Сочетаясь с содержащимися в воздухе твердыми частицами, выделяемыми в результате человеческой деятельности, бури ухудшают и без того плохое состояние воздуха. В последние годы интенсивность штормов повышается, они сочетаются с сажей и другими аэрозолями, что усиливает их вредное действие. Сильные песчаные бури возникли в северо-восточных китайских провинциях и в западной части Автономного района Внутренняя Монголия КНР в 2006 г. За последние 50 лет ежегодно во Внутренней Монголии происходит в среднем до 15 мощных пыльных штормов¹¹.

Растущие потребности в энергии, удовлетворяемые в основном за счет сжигания угля, ведут к повышению концентрации пыли и ухудшению качества атмосферного воздуха. Растущий спрос на уголь, на котором работают две трети всех китайских электростанций — важнейшая причина быстрого увеличения выбросов диоксида серы¹². Только вследствие сжигания в Китае ископаемых видов топлива в атмосферный воздух выбрасывается около 20 млн т вещества. Предельно допустимые концентрации диоксида серы превышаются в 4—10 раз¹³. В 2003 г. Китай выбросил в атмосферу 21 млн тонн диоксида серы — на 12% больше, чем в 2002 г.¹⁴

Одна из важнейших экологических проблем — кислотные дожди. Они разрушают строительные материалы и способны погубить посевы сельскохозяй-

ственных культур¹⁵. Китай по валовым загрязнениям атмосферного воздуха углекислым газом и другими парниковыми газами занимает второе место в мире после США¹⁶. Кислотные осадки выпадают в 265 городах КНР. Пять мегаполисов — Пекин, Шэньян, Сиань, Гуанчжоу и Шанхай возглавляют десятку городов мира с самой загрязненной атмосферой¹⁷. Около 0,28 млн га лесных земель были повреждены из-за кислотных дождей в Сычуаньской котловине. По меньшей мере две трети кислотных осадков в регионе связаны с электростанциями, работающими на угле и имеющими устаревшее очистное оборудование. Растущее число автомобилей, повышение потребления угля и чрезмерное применение минеральных удобрений играют все большую роль в загрязнении окружающей среды, в том числе посредством кислотных дождей. Транспорт стал основным источником загрязнения воздуха в крупных городах.

С выбросом вредных веществ в атмосферу связана также проблема *истощения озонового слоя*. Китай — крупнейший производитель и потребитель хлорфторуглеродов в Азии. Потребление веществ, способствующих истощению озонового слоя, росло в Китае за 1986—1994 гг. более чем на 12% в год¹⁸.

Быстрый рост населения и экономическое развитие становятся определяющими факторами возникновения *дефицита воды*. За последние 50 лет потребление воды в сельском хозяйстве выросло здесь в 3 раза, в промышленности — в 46 раз, в коммунальном секторе — в 41¹⁹. Площадь районов, снабжаемых питьевой пресной водой хорошего качества составляет менее 2% всей территории КНР. Более 400 из 668 городов Китая испытывают острый дефицит воды, 110 городов переживают водный кризис, 32 города с населением свыше 1 млн чел. не в состоянии обеспечить минимальную норму водопотребления²⁰. К 2010 г. эксперты прогнозируют первый серьезный «водяной» кризис²¹.

Засухе регулярно подвержено порядка 15% земель, а в особо засушливые годы — до 30% неорошаемых земель. Поэтому в засушливых регионах широко используются подземные воды²². В настоящее время площадь, ежегодно порождаемая засухами, увеличилась на 68% по сравнению с серединой 1950-х гг.²³

Дефицит воды обусловлен ее неэффективным использованием. На единицу произведенной продукции в промышленности затрачивается в 10—20 раз больше воды, чем в развитых странах. В сельском хозяйстве, потребляющем основную долю воды, орошение ведется традиционными методами, устаревшими и неэффективными²⁴.

Чрезвычайно высокое использование удобрений и пестицидов в сельском хозяйстве ведет к *нитрификации и эвтрофикации рек и озер*. Свыше 80% всех рек страны загрязнены, свыше 20% из них настолько значительно, что их вода непригодна даже для орошения. Хуанхэ считается одной из самых загрязненных рек в мире. В результате ежегодно от заболеваний, связанных с водой, умирает более 500 тыс. детей, высок общий уровень заболеваемости и потеря трудоспособности²⁵.

Треть сельскохозяйственных земель и две трети городов подвержены затоплениям в период сильных *наводков*, потери от которых с 1993 по 1997 гг. составили 95 млрд долл. — почти пятую часть дохода страны за тот же период²⁶.

Немаловажной проблемой является *загрязнение прибрежных акваторий*. Ежегодно в Мировой океан Китай сбрасывает до 300 млрд м³ сточных вод, 90% которых не подвергается предварительной очистке. На площади около 110 тыс. кв. км загрязнение прибрежных морских вод страны превышает допустимые нормы²⁷. Рост объемов отвода сточных вод в моря повлек за собой загрязнение 50% территориальных вод КНР. При этом загрязнение 25% прибрежных вод является средним или же серьезным. Более других загрязнены

Ляодунский, Бохайский, Ханчжоуский заливы, а также дельты рек Янцзы и Чжуцзян. Сброс отходов происходит в 600 пунктах²⁸.

С 2001 по 2004 гг. в КНР произошло в общей сложности 3988 случаев загрязнения воды²⁹. Самая серьезная катастрофа произошла в ноябре 2005 г., когда в результате взрыва на химзаводе в городе Цзилинь в реку Сунгари было сброшено около 100 т нитробензолных веществ. После этого случая произошло более 130 *инцидентов загрязнения воды*. Загрязнение воды в Китае происходит каждые два-три дня. В декабре 2006 г. стало известно о загрязнении кадмием реки Бэйцзян на юге Китая. В январе 2006 г. произошло загрязнение реки Хуанхэ. В районе города Гунъи на электростанции произошла утечка 6 тонн дизельного топлива. Химические вещества попали в приток реки Хуанхэ³⁰. В Китае более 20 000 нефтехимических заводов расположено вдоль рек. 10 000 из них расположены в бассейне реки Янцзы, 4000 — в бассейне реки Хуанхэ, и 2000 в других районах источников воды и густонаселенных пунктах. Основными причинами этих инцидентов являются как неудовлетворительное состояние мероприятий по охране окружающей среды, так и нарушение норм при строительстве заводов³¹.

Тяжелое состояние литосферы, атмосферы и гидросферы не могло не сказаться на видовом *разнообразии флоры и фауны*. Количество видов и численность популяций диких животных неуклонно сокращаются. Некоторые виды, в том числе и такие, как большая панда, золотоволосая обезьяна и китайский тигр, имеющие общемировое значение, находятся на грани полного исчезновения, а некоторые из них подвергаются безжалостному истреблению³². На больших площадях произошло изменение флористического состава: в травостое сократилось общее и видовое количество кормовых трав, заметно увеличилось обилие несъедобных и ядовитых растений, снизился объем зеленой массы. Улучшить биологический баланс, установившийся на самом низком уровне, теперь чрезвычайно трудно³³.

Таким образом, экологические проблемы в Китае носят комплексный характер и затрагивают все основные компоненты биосферы. Состояние всех жизненно важных составляющих среды обитания крайне неудовлетворительное. Загрязнения в большинстве случаев вызваны антропогенной деятельностью. Экологическая составляющая природопользования долгое время не бралась в расчет, в результате чего Китай находится сейчас в состоянии всеобъемлющего природного кризиса. Для его преодоления необходимо предпринимать ряд практических и долгосрочных мер. Следует отметить, что экологические проблемы Китая актуальны также и для соседних государств, в том числе и для России. Так, например, вредные вещества переносятся воздушными потоками с территории КНР на большие расстояния, немаловажным является состояние трансграничных рек и уменьшение биоразнообразия приграничных территорий.

Китай, будучи членом мирового сообщества, прилагает все усилия по охране окружающей среды в стране, энергично способствует международному сотрудничеству в этом направлении, добросовестно выполняет взятые на себя международные обязательства. В июне 1992 г. состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию. В продолжение этого форума китайское правительство в августе 1992 г. разработало политические установки, касающиеся окружающей среды и развития Китая. Они нашли свое воплощение в формате "Белой книги" 1994 г., разработанной в ходе реализации программы "Китай в XXI веке: население, окружающая среда и развитие"³⁴. На конференции ООН в Киото (Япония) в 1997 г. правительства 84 стран мира подписали Киотский протокол по сокращению выбросов антропогенного углекислого газа, Китай согласовывает собственную экологическую политику с международными решениями. За последние годы КНР присоединилась к пактам о защите озонового слоя, об

изменении климата, о сохранении многообразия живого мира и еще к двум десяткам других международных актов, более чем с двадцатью государствами подписаны соответствующие соглашения. Перед огромной страной стоят сложные задачи в деле выполнения международных экологических обязательств, руководство КНР понимает всю важность их своевременного решения.

В качестве яркого примера современного подхода к этой проблеме в КНР можно назвать известный центр тяжелой промышленности — Далянь. В последние годы здесь была проведена работа по совершенствованию индустриальной структуры и планированию промышленности. Было закрыто или вынесено из центральной части города 105 предприятий, качество окружающей среды достигло лучшего уровня за последние 20 лет. В 2001 г. Программа ООН по окружающей среде, которая ежегодно называет 100 лиц и коллективов, внесших особый вклад в охрану окружающей среды в мире, включила Далянь в этот список и присвоила ему звание лучшего города мира. Это единственный город в КНР, удостоенный такой чести³⁵.

Правительство КНР ищет пути и к привлечению зарубежных инвесторов в реализации экологических проектов. Только за последний год прошли сообщения о 70 проектах с участием зарубежных партнеров. Они были выбраны из 1000 проектов строительства городских канализационных очистных сооружений, сооружений для очистки стоков промышленных предприятий, установок газоочистки и производств по обработке и удалению твердых отходов³⁶.

Так как опустынивание является одной из важнейших проблем современности и причиной ухудшения климата в АТР, КНР ратифицировала принятую в 1994 г. в Париже Генеральной Ассамблеей ООН «Конвенцию ООН по борьбе с опустыниванием»³⁷.

Китай активно сотрудничает с другими странами в вопросе предотвращения пылевых бурь. Министры охраны окружающей среды КНР, Японии и Республики Корея 14 декабря 2003 г. в Пекине заявили о намерении сотрудничать в борьбе с загрязнением, приняли решение о создании сети контроля за кислотными осадками в Северо-Восточной Азии, системы предупреждения песчано-пылевых бурь и региональный координационный центр по охране окружающей среды в Северо-Западном побережье Тихого океана³⁸.

Летом 2005 г. в городе Шэньян (Китай) состоялась Конференция по проблемам экологии в странах Северо-Восточной Азии в городе Шэньян (Китай). Проблемы безопасного обращения с отходами обсуждали делегации из России, Китая, а также Республики Корея, Японии, Монголии³⁹.

Российско-китайское сотрудничество в экологической сфере осуществляется достаточно активно в целях предотвращения загрязнения трансграничных вод, борьбы с браконьерством, соблюдения правил рыболовства, координации усилий по рыбозахвату и т.д. В ряде двусторонних международных договоров, уделяется значительное внимание экологическому аспекту⁴⁰.

Страны осуществляют сотрудничество в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, предотвращения трансграничных загрязнений, рационального использования пограничных водотоков, живых ресурсов в северной части Тихого океана и бассейна приграничных рек, а также осуществляют сотрудничество по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий. Это можно было наблюдать во время ликвидации последствий взрыва, произошедшего 13 ноября 2005 г. на химическом заводе в провинции Цзилинь⁴¹. Страны развивают сотрудничество в области освоения и использования лесных ресурсов на основе принципа рационального и неистощительного лесопользования на основе законодательства обе-

них стран⁴². Что касается Амурской области, то сотрудничество между природоохранными органами в области охраны окружающей среды с провинцией Хэйлуцзян установилось в 1992—1994 гг., было прервано китайской стороной в 1995 г. и возобновлено в 2002 г. Стороны договорились об обмене данными наблюдений за состоянием вод реки Амур, об информационном обмене методами контроля над состоянием окружающей среды, технологиями очистки и др.⁴³. С 1994 г. осуществляется совместное изучение акватории реки Амур в целях выявления факторов загрязнения и контроля за содержанием вредных веществ⁴⁴.

В 1994 г. Россией и КНР была разработана “Схема комплексного использования водных ресурсов пограничных рек Аргунь и Амур”, ориентированная на создание ряда ГЭС в русле Амура⁴⁵. Однако следует отметить, что экологические разделы схемы скорее описательные, чем аналитические и имеют ряд недоработок: например в ней не прописаны компенсационные мероприятия по снижению негативного воздействия гидростроительства на флору и фауну, не раскрыты масштабы возможного эколого-экономического ущерба от энергетики⁴⁶.

В России с 1995 по 1997 гг. осуществлялась программа малых грантов “Что посеешь, то и пожнешь: поддержка экологических инициатив дальневосточников”, которая инициировала объединение ресурсов в целях улучшения экологической ситуации⁴⁷.

Китай тесно сотрудничает с российским фондом “Феникс”, который принимает активное участие в проведении международных конференций по сохранению редких и исчезающих видов животных и растений⁴⁸.

В июне 2004 г. в Хабаровске состоялось заседание Российско-китайского координационного совета по приграничному сотрудничеству. Участники рассмотрели два вопроса: “О совместной работе по решению экологических проблем” и “Развитие форм приграничной кооперации”⁴⁹.

Шаг навстречу совместному сохранению приграничных лесов и бассейна реки Амур сделали ученые России и Китая. После экспедиции в Приморье и Приамурье они договорились в создании “Зеленого пояса Амура” и защите лесов высокой природоохранной ценности на территории Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая⁵⁰.

Российские и китайские официальные лица недавно заключили План-соглашение о совместном контроле над качеством воды трансграничных рек, согласно которому с 2007 по 2010 гг. сторонами будет осуществляться совместные исследования в реках Аргунь, Амур, Уссури, Суйфэньхэ и озере Ханка⁵¹.

В “Совместной декларации РФ и КНР”, подписанной главами двух государств 26 марта 2007 г., говорится, что заметного прогресса удалось добиться в двустороннем сотрудничестве в области экологии. В рамках регулярных встреч глав правительств России и Китая созданы Подкомиссия по сотрудничеству в охране окружающей среды и соответствующие рабочие группы, успешно начала работу Совместная комиссия по мониторингу качества воды трансграничных водных объектов. Приоритетными направлениями двустороннего сотрудничества являются борьба с трансграничным загрязнением вод, мониторинг качества воды и сохранение биоразнообразия⁵².

Деградация окружающей среды в Китае трудно преодолима, однако этот процесс еще можно остановить. Необходимо учитывать мировой опыт и заимствовать передовые технологии. Китай консолидирует с другими странами совместные усилия по решению экологических проблем, однако это сотрудничество не носит комплексного характера. Поэтому важно подчеркнуть, что реализация различных программ и проведение качественных мероприятий по охране окружающей среды

должны осуществляться при тесном практическом, а не только информационном сотрудничестве с соседними государствами, в том числе и с Россией.

1. Бирюлин Е. Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2. С. 102.
2. Программа возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае не должна идти во вред экологии // Синьхуа. 2006. 8 апр. — http://russian.people.com.cn/200311/24/rus20031124_84161.html.
3. Кранина Е.И. Проблемы охраны окружающей среды и ресурсов КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 70.
4. Сюй Дисинь. Экологические проблемы. М.: Прогресс, 1990. С. 158.
5. В Китае успешно борются с эрозией почвы. — <http://www.altaiinter.org/news/?id=1778>. 2007. 27 января.
6. Из-за эрозии почвы в Китае ежегодно “теряется” 1 млн му пашни // Синьхуа. 2006. 8 апр. — http://russian.people.com.cn/200301/15/rus20030115_70965.html.
7. Региональные экологические, экономические, социальные и политические последствия потребления воды. — <http://iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd23.shtml>. 2007. 27 января.
8. Бирюлин Е. Указ. соч. С. 106.
9. Зюзин А. Как сохранить природу при быстром экономическом росте? // Азия и Африка сегодня. 2002. № 7. С. 29.
10. Сунь Сюфань. Лесное хозяйство и торговля лесом в Китае. — <http://dauria.chita.ru/arakhley/07sun3.html>. 2006. 15 марта.
11. Азиатские бури угрожают здоровью людей. — <http://www.podrobnosti.com.ua>. 2006. 3 апреля.
12. Зюзин А. Как сохранить природу при быстром экономическом росте? // Азия и Африка сегодня. 2002. № 7. С. 29.
13. Белова Ю. Охрана окружающей среды в Китае // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 1999. № 6. С. 65.
14. Около трети территории Китая подвержено воздействию кислотных дождей. — <http://news.made.ru/world/news41729.html>. 2006. 27 августа.
15. В Китае прошли сильные кислотные дожди. — <http://nayki.ru/news35070.html>. 2006. 24 сентября.
16. Белова Ю. Указ. соч. С. 65.
17. Неожиданная открытость: правительство Китая признает, что экологическая ситуация в стране вышла из-под контроля. — <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news>. 2007. 27 января.
18. Качество воздуха. — <http://www.unep.org/geo/geo3/russian/380.htm>. 2007. 27 января.
19. Метеорологи предсказывают новую серию мощных пылевых штормов в северных регионах Китая. — <http://asiatimes.narod.ru>. 2006. 9 апреля.
20. Бирюлин Е. Экологическая катастрофа на Сунгари // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 125.
21. Кранина Е.И. Указ. соч. С. 63.
22. Региональные экологические, экономические, социальные и политические последствия потребления воды. — <http://iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd23.shtml>. 2007. 27 января.
23. Белова Ю. Указ. соч. С. 66.
24. Региональные экологические, экономические, социальные и политические последствия потребления воды. — <http://iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd23.shtml>. 2007. 27 января.
25. В Китае дефицит питьевой воды. — http://asiainfo.narod.ru/news/19_26_06_2000/v_kitae_defisit.htm. 2007. 27 января.
26. Региональные экологические, экономические, социальные и политические последствия потребления воды. — <http://iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd23.shtml>. 2007. 27 января.
27. Китай: грязные моря. — <http://www.ecosever.ru/ecodigest/4584.html>. 2007. 27 января.

228. Китай все больше загрязняет моря Тихого океана. — <http://russian.people.com.cn/31518/2346169.html>. 2007. 27 января.
229. В последние 4 года в Китае произошло 3988 случаев загрязнения воды. — <http://www.asiadata.ru/lang=ru&path=0:176&feed=4&date=20050630&datetime=1120110917>. 2007. 16 января.
330. “Всплеск” инцидентов загрязнения воды в Китае. — <http://www.epochtimes.ru/content/view/7622/4/>. 2006. 3 ноября.
331. Китай начинает реализацию программы “Экологический город”. — <http://china.org.cn/russian/134527.htm>. 2006. 12 марта.
332. Бирюлин Е. Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае. — Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2. С. 108.
333. Там же. С. 109.
334. Козлов А.А. Окружающая среда в прибрежных и морских районах Китая: состояние и перспективы // Китай: актуальные проблемы внутренней политики, права, административных и политических реформ: (Информационные материалы ИДВ РАН. Серия В: общество и государство в Китае в ходе реформ). 2002. № 12—13. С. 106.
335. Зюзин А. Указ. соч. С. 30.
336. Белова Ю. Указ. соч. С. 69.
337. Кранина Е.И. Указ. соч. С. 109—120.
338. КНР, Япония и РК продолжают сотрудничество в сфере охраны окружающей среды в Северо-Восточной Азии. — http://russian.people.com.cn/200312/15/rus20031215_85425.html. 2006. 6 апреля.
39. Войтенко Е. Приморские школьники примут участие в международном экологическом симпозиуме. — <http://www.vostokmedia.ru/news.details.php?id=48737>. 2006. 6 апреля.
40. Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 112.
41. В Цилиньской нефтехимической компании отрицают возможность загрязнения реки Сунгари в результате взрыва на заводе компании 13 ноября. <http://www.rg.ru/2005/11/23/ekologiya-anons.html>. 2006. 8 марта.
42. Войтенко Е. Указ. соч.
43. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Амурской области за 2002 год. Благовещенск, 2003. С. 141.
44. Проблемы мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды Дальневосточного региона: Тезисы докладов регионального научного семинара., 15—17 ноября 1995 г., г. Благовещенск. Благовещенск, 1995. С. 98.
45. Там же. С. 3.
46. Там же. С. 20.
47. Лейкин О. Благотворительность в России. СПб, 2001. С. 528.
48. В своей работе Фонд “Феникс” тесно сотрудничает с зарубежными организациями, фондами и зоопарками, принимает активное участие в проведении международных конференций по сохранению редких и исчезающих видов животных и растений. — <http://phoenix.vl.ru/ru/sotr.htm>. 2006. 8 марта.
49. Воздействие урбанизации на биоразнообразие в районе реки Туманная. — http://tumennet.febras.ru/rus/index.php?publications_urb. 2006. 8 апреля.
50. О создании “Зеленого пояса Амура” договорились российские и китайские ученые. — <http://smi.khb.ru/?p=1&id=6443>. 2006. 6 апреля.
51. <http://russian.northeast.cn/system/2006/09/12/000006035.shtml>.
52. [http://russian.xinhuanet.com/russian/\(26.03.2007\)](http://russian.xinhuanet.com/russian/(26.03.2007)).

Культура

Ксилография на Дальнем Востоке: вьетнамский вариант

© 2009

А. Федорин

Первые собственные вьетнамские ксилографы официальной исторической литературы и конфуцианских канонов относятся к периоду не позднее конца правления династии Чан (1225—1400), их распространение шло параллельно с укреплением в стране неоконфуцианства и становлением системы государственных экзаменов. С самого начала этим занимались совместно государство и независимые ремесленники: будущие тексты готовились под руководством высших чиновников, а собственно изготовление досок поручали "частникам", которые также могли делать дополнительные копии ксилографов на продажу. В начале XIX в., когда к власти пришла династия Нгуен (1802—1945), печатание подобных текстов полностью перешло в руки "частников" и только при императоре Миньманге (1820—1840) монополия на изготовление ксилографов официальных исторических текстов и конфуцианских канонов вновь перешла к государству, однако эта литература продолжала быть доступной простому читателю и являться объектом купли-продажи.

Ключевые слова: ксилография, Вьетнам, книгопечатание, доски для ксилографов, книгоиздание.

Принято считать, что ксилография на Дальнем Востоке возникла с главной целью удешевить и сделать массовым производство книжной продукции. Это не совсем так. Не вызывает сомнения тот факт, что, во всяком случае на начальном этапе, с учетом существенных затрат на производство, хранение и возобновление досок для ксилографов, простое переписывание текстов вручную с использованием дешевого труда (пусть даже квалифицированных писарей) было не только значительно более быстрым, но и неизмеримо более дешевым способом производства книг. Ксилографы же появились потому, что при многократном переписывании текст неизбежно утрачивал свое первоначальное содержание, поэтому главной целью производства ксилографов было стремление канонизировать текст, сделать его неизменным на многие поколения. Недаром первые ксилографы в Китае появились в период временного господства здесь буддийской идеологии, а первыми работами, удостоившимися такой чести, стали буддийские каноны. Позднее же самыми распространенными стали конфуцианские каноны. Далеко не всякий текст подлежал ксилографированию, но если та-

жкое решение принималось, то выполняли его тщательным образом под руководством самых знающих и квалифицированных специалистов, как правило, занимавших высшие посты в гражданской администрации государства. При этом внимание уделялось не только содержанию текста, но и форме его воспроизводства на печатных досках, которая была строго регламентирована для каждого элемента текста: во всех частях работы они должны были выглядеть одинаково, чтобы не допустить двойного толкования. Доски могли храниться и хранились довольно долго. В частности, в Корее первые доски Трипитаки были уничтожены монголами почти через 300 лет после изготовления, а вскоре после этого вновь воссозданные доски дожили до наших дней¹. Тем не менее, если все-таки какая-либо доска приходила в негодность или терялась, то заново текст никто не переписывал: для восстановления доски непременно использовался лист ксилографа, отпечатанный ранее. С помощью процедуры с использованием рисового отвара его вновь переводили на доску и вырезали.

Благодаря этим действиям удавалось добиться высочайшей степени унификации. Все грамотные люди учились по абсолютно идентичным каноническим текстам, они не только заучивали их наизусть, но и прекрасно знали, на каком листе находится тот или иной фрагмент, и могли с фотографической точностью воспроизвести в памяти особенности его расположения. Внести какие-либо вольные или невольные изменения в такой текст было крайне сложно, поскольку это непременно вызвало бы соответствующую реакцию всего читающего сообщества, частью которого в условиях стран Дальнего Востока был одновременно и весь гражданский аппарат государства.

Ксилография во Вьетнаме, безусловно, в полном объеме была заимствована из Китая. По мнению некоторых вьетнамских исследователей, первые буддийские каноны, размноженные ксилографическим способом, были изготовлены в столице древнего Вьетнама Луйлау еще в период "Северной зависимости" в I—III вв. н.э.² Достоверно известно, что в Дайвьете ремесло изготовления печатных досок и ксилографов с них появилось не позднее XI в., в XV в. было уже довольно развитым, в XVIII в. получило самое широкое распространение и достигло своего пика в XIX в.³

К сожалению, до нашего времени дошло не так уж много вьетнамских ксилографических изданий. В библиотечных фондах они составляют лишь 30% от всех документов, написанных иероглификой, причем самые ранние из них датируются периодом Реставрации династии Поздние Ле (после 1533 г.), а подавляющее большинство было отпечатано уже при Нгуенах (после 1802 г.). Более ранние произведения не сохранились, что, по мнению вьетнамских исследователей, обусловлено целенаправленной реквизицией всех ксилографических и рукописных книг местного производства во время оккупации Вьетнама войсками династии Мин (1407—1427)⁴, а также тяжелыми климатическими условиями в стране, неблагоприятными для длительного хранения как самих печатных досок, так и оттисков с них.

Первые летописные свидетельства производства ксилографов мы находим в "Полном собрании исторических записок Дайвьета" под 1299 г.⁵, но, без всяких сомнений, первые доски были вырезаны значительно раньше. Во всяком случае уже в XI в. ксилографы буддийских канонов имели широкое хождение в стране и, по-видимому, далеко не все были привезены из Китая. Первоначально изготовление ксилографов было тесно связано с буддизмом. Центрами книгопечатания стали буддийские пагоды или монастыри. Создание ксилографов считалось делом священным, и лица, в этом участвовавшие, выполняли данную работу практически безвозмездно, лишь дважды в день получая бесплатное питание.

При этом работали они весьма тщательно: известные нам более поздние ксилографы, отпечатанные в пагодах, всегда отличает высокое качество досок и отпечатков с них, особенно по сравнению с ксилографами, созданными позднее на продажу. Производство было основано на благотворительности, и прихожане помогали кто чем мог: деревом, бумагой, тушью, деньгами, продуктами или личным трудом⁶.

Во второй половине правления династии Чан (1225—1400) по мере укрепления позиций неоконфуцианства в стране возникает государственное производство ксилографов конфуцианских канонов, необходимых для организации процесса образования и подготовки к первым, еще редким и нерегулярным конкурсным испытаниям на выдвижение в чиновники. При династии Хо (1400—1407) ксилография как отдельная отрасль производства получила сильный толчок к развитию в связи с попыткой перехода к бумажным деньгам, которые также изготавливались ксилографическим способом. Тогда же отмечена первая зафиксированная в хронике попытка частного ксилографирования: естественно, она была связана с изготовлением фальшивых денег⁷.

Как уже отмечалось ранее, во время оккупации Минами Вьетнама китайцы в соответствии с указом императора приложили все силы к тому, чтобы реквизировать и вывезти в Китай все книги и документы, оставшиеся от прежних вьетнамских династий, заменив их своими. Со своей стороны, изгонявший китайцев будущий основатель династии Поздние Ле (1428—1789) Ле Лой (прав. 1428—1433) в ходе войны требовал от своих соратников, чтобы любые распространяемые китайцами документы и книги, которые попадали в руки повстанцев, немедленно уничтожались. После освобождения новая вьетнамская династия стремилась восстановить независимость и в этой сфере. В отличие от буддийских канонов, производство которых в эпоху правления династий Поздние Ли и Чан (1010—1400), больше тяготевших к буддизму, было массовым в силу массовости потребителя, конфуцианская литература, с учетом относительно более узкой потребности в тот период, скорее всего, была преимущественно привозная; но и тогда собственные ксилографы основных конфуцианских произведений, по всей вероятности, уже существовали. Об этом свидетельствует информация об изготовлении в 1435 г. досок Четверокнижия — основы конфуцианских знаний. Это уже были **“новые доски”**⁸, т.е. до этого наверняка существовали и старые, вырезанные ранее. Затем в 1467 г. то же самое было сделано и для **“Пяти канонов”**⁹. Примерно тогда же в столице (уезд Куангдык) династия учредила мастерскую по изготовлению бумаги (*Таотъи ку*). В 1483 г. в Храме литературы было создано хранилище для печатных досок¹⁰. Речь, несомненно, шла уже о хранилище заготовок для чисто конфуцианских изданий (монастырское производство буддийских ксилографов при этом не прекращалось). Список официальных казенных конфуцианских изданий к 1484 г. был уже весьма обширен: **“...Ежегодно в областях-фу за пределами [столицы] распространялись казенные книги, такие как Четверокнижие, “Пять канонов”, “Списки выдержавших экзамены” (Данг кхоа лук), “Списки столичных экзаменов” (Хой тхи лук), “Образцовая литература Нефритового зала” (Нгок дьонг ван фам), “Полное исследование литературы” (Ван хиен тхонгкхао), “Избранная литература” (Ван туен), “Основа и частности” (Кьонгмук)**¹¹, а также книги по медицине...”¹².

К XV в. относится и легенда об основателе профессии (*тханъхоанге*) резчиков ксилографических досок и печатников самих ксилографов Лыонг Ньы Хоке. Получивший в 1442 г. высокую ученую степень *тхамхоа* и дошедший в должности до цензора, он, будучи дважды послом в Китае, сумел собрать информацию о технологии производства досок и передал ее своим односельчанам из об-

щин Хонглук и Лиеучанг (или Лиеутянг, на территории современного уезда Ты-лок провинции Хайхын¹³). В дальнейшем жители упомянутых общин стали специализироваться на изготовлении печатных досок, передавая опыт из поколения в поколение¹⁴. Эта легенда, несомненно, связана с появлением третьего (помимо монастырского и государственного) вида производства ксилографов — частного, который в дальнейшем стал наиболее распространенным и оставил после себя наибольшее количество памятников.

Начиная с XV в., производство конфуцианских ксилографов во Вьетнаме стало носить государственно-частный характер. В целом работа по подготовке таких изданий была трудоемкой. В рамках государственных программ ею всегда руководил один из высокопоставленных чиновников, приближенных к императору, а позднее — к правителю-*тьюа*. Конкретными делами в этой сфере занималось специализированное учреждение-*зям Чунгтхы* (Секретариат). Обязанность составления “макетов” была возложена на секретарей внутренних служб (*чи тхи ной тхы та*). Затем этот “макет” проверяли еще четыре инстанции и, наконец, его передавали “частникам”, например в уже упомянутые общины Хонглук и Лиеучанг, непосредственно для изготовления досок и отпечатков с них¹⁵. По всей вероятности, уже тогда ремесленники этих общин имели доступ к хранилищам готовых досок и могли с разрешения властей изготавливать дополнительные (помимо государственного заказа) экземпляры официальных ксилографических изданий на продажу, как это продолжало происходить в XIX в.¹⁶ Кроме того, у них, несомненно, были собственные комплекты досок для производства, официального или неофициального, популярных изданий. Об этом свидетельствует указ, обнародованный в конце правления династии Поздние Ле (1428—1789), запрещающий изготовление досок для тиражирования буддийских и даосских текстов, а также литературных произведений, не получивших официального одобрения властей¹⁷. То есть фактически речь шла о введении цензуры, элементы которой, впрочем, можно выявить и в более раннее время при династиях Поздние Ли и Чан (1010—1400)¹⁸.

Подлинный расцвет производства ксилографов пришелся на первую четверть XIX в. Выйдя из тяжелейших междоусобных войн и столкнувшись с массовой проблемой, связанных с необходимостью полного переустройства страны, новая династия Нгуен (1802—1945) на первых порах существенно ослабила контроль за производством и распространением печатной продукции, что, впрочем, не исключало собственной активности императорского двора в этой сфере. Книжки по государственному заказу начали создавать уже при Зя-лонге. Так, в 1809 г. он приказал перенести на печатные доски и распространить в стране привезенный из Китая учебник “Разъяснение смысла Дасюэ” (*Дай хок зиен нгуа*)¹⁹. Не прекратилась и издательская деятельность храмов и монастырей²⁰. В некоторых она была чрезвычайно интенсивна: каталог ксилографов одного только храма Нгюкшон в Ханое насчитывает 241 наименование изданий²¹. Кроме того, ослабление цензуры, а также острая потребность в литературе с учетом возобновления конкурсных испытаний (пока, правда, только на провинциальном уровне) дали толчок деятельности многочисленных частных издательств (*дыонги*, *даны* или *хиеу*) в самых различных частях страны. Судя по перечню сохранившихся до наших дней ксилографов этого периода, таких заведений насчитывалось не менее 318. Некоторые из этих издательств были организованы весьма известными литераторами того времени, в первую очередь для тиражирования и продажи собственных произведений (Ле Мау Киен в Тхайбине, Буй Хуи Бить, Данг Хуи Чы и Нгуен Ван Шиеу в Ханое, Као Суан Зук в Нгеане)²². Другие — непосредственно ремесленниками в общинах (а это были не только Хонглук и Лиеу-

чанг), где изготовлялись книжные доски (их квалификации хватало, чтобы осуществить все операции, необходимые для производства ксилографов, начиная от написания иероглифов на “макете” и до переплета в книги готовых оттисков)²³. Наконец, третьи были созданы государственными чиновниками династии, как считает Нгуен Тхи Зыонг, не только с согласия, но и по поручению центральных властей. Известно о двух таких издательствах: одно было в Ханое и управлялось Нгуен Ба Кхоа, другое было создано в провинции Хайзыонг военным губернатором этой провинции Чан Конг Хиеном. Собрать информацию о личности Нгуен Ба Кхоа не удалось, а вот о жизни и деятельности Чан Конг Хиена написано немало²⁴. Уроженец провинции Куангнгай Чан Конг Хиен (? — 1817) был выходцем из семьи потомственных конфуцианцев, однако не успел закончить свое образование из-за ранней смерти отца. Во время восстания Тайшонов он активно выступил против повстанцев, пытаясь собрать ополчение из горцев, причем в тех провинциях, где позиции Тайшонов были особенно сильны (Биньдинь, Куиньон, Биньтхуан). Эти войска были рассеяны лично руководителем восстания Нгуен Ван Няком. Чан Конг Хиен был вынужден бежать и в 1793 г. присоединился к будущему императору Нгуен Фук Аню. Занимая средние командные должности, он вплоть до 1802 г. успешно участвовал во многих сражениях и после окончательной победы получил высокий пост военного губернатора одной из самых важных и густонаселенных провинций дельты Красной реки — Хайзыонг, жители которой отличались помимо всего прочего устойчивой оппозицией к центральной власти еще со времен падения династии Мак (1593 г.). И здесь его деятельность вплоть до смерти в 1817 г. была чрезвычайно успешна. К его заслугам в официальной биографии отнесены помощь голодающим из-за стихийных бедствий и неурожая, которая спасла тысячи жизней, а также строительство дамбы на побережье, что позволило ввести в сельскохозяйственный оборот более 8 тыс. *мау* заливных земель.

К сожалению, в биографии этого деятеля его занятиям, связанным с книгоизданием, уделено не так уж много места. Сказано буквально следующее: “[Чан Конг] Хиен любил литературу. В свободное время он, много путешествовавший по воде и суше, составил на родном языке сочинение, названное “Водные и сухопутные маршруты Дайвьета”. Также приказал чиновникам областей *фу* и уездов подробно описать горы, реки, достопримечательности и занятия населения в провинции, где он служил, и составил “Географические записки о Хайзыонге”²⁵. Кроме того, купил полные комплекты исторических работ, таких как *Ганьму* Чжу Си, приказал *докхоку* (уполномоченному по образованию) Нгуен Тхэ Чунгу и его помощникам из числа лауреатов провинциальных конкурсов исправить их, назвав это “Переводами основных мест из великой истории”, также тщательно отобрать литературные работы победителей всех четырех испытаний [на столичных конкурсах] времен династии Ле и передать для печати и распространения. Построил слева от крепости здание, названное *дыонг* Хайхок, чтобы хранить печатные доски, которые потом были отправлены в столицу в школу Сынов отечества”²⁶. К издательской деятельности Чан Конг Хиен привлек большое количество образованных людей-*шифу*, многие из которых остались не у дел после прихода к власти династии Нгуен. Среди них стоит отметить бывших учеников школы Сынов отечества в Ханое Буй Зань Тяна и Буй За Ши, бывших школьных учителей Фонг Кока и Чан Хуи Фака (1754—1833 или 1834) и др. Последний (он был основным автором географического описания Хайзыонга) сделал потом блестящую карьеру. Именно эти люди разыскивали сохранившиеся печатные доски или отпечатки с них, годные для воссоздания подобных досок традиционными методами.

Важно отметить, что вновь издаваемые ксилографы *дыонга* Хайхок в основном были посвящены двум темам: стихотворные произведения и материалы, необходимые для подготовки к сдаче конкурсных испытаний. Вполне очевидно, что в первую очередь печатались произведения, наиболее популярные у читающей публики того времени, и, таким образом, по всей вероятности, одной из целью создания подобных предприятий было банальное получение дохода. Подтверждением этому может служить история еще одного аналогичного заведения — *дыонга* Чичунг, созданного в 1869 г. известным вьетнамским литератором, оставившим после себя более 1200 стихотворений — Данг Хуи Чы (1825—1874). В число принадлежащих ему предприятий, к тому же созданных одновременно и расположенных в одном и том же месте в г. Ханое, помимо издательства входили оптовые магазины по продаже (в том числе и на экспорт) соли, лаковых изделий, декоративных лиан и даже первая во Вьетнаме фотомастерская²⁷. Косвенным подтверждением того, что ксилографы книг во Вьетнаме в XIX в. представляли существенную ценность, являются многочисленные случаи их воровства провинциальными чиновниками, во всяком случае — при императоре *Минь-манге* (1820—1840)²⁸.

Но вернемся к издательству Чан Конг Хиена — *дыонгу* Хайхок. Доски для ксилографов этого издательства заказывали у тех же знаменитых резчиков общин Хонглюк и Лиеутянг, благо эти общины располагались в той же провинции Хайзыонг и косвенно подчинялись хозяину издательства. Ксилографы *дыонга* Хайхок отличается очень высокое качество, крупные, четко вырезанные иероглифы. Наиболее активно *дыонг* Хайхок действовал во втором десятилетии XIX в. Доски самого раннего из сохранившихся ксилографов, произведенных здесь, датируются 1811 г., большая же их часть была вырезана в 1814 г. До настоящего времени сохранились не менее 12 ксилографов *дыонга* Хайхок. Кроме уже упомянутых, это *Зань тхи хоп туен* (“Избранные произведения знаменитых поэтов”), *Хайхок зань тхи туен* (“Избранные произведения знаменитых поэтов, изданные Хайхоком”), *Зань фу хоп туен* (“Избранные знаменитые стихи в жанре фу”), *Хоанг Ле ынг те тхи* (“Стихи, составленные на конкурсах “те” при императорах Ле”), *Шы тап тоан иеу* (“Сборник основного из истории [Китая]”) и др. Поражает объем проделанной работы по изданию этих ксилографов. Так, чтобы издать *Шы тап тоан иеу* пришлось вырезать 7662 печатные доски, *Зань фу хоп туен* — 1296 досок и т.д. А ведь сделано это было всего за 10 лет!

В 20-х годах XIX в. государственная монополия на производство канонической литературы была восстановлена. Все экземпляры подобных ксилографов (включая государственную историю) и печатные доски для их производства было предписано немедленно отправить в школу Сынов отечества в новую столицу страны — г. Хуэ. Одновременно была развернута кампания по уничтожению всех “крамольных” исторических работ XVIII в., превозносивших дом Чиней и критиковавших дом Нгуенов, и прошла она весьма успешно. Производить частным образом печатные доски для воспроизводства официальных канонов было категорически запрещено, однако это не закрывало доступ к этим произведениям: с согласия чиновников любой желающий мог получить необходимое количество отпечатков этих работ, передав в государственную “типографию” — мастерскую-*кук* Антхы бумагу и тушь в нужном объеме. Кроме того, эта литература по-прежнему распространялась бесплатно через чиновников государственной системы образования и конкурсных испытаний. Вся работа по подготовке, производству и распространению как старых, так и вновь создаваемых ксилографов этого рода была сосредоточена в едином издательстве при школе Сынов отечества (1820—1909)²⁹, в рамках которого и были созданы печатные доски

всех огромных по объему исторических трудов времен династии Нгуен, включая государственные хроники. Количество производимых ксилографов существенно выросло, при этом процедура их создания упростилась. Если ранее на подготовительной стадии (до изготовления досок) в ней участвовало 36 человек, то в XIX в. — лишь 17. При этом в большинстве случаев вообще перестали указывать, кто и когда вырезал доски.

Монополизация производства определенной части ксилографов государством нанесла урон частным издательствам, но не слишком заметный. Оставались не запрещенными к ксилографированию “частниками” литературные произведения (в первую очередь, поэзия), а также вспомогательные учебные пособия для подготовки к сдаче конкурсных испытаний. В Ханое производство подобной продукции концентрировалось на улицах Хангчонг, Хангай и особенно Хангхай. Последние из этих специализированных заведений в начале XX в. Еще застали некоторые вьетнамские историки 70-х годов.

Выпуск литературы по-прежнему был самым тесным образом связан с проведением конкурсных конфуцианских экзаменов, поэтому, несмотря на то, что при французах появилось современное книгопечатание, это ремесло продолжало процветать вплоть до отмены подобных испытаний в начале XX в.

Кроме того, частные издательства изготавливали ксилографы различных сказок, занимательных историй, китайских и вьетнамских повестей, романов и пьес на *ханване* и *номе*: в деревне эти языки по-прежнему знали лучше, чем *кюокнгы*. Качество этих ксилографов, как по форме, так и по содержанию, было относительно низким.

Еще одним направлением деятельности частных издательств было изготовление заказных работ, например, когда ученики хотели увековечить произведения своих учителей, невзирая на расходы. Так на свет появились ксилографы стихов Фам Куи Тхитя и географии Нгуен Ван Шиеу, сохранившие их для потомства. К подобным же работам можно отнести и книжную серию вьетнамских буддийских текстов (*Вьетнам фат диен тунг шан*), доски для печатания которой были сделаны по заказу Французской школы Дальнего Востока уже в XX в.³⁰

Прекращение производства ксилографов происходило постепенно, и главный удар по этому ремеслу, безусловно, нанесла отмена традиционных конкурсных испытаний в 1919 г. Частное производство ксилографов возникло в первую очередь, чтобы обслуживать сформировавшуюся систему государственных экзаменов, и фактически перестало существовать вместе с исчезновением этой системы.

1. Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1. С древнейших времен до 1876 г. М., 2003. С. 293.
2. Mai Hong, Nguyen Hui Mui. Tim hieu nghe in cua ta qua kho sach Han Nom [Май Хонг, Нгуен Хью Муй. Исследование по печатному делу в нашей стране на основании собрания книг на иероглифике] // Tap chi Han Nom [Журнал произведений на иероглифике, Ханой], далее — TCHN). 1986. № 1. С. 43—55; Le Quoc Viet, Cung Khac Luoc. Nghe in va do hoa sach thoi Nguyen [Ле Куок Вьет, Кунг Кхак Льюк. Издательское ремесло и книжные иллюстрации в эпоху династии Нгуен] // Thong bao Han Nom hoc nam. 1998 [Собщения по источникам на иероглифике за 1998 г.]. Ханой, 1999. С. 481—498.
3. Hoa Bang. Ky thuat an loat cua ta thoi xua [Хоа Банг. Техника изготовления ксилографов в нашей стране в прежние времена] // Nghien cuu lich su [Изучение истории. Ханой], далее — NCLS). 1970. № 133. С. 52—55.
4. Ле Куок Вьет, Кунг Кхак Льюк. Указ. соч. С. 485.

5. *Dai Viet su ky toan thu* [Полное собрание исторических записок Дайвьета]. Библиотека Азиатского общества в Париже. Ксилограф SA.PD 2310 (далее — TT/ SA.PD 2310). Основные анналы. Гл. 6. С. 8а.
6. Хоа Банг. Указ. соч. С. 53.
7. TT/ SA.PD 2310. Основные анналы. Гл. 8. С. 35b.
8. Там же. Гл. 11. С. 33b—34а.
9. Там же. Гл. 12. С. 34а.
10. Там же. Гл. 13. С. 34а.
11. Скорей всего, речь идет о Ганьму Чжу Си.
12. TT/ SA.PD 2310. Основные анналы. Гл. 13. С. 39а.
13. *Dinh Xuan Vinh. So tay dia danh Viet Nam* [Динь Суан Винь. Справочник географических названий Вьетнама]. Ханой, 1996. С. 260, 312.
14. *Ngo Duc Tho. Sac nha khoa bang Viet Nam* [Нго Дык Тхо. Лауреаты конкурсов во Вьетнаме] (1075—1919). Ханой, 1993. С. 80; *Luong dai vuong* (Великий выонг [из рода] Лыонг). Библиотека Института иероглифического письма в г. Ханое. Рукопись Vhv.1845.
15. Хоа Банг. Указ. соч. С. 54.
16. *Ta Ngoc Lien. May net ve vai tro, dac diem cua nho giao thoi Nguyen nua dau the ky XIX* [Та Нгок Лиен. О роли и особенностях конфуцианства при династии Нгуен в первой половине XIX в.] // NCLS. 1993. № 271. С.32—36; *Kham dinh Dai Nam hoi dien le* [Высочайше утвержденный свод законов Дайнама. Хуэ, 1992. Т. 15. С. 503.
17. *Le Kyok Viet, Kung Kхак Лыок*. Указ. соч. С. 490.
18. *Май Хонг, Нгуен Хыу Муй*. Указ. соч. С.45.
19. *Ta Нгок Лиен*. Указ. соч. 1993. С. 32—33.
20. *Nguyen Thi Duong. Hai hoc duong — mot nha in sach noi tieng dau thoi Nguyen* [Нгуен Тхи Зыонг. Дыонг Хайхок — знаменитое книжное издательство начала правления династии Нгуен] // *Thong bao Han Nom hoc nam*. 1997 [Сообщения по источникам на иероглифике за 1997 г.]. Ханой, 1998. С. 91—97.
21. *Vuong Thi Huong. Danh muc sach Han Nom in tai den Ngoc Son, Ha Noi* [Выонг Тхи Хыонг. Перечень книг на иероглифике, изданных в храме Нгокшон в Ханое] // TCHN. 2000. № 42. С. 89—96.
22. Нгуен Тхи Зыонг. Указ. соч. С. 91—92.
23. *Le Kyok Viet, Kung Kхак Лыок*. Указ. соч. С. 490.
24. *Dai Nam liet truyen* [Биографии деятелей Дайнама]. Тхуанхоа, 1993. Т. 2. С. 285—289; *Nguyen Thi Duong. Hai Hoc duong va viec in sach dau the ky XIX* [Нгуен Тхи Зыонг. Дыонг Хайхок и книгоиздание в начале XIX в.] // NCLS. 1999. № 303. С.59—63; *Nguyen Thi Lam. Ve sac van ban cua tac pham “Hai Duong phong vat chi”* [Нгуен Тхи Лам. О списках произведения “Географическое описание Хайзыонга”] // TCHN. 2004. № 64. С. 13—19.
25. *Tran Huy Phac. Hai Duong phong vat chi* [Чан Хуи Фак. Географическое описание Хайзыонга]. Библиотека Института иероглифического письма в г. Ханое. Ксилограф A.882.
26. Дайнам лиет чуен. 1993. С. 289.
27. *Dang Huy Tru — con nguoi va tac pham* (Данг Хуи Чы — человек и произведения). Хошимин, 1990; *Pham Tuan Khanh. Mot bai van cua Dang Huy Tru* [Фам Туан Кхань. Еще одно произведение Данг Хуи Чы] // NCLS. 1990. № 248. С.69—75; *Tao Trang. Dang Huy Tru va nha in Tri Trung duong* [Тао Чанг. Данг Хуи Чы и издательство-дыонг Чичунг] // TCHN. 1999. № 41. С. 37—41.
28. Дайнам хой диен ле. 1992. С. 503.
29. *Май Хонг, Нгуен Хыу Муй*. Указ. соч. С. 43.
30. Там же. С. 44.

Научная жизнь

АСЕАН сегодня: взгляд из России и Вьетнама

Этой теме был посвящен состоявшийся 11—12 ноября 2008г. в Институте Дальнего Востока РАН российско-вьетнамский научный симпозиум. С вьетнамской стороны в нем приняла участие представительная делегация Государственной политической и административной академии Хо Ши Мина — основного аналитического центра партийного и государственного руководства страны — во главе с ректором, членом ЦК КПВ, профессором Ле Хыу Нгиа. С российской стороны в симпозиуме участвовали директор ИДВ РАН, академик Титаренко М.Л., научные сотрудники Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

В представленных докладах и в ходе дискуссии вьетнамские коллеги подчеркивали важную роль АСЕАН во внешнеполитической и экономической стратегии СРВ. Они дали в целом высокую оценку вступившей в силу Хартии АСЕАН, в подготовке которой Вьетнам сыграл существенную роль и которая призвана превратить АСЕАН из довольно хрупкой ассоциации очень разных государств ЮВА в полноценное в жизнеспособное сообщество, сделать ее эффективной и консолидированной международной организацией, выступающей ядром процессов интеграции в Восточной Азии.

Академик Титаренко М.Л. и другие российские участники, разделяя эти оценки, отмечали, что у России со странами АСЕАН нет никаких противоречий. Напротив, наша страна неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в "регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития", как это зафиксировано в ее Хартии.

Десять очень разных государств-членов АСЕАН, говорилось на симпозиуме, не всегда ладят друг с другом, не всегда говорят одним голосом. Но в целом за 40 лет они обрели уникальный опыт коллективной выработки общей линии поведения на международной арене и совместного нахождения решений имеющихся проблем на основе принципов невмешательства, консенсуса, взаимопомощи, консультаций, доверия, толерантности и учета интересов всех участников. Этот образ действий получил название "Метод АСЕАН" (ASEAN way), который мог бы стать добротной основой с трудом рождающегося нового мирового порядка. Российскими участниками было высказано мнение, что "Метод АСЕАН" — это попытка реализовать на практике основной принцип будущей Культуры мира — толерантности, который рано или поздно будет признан одним из фундаментальных принципов международных отношений XXI века. Конечно, всякая толерантность имеет свои пределы, и не все здесь еще изучено, но это — перспективная тема для теории международных отношений и международного права.

Опыт АСЕАН имеет большое теоретическое и практическое значение и в ряде других областей. Участники симпозиума не обошли стороной последствия для стран АСЕАН разразившегося мирового экономического кризиса. Говоря о серьезном ущербе, который несет ориентированная на экспорт экономика этих стран от сокращения рынков США, Китая, Японии и других торговых партнеров, выступавшие, вместе с тем, отмечали, что нынешний беспрецедентный по масштабам кризис страны АСЕАН встречают в иной ситуации, чем это было 10 лет назад, когда разразился финансовый кризис в Азии. Сделав выводы из уроков того кризиса, многие страны АСЕАН отвергли навязываемые МВФ условия пресловутого "Вашингтонского консенсуса". В результате они стали менее зависимыми от США, не обременены непосильными долгами и располагают механизмом коллективного противодействия вызовам нынешнего мирового финансового кризиса в рамках объединения АСЕАН+3 (Китай, Япония и Южная Корея), где создается Резервный фонд в 80 млрд долл. Их опыт опровергает многие постулаты неolibеализма относительно необходимости полного открытия рынков, отказа от государственного регулирования экономики, несовместимости авторитарных режимов с развитием и др.

Доминирующим в дискуссии стал вопрос о необходимости обеспечения более существенного российского присутствия в ЮВА в контексте происходящих в Восточной Азии и во всем АТР далеко идущих динамичных процессов, существенно меняющих геополитическую ситуацию в этом исключительно важном для России регионе. Участники симпозиума пришли к выводу, что полновесному участию России в процессах региональной интеграции как внутри АСЕАН (для чего не требуется членство в ней), так и вокруг нее в обширном регионе Восточной Азии и АТР, разумной альтернативы нет ни для России, ни для стран АСЕАН.

АСЕАН де-факто позиционирует себя как двигатель региональной интеграции в Восточной Азии. Глобальные и региональные проблемы неумолимо подталкивают страны этого региона к экономической интеграции. Но как отмечали российские ученые, Восточная Азия еще далека от того, чтобы стать действительно интегрированным сообществом. На данный момент никто не знает — и на этот счет пока нет общего мнения — что именно появится под названием Восточноазиатское сообщество (ВАС). Вместе с тем, уже имеется общее понимание лидеров и элит региона, что дальнейший экономический рост без региональной интеграции невозможен. Пока она сводится к предоставлению преференций друг другу. Но уже не стоит вопрос, строить это сообщество или нет. Вопрос теперь только в том, как его строить. При этом важен не столько конечный результат, сколько движение к нему в условиях политической стабильности, мира, безопасности и экономического роста.

Естественно, Россия не может оставаться вне процессов интеграции в Восточной Азии. Она не раз выражала озабоченность тем, что вопрос о приглашении России на проходившие с 2005 г. саммиты ВАС пока остается открытым. Решение данного вопроса стоит в повестке дня российской дипломатии на предстоящий период и, как говорили российские участники симпозиума, нет сомнений, что Россия получит поддержку со стороны СРВ, так как здесь интересы двух наших стран явно совпадают, хотя ряд других мировых игроков пытается удержать Россию в стороне от важнейших процессов в АТР.

Россия, как говорили вьетнамские коллеги, имеет важные преимущества в отношениях с АСЕАН по сравнению с другими партнерами этой организации. Она — постоянный член Совета Безопасности ООН, между нею и странами АСЕАН никогда не было ни войн, ни конфликтов. После окончания "холодной войны" Россия никогда не вмешивалась в их внутренние дела и не осложняла

ситуацию в ЮВА, в том числе по таким чувствительным вопросам, как внутренняя политика, права человека, территориальные и межконфессиональные конфликты. Все эти преимущества дают России то, что называется “мягкой силой”. Но она ею, по их словам, пользуется недостаточно последовательно и эффективно.

Вьетнам, по мнению ряда российских участников, — это традиционный и самый надежный оплот нашего влияния в регионе. Итоги состоявшегося в октябре 2008 г. визита в Россию Президента СРВ Нгуен Минь Чиета и его переговоров с Президентом РФ Д.А. Медведевым, подписанные в ходе визита многочисленные конкретные соглашения и контракты обозначили серьезный шаг вперед в сотрудничестве наших стран. Они встретили одобрение самых широких кругов российской общественности, которая видит в них важный шаг к восстановлению наших прежних позиций в этой динамично развивающейся стране и во всем регионе Юго-Восточной Азии. Вьетнамские коллеги со своей стороны также неоднократно подчеркивали, что СРВ готова играть роль “моста” между Россией и АСЕАН, используя для этого свой возросший авторитет и влияние в этом объединении.

Наиболее уязвимым местом российской политики в ЮВА остается экономика. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в последние годы в торгово-экономических отношениях России со странами АСЕАН, они все еще далеко не соответствуют требованиям момента и потенциалу обеих сторон. Товарооборот в 7,6 млрд долл. за 2007 г. не идет ни в какое сравнение с 202,6 млрд долл. Китая или 170 млрд долл. США и Японии в торговле с АСЕАН.

“Поворотным моментом в истории Восточной Азии” назвал доктор Мазырин В.М. завершающееся в 2010 г. создание Зоны свободной торговли (ЗСТ) Китай—АСЕАН, которая превращает огромный регион в самую большую в мире и закрытую для России зону свободной торговли с 1,8 млрд потребителей, суммарным ВВП более 3 трлн долл. и товарооборотом в 1,2 трлн долл. Уже сегодня Китай оставил позади своих главных конкурентов — США и Японию, возможности которых в условиях нынешнего кризиса значительно сократились. При этом Китай, в отличие от других конкурентов, последовательно реализует свою концепцию закрытого регионализма. Такой ход событий в странах АСЕАН, говорилось на симпозиуме, вызывает определенное беспокойство относительно планов их великого соседа. Далеко не все успевают за темпами роста товарооборота, что привело, например, Вьетнам к дефициту в 9 млрд долл. в 2007 г. и 10 млрд долл., как ожидается, в 2008 г. В прессе высказываются опасения, не приведет ли столь стремительное усиление позиций Китая в ЮВА к ограничению возможностей стран-членов АСЕАН проводить самостоятельный внешнеполитический курс.

В условиях обострившегося соперничества США, Китая, Японии и ЕС за влияние в ЮВА и в АТР в целом, масштабное присутствие и динамичная роль России в делах региона рассматриваются во Вьетнаме и в других странах АСЕАН как важный фактор поддержания баланса сил между всеми крупнейшими политическими игроками в регионе. По мнению вьетнамских ученых, Россия может более эффективно влиять на “установление выигрышного для себя баланса сил в отношениях между мировыми державами в АТР”, что отвечает национально-государственным интересам Вьетнама и других государств ЮВА.

Решающим фактором является эффективное разворачивание всестороннего экономического, научно-технического и культурного сотрудничества со странами АСЕАН. Здесь важнейшим направлением на долгосрочную перспективу, скорее всего, будет оставаться энергетика в самом широком понимании этого слова. При этом имеются в виду не только и даже не столько поставки нефти и газа из России в страны АСЕАН, сколько сотрудничество с ними в создании

национального ТЭК с использованием всех видов энергоресурсов для большинства стран АСЕАН, проходящих этап индустриализации.

Слабая позитивная динамика в экономических отношениях двух сторон, отсутствие у России прочных позиций и конкурентных преимуществ на рынках стран ЮВА серьезно препятствуют расширению сотрудничества с АСЕАН и влияния России в регионе. Для того, чтобы совершить “прорыв”, с нашей стороны, по мнению участников симпозиума, необходимо создавать стимулирующие механизмы, возможно, даже преференции для активизации товарооборота и взаимных инвестиций, обмена новыми технологиями, идеями и людьми. Наиболее развитые страны АСЕАН располагают значительным финансовым потенциалом, который может быть привлечен к совместным проектам по развитию инфраструктуры и освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Важнейшее значение для перелома сложившейся ситуации, по мнению участников симпозиума, приобретает подготовка и проведение уже неоднократно откладывавшегося второго саммита Россия — АСЕАН в формате АСЕАН+1, в центр внимания которого следовало бы поставить системные вопросы экономического сотрудничества с учетом вызовов и задач российской экономики в контексте вывода ее на инновационный вектор развития. По мнению российских участников, было бы логично добиться его проведения в 2010 г., когда председательство в АСЕАН перейдет к СРВ. Это тем более важно в свете предстоящего в 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке, так как по принятой в АСЕАН практике все проблемы форума АТЭС предварительно рассматриваются на саммитах АСЕАН в целях выработки согласованной позиции.

По мнению вьетнамских коллег, было бы полезно как можно скорее начать переговоры о создании Зоны свободной торговли между Россией и АСЕАН или, для начала, ряда таких зон со странами АСЕАН на двусторонней основе.

Вопрос о целесообразности создания зон свободной торговли для российской стороны пока по-настоящему остается не изученным. Многие будут зависеть от вступления России в ВТО. Однако по мнению некоторых российских специалистов, российская экономика пока не совсем готова ко многим формам кооперации, практикуемым участниками таких соглашений. Вместе с тем, опыт той же АСЕАН показывает, что к этой проблеме можно подходить гибко и выборочно как по сферам охвата, так и по приоритетам.

Серьезным препятствием для решительного прорыва в торгово-экономических отношениях являются географическая удаленность сторон друг от друга и плохое состояние транспортной инфраструктуры. Чтобы дать новый импульс этим отношениям со странами АСЕАН, по мнению вьетнамских ученых, необходимо уделить первостепенное внимание развитию морских коммуникаций, связывающих этими странами важнейшие порты России. Сегодня на линии морских коммуникаций между Россией и странами АСЕАН работают в основном японские и южнокорейские морские суда, в результате товары из стран АСЕАН попадают в порты России с большим трудом.

Участники симпозиума обозначили также ряд других проблем, успешное решение которых способствовало бы существенному наращиванию “мягкой силы” в Российской политике в регионе. Одна из главных проблем состоит в том, что в широких кругах общественности и в бизнес-сообществах России и стран АСЕАН нет достаточной информации друг о друге и почти нет развитой системы связей и контактов на разных уровнях. Россия не располагает в регионе (за исключением Вьетнама) такими связями, которые имеют США, Китай и Япония. При этом речь идет не столько о политических контактах на уровне руководства, которые получили некоторое развитие в последние годы, сколько о

сотрудничестве по “второму каналу”, т.е. по линии парламентариев, политических партий, научного сообщества и всевозможных неправительственных организаций. В этих кругах в странах АСЕАН, к сожалению, сложился имидж России как страны все-таки европейской и поэтому недостаточно разбирающейся в специфике отношений и проблемах Восточной Азии.

На интересы США, Японии, Китая, Австралии и ЕС в ЮВА и во всем АТР работает сегодня колоссальная научно-пропагандистская машина с использованием всех современных информационно-технических средств. И вот здесь мы, как с сожалением отмечали участники дискуссии, безнадежно отстали от конкурентов. Пока общественное мнение у нас в стране, по большому счету, пребывает в неведении относительно важнейших процессов, развивающихся вблизи наших восточных рубежей. Наше активное и полноправное участие во всех этих процессах сегодня немыслимо без развертывания широкого и конструктивного диалога с влиятельными политическими, деловыми и общественными кругами, с теми, кого называют лидерами общественного мнения стран ЮВА и Восточной Азии.

Повышению авторитета и влияния России в АСЕАН способствовало бы формирование информированного общественного мнения в нашей стране в поддержку активного выхода России на просторы Восточной Азии и АТР. Для этого, по мнению участников симпозиума было бы желательно, в частности, принять меры к постепенному преодолению все еще бытующих в российском общественном мнении отживших представлений о СРВ и других ведущих странах АСЕАН как о почти “забытых и ненужных”. Следовало бы принять меры к более широкому освещению в наших СМИ с дружественных позиций проводимых там реформ и важных событий общественно-политической жизни, что, несомненно, будет замечено в этих странах и поможет снятию накопившихся за последние годы обид.

По мнению вьетнамских ученых, есть необходимость значительно усилить экспорт образовательных услуг в страны АСЕАН, для чего целесообразно рассмотреть возможность увеличения квоты для принятия на учебу в российских гражданских и военных вузах студентов из СРВ и других стран АСЕАН, а также увеличить количество предоставляемых стипендий на безвозмездной основе.

Прошедшая по-деловому содержательная дискуссия российских и вьетнамских ученых показала широкое совпадение подходов и оценок относительно того, что происходит в АСЕАН и вокруг нее в последние годы. Все эти процессы требуют пристального внимания и всестороннего изучения. Представленные доклады и их обсуждение позволили сделать ряд практических рекомендаций обеим сторонам, направленных на дальнейшее укрепление взаимовыгодного сотрудничества и повышение роли России в регионе ЮВА. Российско-вьетнамский научный симпозиум в Москве подтвердил плодотворность успешно развивающегося сотрудничества ИДВ РАН с рядом ведущих научных центров СРВ. По предложению вьетнамских коллег, эта работа будет продолжена во Вьетнаме в текущем году.

Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке

Характерной чертой современной международной жизни становится многостороннее сотрудничество стран и народов как прямой путь к интеграции, позволяющей эффективно решать многие политические, экономические и другие проблемы. В этом плане все большее значение приобретает взаимодействие соседних государств, в частности между Монголией, Россией и Китаем. В этой сфере уже накоплен значительный опыт, определяются задачи на будущее. Поэтому столь значим девиз, под которым 16—17 июня 2008 г. в Улан-Баторе (Монголия) прошла первая Международная научная конференция "Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке". Конференция была организована по инициативе Института международных исследований Академии наук Монголии и проведена под эгидой премьер-министра Монголии Санжийн Баяра. Обращаясь к участникам конференции, премьер сказал: "Я уверен в том, что наше сотрудничество и выпуск научных трудов как результата вашей плодотворной деятельности, научные достижения и успехи будут способствовать возрождению традиционных добрососедских отношений между нашими народами и расширению многостороннего сотрудничества Монголии с соседними странами в новых условиях". Санжийн Баяр принял российских и китайских ученых, в беседе с ними он высоко оценил их работу и подчеркнул важность регулярного проведения подобных научных форумов.

Конференция получила обширное отражение в прессе Монголии. В ее работе принимали участие видные российские, монгольские и китайские востоковеды, представители Министерства иностранных дел, Министерства образования, науки и культуры и Академии наук Монголии, посольства России в Монголии. Россию представляла группа ученых из Института востоковедения РАН во главе с его директором профессором Р.Б. Рыбаковым (Г.М. Кузнецова, Г.С. Яскина, В.В. Грайворонский, М.И. Гольман, Е.В. Бойкова), а также ученые из Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета Г.Г. Васильев и В.В. Кузнецов. Участниками из Китая были: профессор Чжан Юйянь (директор Института Азиатско-Тихоокеанских исследований Академии общественных наук КНР), профессор Пяо Цзяньи (заместитель директора Института Азиатско-Тихоокеанских исследований Академии общественных наук) и еще трое ученых, в том числе из Внутренней Монголии.

Ключевой идеей, выдвинутой научным сообществом, собравшимся в Улан-Баторе, было признание плодотворности развития партнерства в трехстороннем формате как важнейшего элемента геостратегической стабильности и экономической интеграции в регионе. Выступивший с основным докладом "Факторы влияния РФ и КНР на развитие Монголии", вызвавшим большой резонанс, вице-президент Академии наук Монголии Б. Энхтувшин констатировал, что с помощью международных банковских и финансовых организаций, а также при

помощи стран-доноров Монголия смогла создать основу для стабильной макроэкономики и рыночную структуру на основе частной предпринимательской деятельности. Основные социально-экономические показатели страны достигли уровня 1990 г. в 2003 г. Вывод автора таков: "Монголия ставит перед собой цель активного включения в процесс регионального торгово-экономического сотрудничества с Россией и Китаем. Для чего нам необходимо поддерживать друг друга в крупных проектах интеграционного процесса в этом регионе... Мы уверены, что для активного участия Монголии как материковой страны, не имеющей выхода к морю, в интеграционных процессах регионального и мирового уровня усилия соседних стран — Российской Федерации и Китайской Народной Республики будут иметь особо важное значение".

Академик Б. Энхтувшин охарактеризовал состояние трехсторонних отношений на сегодняшний день, перспективы и стратегию развития Монголии, отметив как пока еще недостаточную эффективность ныне действующей модели торгово-экономического сотрудничества, так и большой потенциал партнерства.

Директор Института международных исследований, доктор исторических наук Л. Хайсандай и доктор Л. Оюунгэрэл в совместном докладе подняли актуальную тему безопасности малых стран в новом веке ("Два соседа и проблемы экономической безопасности Монголии").

Необходимо отметить и такие выступления обобщающего характера, как доклад Директора Института международных отношений профессора Н. Алтанцэцг "Исследования внешней политики Монголии учеными России и Китая" и доклад заместителя директора Департамента МИД Монголии Г. Тумурчулууна "Азиатская политика Монголии".

Расширению знаний о монгольско-российских отношениях способствовал доклад известного монгольского ученого, доктора исторических наук, профессора О. Батсайхана, заведующего сектором России Института международных исследований АНМ, в соавторстве с доктором А. Нямдолжин "Монголо-российские традиции и обновление".

С докладом "Создание развитой инфраструктуры — основа интеграции между соседними странами" выступили ученый секретарь Института международных исследований АНМ доктор Д. Шурхуу и директор Департамента МИД Монголии доктор исторических наук Ц. Батбаяр. В нем содержался анализ проблем и возможностей интеграционного процесса, связанных с реализацией совместных инфраструктурных проектов.

Отметим, что в целом монгольские доклады показали достижения Монголии в строительстве новой жизни, рост ее международного авторитета и заинтересованность в придании большего динамизма трехстороннему сотрудничеству.

Профессор Р.Б. Рыбаков в своем выступлении рассмотрел проблему сотрудничества в цивилизационном контексте, подчеркнув огромный потенциал сотрудничества трех стран, трех цивилизаций, "которые в чем-то влияли друг на друга, но в основном создали свою картину мира, свою дорогу в этом мире, имеющие свою историю". Поэтому им есть чем поделиться друг с другом, есть и такие духовные ценности, которые будут способствовать сближению этих стран в новом веке.

Новую концепцию темы "Россия, Монголия, Китай, Индия: состояние и перспективы сотрудничества" выдвинула главный научный сотрудник, доктор политических наук Г.С. Яскина. В ее докладе сформулированы предпосылки четырехстороннего сближения, уже имеющиеся на сегодняшний день. Г.С. Яскина считает, что сама реальная возможность участия малой страны в проекте много-

стороннего сближения мотивирована быстро повышающимся статусом развивающихся стран, включая Монголию, в системе международных отношений в новом столетии. Следовательно, можно предвидеть, что Монголия в интеграционном формате “три плюс один” может играть далеко не последнюю роль.

По этому докладу прошла широкая дискуссия, основные идеи докладчика получили поддержку.

Интерес участников конференции вызвали выступления докторов исторических наук В.В. Грайворонского (заведующий сектором Монголии ИВ РАН) и М.И. Гольмана (главный научный сотрудник ИВ РАН). Первый докладчик подвел итоги трехстороннего взаимодействия (“Торгово-экономические отношения между Россией, Монголией и Китаем: основные тенденции и перспективы”), а второй вовлек китайских ученых в широкую дискуссию по проблемам политики Китая в отношении Монголии (“Проблемы национальной безопасности Монголии в оценках западных авторов”).

Представители регионального российского сообщества ученых (г. Чита) В.В. Кузнецов и Г.Г. Васильев в своих выступлениях остановились на характеристике условий, в которых развивается партнерство между Россией и Монголией, и его новых аспектов. Ими было подчеркнуто, что “в настоящее время Россия продолжает курс на развитие взаимовыгодного партнерства с Монголией”.

На конференции пять докладов было прочитано китайскими учеными. Профессор Чжан Юйянь предложил вниманию участников конференции доклад на тему “Влияние колебания цен на нефть на сбалансирование положения в мировой энергетике”. Данная тема отражает заинтересованность Китая в стабилизации положения в энергетической сфере в мире и в регионе. Доктор Пяо Цзяньи (“Эпохальные изменения в регулировании международной системы Северо-Восточного региона и китайско-российско-монгольское стратегическое сотрудничество”) считает, что сегодня регион Северо-Восточной Азии находится в преддверии исторических перемен, ведущих к установлению еще более рационального политико-экономического порядка. Анализируя стратегическое значение сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией, китайский ученый утверждает, что в контексте “всесторонней координации и поддержки гармоничного развития Северо-Восточной Азии” сотрудничество Китая, России и Монголии еще не достигло стратегического уровня и ограничивается приграничными связями. Можно соглашаться или не соглашаться с такой оценкой, но в любом случае подобная постановка вопроса привлекает внимание практическим подходом, предлагающим не полагаться только на политическую риторику, а задуматься над реальным содержанием стратегического партнерства.

В целом материалы Международной научной конференции в Улан-Батаре говорят о том, что сделан первый успешный шаг по пути теоретического осмысления реальных возможностей развития трехстороннего партнерства “Монголия—Россия—Китай” и конкретного понимания его сущности с точки зрения российских, монгольских и китайских исследователей.

Буддизм и вызовы третьего тысячелетия (Международная научная конференция в Улан-Удэ)

Научная конференция "Буддизм и вызовы третьего тысячелетия" состоялась 1—3 июля 2008 г. Тематика конференции затронула широкий спектр буддологических исследований, касающихся философских, исторических, филологических и религиоведческих проблем. Актуальность проведения данной конференции диктовалась тем, что буддизм, представляющий собой существенный и необходимый компонент культурного развития многих стран Азии, не только не утратил своей значимости, но и продолжает остро реагировать на все процессы, происходящие в современном обществе, проявляет закономерную реакцию на последствия глобализации, информатизации, экологических катаклизмов. Все это стимулирует новые научные изыскания, новые подходы к изучению места и роли буддизма в прошлой и современной истории не только стран Азии, но и Европы и Америки.

Цель конференции:

- дать анализ развитию буддизма в современном мире в условиях экологических потрясений, терроризма, глобализации и информатизации;
- рассмотреть роль буддизма в решении проблем 3 тысячелетия;
- выявить основные тенденции его дальнейшего развития;
- подвести итоги научных исследований в области буддологии за прошедшие годы XX столетия.

Конференция была представлена значительной географией и широким кругом обсуждаемых проблем. В ней приняли участие представители Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Читы, Абакана, Кызыла, а также ученые из Китая, Индии, Монголии, Соединенных Штатов Америки, Эстонии, Украины. Среди обсуждаемых проблем большое внимание уделялось общетеоретическим и методологическим аспектам буддологических исследований, современному положению буддизма в России, странах Азии, Европы и Америки, взаимоотношению буддизма с государством, соотношению с национальной идентичностью, а также его отношению к современным проблемам глобализации, информатизации, экологии и терроризму.

Работа конференции длилась два дня (1—2 июля). Первый день был посвящен пленарному заседанию, второй день работе пяти секций, разделенных по темам: "Философия и сотериология буддизма (*руководители*: д.филос.н., проф. Янгутов Л.Е., к.филос.н., доцент Нестеркин С.П.; *секретарь*: к.филос.н. Аюшеева Д.В.); "История буддизма (*руководители*: д.и.н., проф. Абаева Л.Л., д.и.н. Зориктуев Б.Р.; *секретарь*: к.и.н. Жамсуева Д.С.); "Источниковедение и филология" (*руководители*: д.и.н. Донец А.М., д.ф.н. Дампилова Л.С.; *секретарь*: к.и.н. Гарри И.Р.); "Буддийская культура и искусство (*руководители*: д.и.н., проф. Скрынникова Т.Д., д.и.н., проф. Бураев И.Д.; *секретарь*: к.и.н. Содномпилова М.М.); "Сов-

ременные процессы в буддизме (*руководители*: д.филос.н., проф. Лепехов С.Ю., д.филос.н. Манзанов Г.Е.; *секретарь*: к.филос.н. Амоголонова Д.Д).

Пленарное заседание открыл директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, чл.-корр. РАН Базаров Б.В. В своем приветственном слове и докладе "Буддизм и вызовы третьего тысячелетия" он отметил актуальность, своевременность, научную и практическую значимость проведения данной конференции, подробно остановился на современных проблемах, с которыми столкнулся буддизм на пороге третьего тысячелетия. В докладе была дана оценка места и роли буддизма в сегодняшнем геополитическом и социокультурном пространстве, намечены дальнейшие перспективы развития буддизма, а также задачи буддологической науки в свете сегодняшних реалий третьего тысячелетия.

В докладе Янгутова Л.Е. (Улан-Удэ) была дана оценка бурятской буддологической школе развивающейся в контексте российской востоковедной науки. Были подведены итоги буддологических исследований бурятских ученых за последние десятилетия, отмечены ее успехи. Было подчеркнуто, что сегодня буддология в Бурятии переживает период своего подъема, она охватывает практически все направления научно-исследовательских работ — исторические, филологические, источниковедческие, историко-философские, социально-философские и культурологические, затрагивающие такие ареалы распространения буддизма, как Китай, Тибет, Монголия и Бурятия. При этом очень важным представляется тот факт, что она имеет достаточно прочный резерв, состоящий из молодых квалифицированных специалистов, отвечающих главным требованиям буддологической науки — владению восточными языками и навыками работ с оригинальными текстами.

Лепехов С.Ю. (Улан-Удэ) свое выступление посвятил известному периоду истории бурятского буддизма — началу XX в., отразившему непримиримую борьбу сторонников обновленческого движения и его противников. По мнению докладчика, реформы обновленцев — это путь компромисса с властью, приспособление буддийской сангхи к требованиям времени и власти. Реформы их противников — путь максимально возможной автономии сангхи, где идеалом выступала тибетская теократия.

О новых исследованиях в буддологии говорилось в докладе Л. Мялля (Эстония, Тарту). Суть их заключается в несколько ином восприятии махаянских сутр. По мнению Мялля Л. все махаянские сутры имеют письменную природу, изначально создавались как письменные тексты, что существенно отличает их от памятников Тхеравады. Такой подход к изучению текстов Махаяны открывает новые перспективы в понимании истоков формирования Махаяны, ее истории и доктрины.

Профессор Улаан Б. (КНР, Хух-Хото) дала широкий анализ влиянию буддизма на формирование мировоззрения монголов. В тот исторический период, когда буддизм укреплялся на территории Монголии, властям приходилось буквально насильно внедрять в умы монголов буддийские ценности, которые со временем превратились в их традиционные ценности, определили тем самым их историческое мировоззрение.

Академик Цэрэнсодном Д. (Монголия, Улан-Батор) посвятил доклад влиянию буддизма на литературное творчество монгольских писателей, в частности на творчество Н. Ринчиний.

В своем выступлении Джампа Самтэна (Индия, Варанаси, Сарнатх) дал критический анализ происхождения текстового корпуса Махаяны. Он изложил суть споров представителей Махаяны и Тхеравады относительно аутентичности и времени возникновения их текстов, рассмотрел различные точки зрения ученых по этому вопросу, а также собственную, согласно которой махаянские сутры, действительно, относятся к более позднему периоду.

Буддийской культуре в этносфере монгольских народов был посвящен доклад профессора Абаевой Л.Л. (Улан-Удэ). По ее мнению, в теории и практике культуры, распространенной среди всей монгольской этнической общности, четко фиксируется этноинтегрирующая, этноконсолидирующая роль буддизма. Он выступает в качестве доминирующего элемента культуры монгольских народов, является ведущим фактором в определении их своеобразия.

Урбанаева И.С. (Улан-Удэ) подчеркнула, что наиболее серьезным вызовом III тысячелетия для человечества является осознание природы той взаимозависимости, которая лежит в основе существования человечества и всего сообщества живых существ на нашей планете. И этот вызов по сути своей — нравственный. По ее мнению, универсальный потенциал буддизма сможет принести реальную пользу в нравственном воспитании человечества.

2 июля с 9 часов началась работа пяти секций.

На секции “Философия и сотериология буддизма” было заслушано 15 докладов, которые охватили различные аспекты буддийской философии и сотериологии. При этом объектом внимания докладчиков были философские и сотериологические проблемы буддизма как Центральной, так и Восточной Азии. Особое внимание в докладах уделялось анализу категориального аппарата буддизма, используемого в философском и сотериологическом контексте. В ряде докладов подчеркивалась их неразрывная связь. В докладах красной нитью прозвучала идея о том, что сотериология буддизма является наиболее динамической частью всего буддийского комплекса, постоянно нуждается в солидном философском обосновании, философия, представляя собой более консервативную часть, развивается в определенном сотериологическом русле. Так, Нестеркин С.П. затронул проблему эволюции концепции субъекта спасения в основных философских направлениях индийского буддизма в их тибетской редакции, а также главных школах собственно тибетского буддизма. Докладчиком было отмечено, что эта концепция является одной из основных в сотериологической системе буддизма, и ее развитие связано с изменениями базовых философских установок, главным образом в области онтологии. В этом же ключе прозвучал доклад Гарри И.Е., посвященный одному из центральных тезисов позднего буддизма, согласно которому каждый индивид обладает природой Будды. Этот тезис имел принципиальное значение как для философии буддизма, так и для сотериологии. В докладе С.В. Товуу на основе анализа буддийской картины мира тувинцев был сделан вывод о том, что буддизм в Туве формировался под влиянием шаманизма, в конечном итоге, сложился характерный для религиозной жизни тувинцев феномен буддийско-шаманского синкретизма. Аюшеева Д.В. посвятила свое выступление влиянию ценностей тибетского буддизма на современное западное общество.

На секции “История буддизма” было заслушано 14 докладов. В докладах были освещены вопросы истории буддизма в Бурятии, Монголии, Калмыкии, Китае и Тибете. В выступлениях, посвященных истории буддизма в Бурятии были затронуты проблемы распространения буддизма в районах Бурятии и история бурятских монастырей (Цыбенков Б.Д., Бабуев С.Д., Жамсуева Д.С.). Были

затронуты страницы наиболее яркого периода истории бурятского буддизма, пришедшиеся на двадцатые годы XIX в. Так, доклад Дамдинова А.В. был посвящен выдающемуся деятелю бурятского буддизма, ученому и дипломату Агван Доржиеву. Свое внимание докладчик заострил на координационной деятельности Доржиева в установлении дипломатических взаимоотношений России и Тибета в начале XX в. Доклад Базаровой В.В. отразил историческую дискуссию известных бурятских ученых и просветителей М.Н. Богданова и Ц. Жамсарано. В этой дискуссии, получившей широкую огласку, обсуждались проблемы развития буддизма в Бурятии. Взаимоотношению православия и буддизма в Бурятии посвятила свой доклад О.В. Бураева. Она отметила, что с 1853 г. буддизм стал государственной религией бурят, что вызвало крайнее недовольство синода и православной миссии. В своих попытках обращения бурят в свою веру православие явно проигрывало буддизму. Борьба с ним развернулась во второй половине XIX в. Новым и эффективным приемом в деле христианизации бурят явилась подготовка миссионеров из местного населения. Однако после революции 1917 г., когда обе религии в одинаковой степени подверглись гонениям, их взаимоотношения прекратились. Только с 1990 г., когда был принят закон "О свободе вероисповеданий", и в 1994 г., когда были начаты работы по восстановлению разрушенных церквей и дацанов, взаимоотношения между двумя религиями возобновились на принципах взаимного уважения. В докладах, посвященных истории буддизма в Тибете и Монголии большое внимание уделялось ранней истории буддизма в этих странах. Были отмечены доклады Энхчимэг Ц. (Монголия, Улан-Батор) "О роли Мункэ хагана в распространении буддизма в Икэ Монгол улусе" и Нанзатова Б.З "Товхон-Буддийская Мекка Монголии". История китайского буддизма прозвучала в докладах Ветлужской Л.Л. "Буддизм в Китае в начале XX века" и Халбазыкова Д.В. "Буддизм в политической истории минского Китая". Свой доклад, посвященный истории буддизма в Калмыкии, К.В. Орлова (Москва) озаглавила "Калмыки накануне прихода в Россию: буддисты/шаманисты?" Отвечая на этот вопрос, она подчеркнула, что в духовной жизни калмыков достаточно прочно закрепился своеобразный буддийско-шаманский комплекс идей и представлений.

На секции "Источниковедение и филология" было заслушано 10 докладов, которые были посвящены проблемам изучения буддийских текстов, а также филологические аспекты буддологии. Дугаров Б.С. посвятил свой доклад излюбленному персонажу мифологии монгольских народов Хормусте. Он отметил, что в системе буддийской космологии монгольский Хормуста обнаруживает семанτικο-функциональную идентичность с Индрой, верховным божеством индуистской мифологии, возглавляющим сонм тридцати трех богов. Согласно докладчику, имя Хормусты восходит к иранскому божеству Ахурамазда, что свидетельствует о древних контактах разноразличных культур под знаком буддизма. Л.С. Дампилова рассмотрела проблемы взаимоотношения буддизма и шаманизма, отраженные в шаманских текстах. В них, по мнению докладчика, отражено как время активного бытования шаманизма на всей монголоязычной территории, так и период распространения буддизма. В шаманских текстах буддийское влияние наиболее четко обозначено в призываниях особо почитаемых общеперенятских божеств, которые получили свое буддийское имя. В буддизме эти божества, сохраняя исконную роль, были наделены дополнительными функциями, соответствующими новому статусу. Ц.П. Ванчикова посвятила доклад вопросам перевода буддийских сочинений с тибетского на монгольский язык. Такие перево-

ды имели огромное значение в распространении буддизма и укреплении его позиций среди монгольских народов. В докладе А.М. Донца были изложены результаты его анализа канонических текстов Махаяны, согласно которым, был сделан вывод о том, что буддийское учение является сложноструктурированным, преимущественно энергоинформационным образованием, которое создается на духовном уровне, а затем проповедуется Буддами в вербализованном или невербализованном виде. Знакомое нам по текстам Учение оказывается лишь одним из его видов, сочетающим в себе слово и смысл благословения, которые могут дифференцироваться по разным параметрам. В работе секции приняли участие ученые монахи из Буддийского института “Дашичойхорлинг” им. Д.Д. Заяева. Доклад Дашидондокова С.С. (Иволга) был посвящен жизни и творчеству видного представителя тибетского буддизма Кенсур Агван Нимы, а доклад Дондокова Б.М.-Б. (Иволга) проблемам исследования буддийских источников на старописьменном монгольском языке.

Секция “Буддийская культура и искусство” была представлена широким спектром разнообразных тем, посвященных культуре и искусству буддизма. На ней было заслушано 11 докладов. Большой интерес и множество вопросов вызвали доклады Сумья Д. (Монголия, Улан-Батор) “Эволюция образа в восхвалениях Тары” и Цэрэнханд Г.А (Монголия, Улан-Батор) “Монгольские обычаи, связанные с костями овцы”. Бернштейн А. (США, Нью-Йорк) выступила с сообщением о практике “чод” в традиции Гелугпа, которую она рассматривает как связующее звено между монголо-тибетскими мирами. Болотов Э.Д. (Иволга), ученый монах из Буддийского института “Дашичойхорлинг” им. Д.Д. Заяева посвятил свой доклад переводам буддийской литературы с тибетского языка на старописьменный монгольский язык. В докладе Скрынниковой было уделено внимание на использовании термина *törö* в значении универсального Высшего закона. В рассматриваемый период, по мнению докладчика, только начал формироваться концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления о верховной власти, связанной с новой политической реальностью существования монгольской общности. О ценностных категориях в религиозных традициях говорилось в докладе Николаева Э.А. Было уделено внимание взаимодействию цивилизаций, которое приобретает сегодня жизненно важное значение. Известный мастер буддийской иконографии Кочаров А.А. охарактеризовал тексты на санскрите, тибетском и монгольском языках, посвященные популярной среди народов Центральной Азии богине Таре. Им также были рассмотрены вопросы зарождения и развития иконографической традиции, в которых нашел свое отражение глубокий символизм многогранного образа Тары.

И наконец, секция “Современные процессы в буддизме” была посвящена актуальным проблемам буддизма на современном этапе его развития, с одной стороны, роли и месту буддизма в решении современных проблем человечества третьего тысячелетия — с другой. На секции было заслушано 15 докладов. Здесь следует отметить доклад Митыпова В.М. и Балдано М.Н., посвященный роли буддийской церкви в социокультурном пространстве современного российского общества. Докладчики отметили возросшую политическую активность буддийского духовенства, его участие в публичной политике и деятельности представительных органов власти. По их мнению, “общая стратегия развития сангхи России выработана, в первую очередь, с учетом политики федерального центра и снижения влияния тибетского духовенства”. В докладе Манзанова Г.Е. было отмечено, что “буддизм создал в этнической Бурятии новый тип культуры, осно-

ванный на письменности, книгопечатании, школьном образовании, профессиональном и литературном творчестве". За последние годы его роль, в связи с этнокультурным возрождением бурятского народа все более усиливается. прозвучали доклады Амоголоновой Д.Д. "Современное буддийское обновление в Бурятии" и Гаращенко А.А. "Влияние взаимодействия государства и религиозных организаций на законотворческий процесс в период становления правового государства в современной России". О религиозном возрождении в Монголии, его причинах и проблемах говорилось в докладе Тумэнцэцэг (КНР, Хух-Хото). Влиянию буддизма на современную культуру посвятил свой доклад Ляэнеметсу М. (Эстония, Тарту) "Значение "Гандавьюха-сутры" в современной культуре".

3 июля на территории Иволгинского дацана в Буддийском институте "Дашичойхорлинг" им. Д.Д. Заяева состоялся круглый стол "Феномен 12 Пандито Хамбо Ламы Даши-Доржо Итигэлова". Работу круглого стола приветствовал Пандито Хамбо лама Аюшеев Д. В дискуссиях круглого стола приняли участие: Пандито Хамбо лама Аюшеев Д., директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, чл.-кор. РАН Базаров Б.В., ректор Буддийского института "Дашичойхорлинг" им. Д.Д. Заяева Ганжур-лама, настоятель Иволгинского дацана Дагба-лама, преподаватели Буддийского института "Дашичойхорлинг" им. Д.Д. Заяева, а также участники конференции Мялль Л. (Эстония), Цэрэнсодном Д. (Монголия), Абаева Л.Л., Джампа Самтэн (Индия), Качаров А.А. (Санкт-Петербург), Бернштейн А. (США), Жабон Ю.Ж. (Улан-Удэ).

Участники круглого стола единодушно отметили выдающуюся роль 12 Пандито Хамбо Ламы Даши-Доржо Итигэлова в истории буддизма. Были обсуждены различные аспекты феномена Итигэлова, его значимость для нынешнего и будущего поколений верующих. Участники круглого стола посмотрели фильм об Итигэлове, ознакомились с научными результатами исследования нетленного тела Итигэлова. Было отмечено, что, пока нет рационального объяснения подобному феномену нетленности тела. Было принято решение о необходимости совместных усилий буддийского духовенства и сотрудников Института монголоведения, тибетологии и буддологии БНЦ СО РАН в области изучения феномена 12 Пандито Хамбо Ламы Даши-Доржо Итигэлова.

© 2009

Л. Янгутов,
доктор философских наук, профессор,
Заведующий отделом философии,
религиоведения и культурологи
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

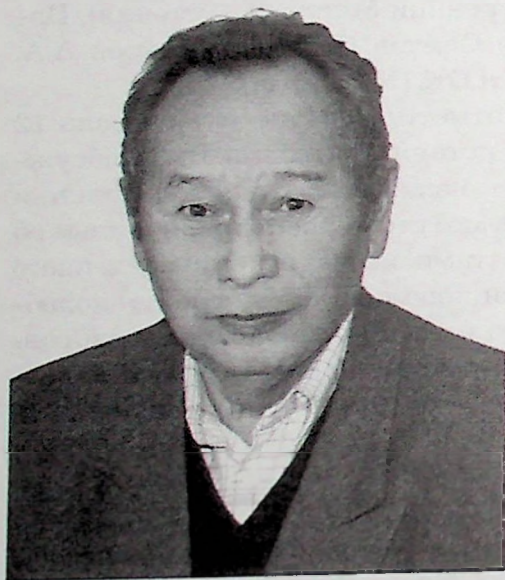
Д. Аюшеева
кандидат философских наук,
ученый секретарь отдела

Юбилей ученого

К 80-летию Леонарда Сергеевича Переломова

Учиться и своевременно претворять
в жизнь — разве не в этом радость?

Конфуций

5 декабря 1928 г. во Владивостоке, в год Мыши по китайскому календарю, в семье китайского революционера Цзи Чжи и русской женщины Александры Павловны Переломовой родился сын Леонард. Ему суждено было стать одним из крупнейших синологов России, ведущим специалистом по истории политической культуры Китая, блестящим знатоком идейного наследия Конфуция. Ныне имя доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Леонарда Сергеевича Переломова — президента Русского конфуцианского фонда, члена Правления Международной конфуцианской ассоциации, автора более 150 научных трудов — известно каждому обществуведо и гуманитарии нашей страны, так или иначе сталкивавшимся с изучением китайских политических традиций.

Видимо, под влиянием отца — преподавателя Дальневосточного филиала КУТВ, владевшего китайским, английским и русским языками, в 1932 г. мобилизованного в пограничные войска, в то время входившие в состав ОГПУ, — у мальчика проявилась склонность к изучению Китая, его культуры, философии и истории. В 1946 г. юноша поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), который закончил в 1951 г., получив фундаментальную китаеведческую подготовку. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Образование и крах империи Цинь (221—207 гг. до н.э.)", в 1970 г. — докторскую диссертацию "Легизм и проблема становления централизованного государства в Китае (V—III вв. до н.э.)".

В 1955 г. Леонард Сергеевич стал научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. С 1973 г. его исследовательская деятельность прочно

связана с Институтом Дальнего Востока, где он долгое время возглавлял сектор, деятельность которого была посвящена изучению политических и культурных традиций Китая. В настоящее время, являясь главным научным сотрудником Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН, он ведет активную исследовательскую работу, передает свой богатейший опыт молодым коллегам.

Опора на первоисточники — тексты китайских мыслителей, глубокая обоснованность теоретических выводов и авторских оценок, бережное отношение к китайской комментаторской традиции и уважение к трудам предшественников стали главными характеристиками научного метода Леонард Сергеевича. Обширная эрудиция, необычайное трудолюбие и увлеченность своей профессией, исследовательская скрупулезность и яркий научный талант позволили ему сказать новое слово в различных областях китаеведения, в первую очередь в сфере изучения политической культуры Китая и истории древнекитайской мысли.

Уже та монография, которой Л.С. Переломов 46 лет назад открыл счет своим крупным трудам (“Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае”), отличалась тщательнейшей проработкой китайских источников. Уместно заметить, что это было, по существу, пионерское комплексное исследование по данной тематике, подобных которому в то время не было не только в отечественном, но и вообще в европейскоязычном китаеведении.

По завершении этого труда Л.С. Переломов обратился к проблемам, которые, будучи тесно связанными с прежней темой, выводили исследователя на более широкие теоретические рубежи. Фокус своего научного интереса он сосредоточил на доктрине древнекитайской “школы закона” (фацзя), или школы легистов, философского и общественно-политического течения, учение которого составило фундамент идеологической доктрины империи Цинь. Результатом этой работы явилось осуществленное в 1968 г. издание перевода и исследования важнейшего памятника легистской мысли — “Книги правителя области Шан” (“Шан цзюнь шу”). Перевод (первый и до настоящего времени в нашей стране единственный) снабжен подробными комментариями, а в предваряющем его исследовании, посвященном истории памятника, взглядам и деятельности его основного автора — виднейшего представителя “школы закона” Шан Яна (IV в. до н.э.), подвергнута анализу система политических взглядов легистского мыслителя, сердцевину которой составило учение о принципах управления, экономической и социальной организации централизованного тоталитарно-бюрократического государства.

Поднятая в данном труде проблема взаимоотношений легизма с его главным политическим конкурентом — конфуцианством, главной идейной опорой китайской империи в послециньскую эпоху, полученные в ходе научных изысканий выводы по данной проблеме получили развитие в следующем научном проекте Л.С. Переломова. “Конфуцианство и легизм в политической истории Китая” — такое название получила вышедшая в 1981 г. новая монография ученого, ставшая едва ли не “культовой” в отечественной синологии. Вряд ли найдется в нашей стране китаист, который не прочел бы эту книгу еще в студенческие годы. Автор показал сложный и противоречивый процесс взаимодействия двух ведущих политических доктрин Китая на переломных этапах истории страны, когда наиболее ярко проявляли себя то их антагонизм, то вынужденный синтез.

Леонард Сергеевич первым выделил и обозначил тот феномен китайской духовной и политической культуры, который выражается в современном общественном звучании исторических образов и идеологием. Этот феномен он назвал "институтом "политика-история"". В своем фундаментальном труде о взаимоотношениях конфуцианства и легизма Л.С. Переломов раскрывает особенности действия этого важнейшего фактора жизни китайской цивилизации, в немалой степени обуславливающего ее преемственность и целостность. Впервые в отечественном китаеведении в подробностях освещается механизм функционирования исторического сознания в Китае, превращения истории страны в устойчивый элемент политической традиции, источник методов решения текущих задач правящей элитой. Если в первой части книги автор исследует проблемы зарождения и формирования самого содержания института "политика-история", то во второй — показывает детали и закономерности его действия в годы "десятилетия смут" (1966–1976 гг.), когда мобилизующая роль знаковых для культурного сознания образов проявилась наиболее рельефно. Необычный угол зрения, под которым Л.С. Переломов рассматривает драматический период новейшей истории Китая, позволяет ему выявить внутренние связи общественного сознания, объединяющие культурные стереотипы и побудительные мотивы политического действия, дает возможность в нюансах проследить развитие идеологической кампании "критики Линь Бяо и Конфуция" и приемы манипулирования массовым сознанием. Представленный в книге материал, ставший результатом длительной исследовательской работы, показывает не просто огромную роль традиций в политической культуре Китая, но новые измерения традиционного в ее структуре, реальность современного существования идущих из древности институтов.

Может быть, самые яркие научные достижения Л.С. Переломова связаны с изучением жизни и взглядов "Учителя китайской нации" — Конфуция. К этой тематике его подвел весь предыдущий опыт изысканий. Мощь личности Конфуция, пронизавшая благоговением перед образом Учителя все слои китайской культуры, его учение и судьбы идейного наследия столетиями привлекают пристальное внимание интеллектуалов за пределами Китая. Разгадка тайны этого образа, в котором переплелись миф и реальность, постижение смыслов "Бесед и суждений" ("Лунь юя") — текста, составленного учениками мыслителя и содержащего его высказывания, являются ключами к глубинам национального духа китайцев, основаниям их ментальности и политической культуры. Овладение этими ключами — задача, требующая не только широчайшей эрудиции и освоения огромного исторического материала, но и творческой дерзости. Ученому, решившемуся воссоздать целостную систему взглядов Конфуция, по-новому увидеть смысловое наполнение его учения и обстоятельства жизни, предстояло провести труднейшую реконструкцию, базирующуюся на анализе многообразных источников, многочисленных, возникавших в различные эпохи версий их толкования, нередко взаимоисключающих. О том, насколько успешно Л.С. Переломов решал эти задачи, говорят его книги о Конфуции и его учении: "Слово Конфуция" (1992), "Конфуций: жизнь, учение, судьба" (1993) и, наконец, новый, сопровождаемый фундаментальным исследованием академический перевод главного источника сведений о взглядах древнего мыслителя — "Конфуций. "Лунь юй"" (1998). Последняя работа в 2001 г. была удостоена премии Президиума РАН им. С.Ф. Ольденбурга.

Труды Л.С. Переломова о Конфуции — не просто подведение итогов определенных этапов деятельности ученого. По сути, это даже нечто большее, чем обозначение рубежа, достигнутого отечественным китаеведением в конкретной области. Практически любой свой вывод исследователь поверяет трактовками и заключениями отечественных и зарубежных коллег. Выполненный им перевод “Лунь юя” — не только источник сведений о взглядах Конфуция в трактовке Л.С. Переломова. Благодаря подробнейшему комментарию, это еще и кладезь информации о версиях перевода, когда-либо предлагавшихся специалистами, обосновывавшихся ими толкованиях тех или иных темных мест текста, о концептуальных моделях, которыми руководствовались как носители традиции восточноазиатской конфуцианской герменевтики, так и исследователи-китаеведы, трактуя позицию Учителя по тому или иному вопросу. Свой перевод наиболее сложных и спорных пассажей “Лунь юя” ученый сопровождает имеющимися версиями их переложений как на современный китайский, так и японский, корейский и европейские языки, скрупулезно сопоставляя представленные интерпретации.

Не мысля свою деятельность вне пространства мировой синологии, без учета накопленных ею знаний, Л.С. Переломов в то же время на замыкается в рамках наработанных схем, предлагая и обосновывая свое видение базовых и, казалось бы, хорошо изученных концептов конфуцианской теории. Так, коллеги неоднократно отмечали оригинальность трактовки Леонардом Сергеевичем категории *хэ*, которую в отечественной литературе принято переводить как “гармония”. Только исследователь политических традиций и одновременно текстолог высочайшего уровня мог усмотреть в термине *хэ* “стремление к единству через разномыслие”, увидеть его аналоги в современных идеалах плюрализма и демократии, убедительно обосновать свое понимание данной категории у Конфуция как одного из важнейших качеств “благородного мужа” (*цзюнь цзы*) — предельно высокого и одновременно безальтернативного личностного норматива, введенного и закрепленного Учителем в пространстве китайской культуры. В выполненном Л.С. Переломовым переводе “Лунь юя”, в главе “Цзы Лу”, мы читаем: “Учитель сказал: “Благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание...””. Последний оборот — “единство через послушание”, которым Л.С. Переломов переводит слово *тун* (“общность”, “единство”, “согласие”), — это тоже новое прочтение известной антиномии, противопоставляющей “благородного мужа” “маленькому человеку” (*сяо жэнь*), замкнутому в кругу суетных эгоистических интересов. Трактовка категорий *хэ* и *тун*, предложенная Л.С. Переломовым, дает возможность глубже понять причины поразительной жизнеспособности конфуцианской традиции. Накопление исторического опыта не только не способствует ее “развенчанию”, но, напротив, позволяет открывать новые грани тех культурных смыслов, что изначально несли в себе поучения Конфуция, слышать современное звучание исконной мудрости китайской цивилизации.

Неоценимую роль сыграл Л.С. Переломов в осуществлении новаторского проекта: первого в России издания базового для конфуцианства свода канонических текстов — “Четверокнижия” (“Сы шу”), осуществленного в 2004 г. Леонард Сергеевич приложил максимум усилий для подготовки этой уникальной книги. Он не только предоставил для нее свой перевод “Лунь юя”, предисловие и примечания к нему, но и написал общую вступительную статью и послесловие ко

всему изданию. Таким образом, именно предложенное Л.С. Переломовым концептуальное видение конфуцианской традиции стало своего рода камертоном, настраивающим сознание читателя на постижение ее канонических оснований. Этот факт отражает безоговорочное признание академического авторитета Леонарда Сергеевича со стороны соратников по научному цеху. В 2007 г. ученый подготовил и издал для массового читателя книгу “Конфуцианство и современный стратегический курс КНР”. Автор, прибегнув к историческому экскурсу, показал наличие традиционных элементов в политических стратегиях лидеров Китая в XX в., осветил особенности внутреннего содержания современного курса КНР на “построение социализма с китайской спецификой”, на взгляд Л.С. Переломова, по сути означающего строительство “конфуцианского рыночного социализма”. В своей работе он убедительно показал те причины, которые позволяют называть социально-экономические модели, претворяемые в жизнь в Японии, Южной Корее, в Сингапуре и на Тайване, “конфуцианским капитализмом”.

Л.С. Переломов всегда уделял много сил и внимания участию в осуществлении крупных коллективных научных проектов. Так, он стал одним из авторов (наряду с М.В. Крюковым, М.В. Софроновым и Н.Н. Чебоксаровым) вышедшей в 1983 г. книги “Древние китайцы в эпоху централизованных империй”, вошедшей в известную серию работ по этнической истории китайцев. Сейчас он активно участвует в работе над проектом, не имеющем аналогов в мировом китаеведении, — пятитомной энциклопедией “Духовная культура Китая”, подготовка которой осуществляется в Центре сравнительного изучения цивилизаций ИДВ РАН под общим руководством академика М.Л. Титаренко. Леонард Сергеевич является ответственным редактором тома “Историческая мысль. Политическая культура. Право”, автором целого ряда разделов указанного тома и статей, помещенных в другие тома этого издания.

За вклад, внесенный Л.С. Переломовым в изучение конфуцианства, зарубежные синологи называют его “московским Конфуцием”. Его работы переводятся на китайский язык в КНР и на Тайване.

Отец Леонарда Сергеевича в своем завещании писал: “За всю свою жизнь я никогда не занимался накоплением личных сбережений и никогда не хотел, чтобы мои дети жили за счет моих заслуг”. Те, кому посчастливилось работать рядом с “московским Конфуцием”, могут засвидетельствовать — он унаследовал эту жизненную позицию.

Желаем Леонарду Сергеевичу — крупному российскому китаеведу, талантливому исследователю и мудрому наставнику молодежи — крепкого здоровья, счастья, благополучия, новых книг, помогающих нашим соотечественникам глубже узнать и по достоинству оценить богатейшее духовное наследие китайского народа.

*Дирекция и коллектив сотрудников
Института Дальнего Востока РАН*

*Редколлегия и редакция журнала
“Проблемы Дальнего Востока”*

Степанов Евгений Дмитриевич

01.08.1931 г. — 17.12.2008 г.

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 17 декабря 2008 г. ушел из жизни видный отечественный китаевед, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук Степанов Евгений Дмитриевич.

Евгений Дмитриевич родился в 1931 г. в г. Горьком. В 1950—1954 гг. он учился на китайском отделении Московского института востоковедения (МИВ), а 1954—1955 учебном году, в связи с ликвидацией МИВа, продолжил обучение в МГИМО, который закончил в 1955 году, получив квалификацию “страновед по Китаю со знанием китайского и английского языков”.

После окончания института был принят на работу в Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике. В 1957—58 гг. работал в Институте философии АН СССР. В 1958 г. перешел на работу в Институт китаеведения АН СССР, позднее объединенный с Институтом востоковедения в Институт народов Азии АН СССР. В 1966 г. был переведен в Советский комитет солидарности народов Азии и Африки.

С 1970 г. Евгений Дмитриевич работал в Институте Дальнего Востока РАН, где сформировался как признанный в России и за рубежом специалист в области истории русско-китайских отношений, пограничных проблем КНР. В ИДВ он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1988 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: “Погранично-территориальные проблемы во внешней политике КНР”. Его работам присущи глубина анализа, оригинальность мышления, четкость в изложении аргументов. Благодаря ему в научный оборот был введен большой пласт ранее неизвестных документов и материалов, позволивших устранить многие искажения в истории советско-китайских отношений. Евгений Дмитриевич — автор свыше 100 научных работ, в том числе 5 монографий. Широкий научный резонанс вызвала его последняя монография (2007 г.) “Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в.”.

Евгений Дмитриевич был членом Ученого и Диссертационного советов Института. Его любили все, кому посчастливилось быть с ним знакомым. Общеизвестна его скрупулезность в научном поиске, искренность в отношениях с людьми, готовность прийти на помощь товарищу.

Друзья и коллеги Евгения Дмитриевича скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память о Евгении Дмитриевиче Степанове навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.12.2008 г. Подписано к печати 19.01.2009 г. Формат бумаги 70x100 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 787 экз. Зак. 897

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2009 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.